

ДАША ПАР

АЖОЧИТ

Злая опьяняющая любовь не проходит бесследно. Даже если финал оказался с ядовитым привкусом крови и аконита.

Елена бежит от прошлого, от волка, готового убить за то, что она сделала. Чтобы выжить, девушка принимает помощь другого оборотня, Лико, получая его метку, оказываясь под влиянием волчьих чувств. И как на зло, попадает в игру Армана, волка, имеющего виды на них обоих.

Ставки сделаны, кости брошены, триада любви началась. А победитель получает всё.

Предисловие

— В больницу была доставлена молодая женщина, визуально лет восемнадцати, в состоянии острого припадка с подозрением на передозировку наркотическими веществами. Тахикардия, нечёткость ритма, снижение артериального давления, зрачок расширен. Гипертермия до 39 °С. Нарастает цианоз. По клинической картинке предположили отравление атропиноподобными веществами, однако на введение антагонистов, таких как аминостигмин и галантамин, реакции не последовало, а экспресс-тесты не выявили известные лекарственные наркотические вещества. Когда пациентка поступила в моё отделение, при осмотре, обнаружил характерные признаки передозировки малоизвестного наркотического вещества «неон», о котором вы предупреждали. Это голубая окантовка зрачка и специфический запах изо рта, схожий с запахом растения «аконит». Однако общая картинка отличается. Девушка не впала в коматозное состояние и у неё нет отёка головного мозга. По вашим прогнозам, к этому моменту она уже должна была быть мертва. В связи с этим решил вызвать вас.

— Вы что-нибудь узнали о ней?

— В больницу её доставили в нижнем белье, она вышла на проезжую часть в центре города, закричала и упала на землю, начались судороги. Прохожие вызвали скорую. При девушке не было документов, сама на вопросы не отвечает. На лице длинный шрам от правой брови до подбородка. Широкий и глубокий. Больше никаких примет.

— Шрам? — молодая женщина удивлённо уставилась на собеседника сквозь фальшивые стёкла очков. — Я должна увидеть её.

— Разумеется. Идёмте, — врач выбросил сигарету в урну и жестом указал направление женщине.

— Как видите, состояние ухудшается, на препараты не реагирует, — не выдержав молчания, заявил врач, когда они оказались в одноместной палате.

Ещё совсем недавно девушка была весьма привлекательной, но сейчас от былой красоты остались лишь воспоминания. Спутанные грязные волосы, на лице остатки косметики, уже не скрывающей длинный шрам, обнажившийся как свежая рана. На левой стороне разбита скула: её били по лицу. Костяшки пальцев содраны, несколько ногтей сломано, а остальные обкусаны и лак ободран. Она выглядела неестественно бледно: лоб блестит от пота, прерывистое дыхание, хмурится, во сне сжимая и отпуская пальцы.

Женщина, стоявшая возле койки, скрестила руки на груди и о чём-то лихорадочно думала. Слова молодого врача повисли в воздухе и когда он уже был готов задать абсолютно лишние и опасные вопросы, она заговорила:

— В эту палату никого не впускать. Если в больницу поступят ориентировки, подходящие под описание этой девушки, немедленно сообщите мне. А пока оставьте нас, мне нужно задать ей несколько вопросов.

— Она спит. Сейчас не самое время...

— Вы уже сталкивались с последствиями действий неона? — резко обрубил его женщина.

— Да, — врач опустил взгляд.

— Тогда знаете, что будет дальше. Наша сделка подразумевает отсутствие вопросов и

исполнение приказов, помните об этом? — дождавшись согласия, женщина сменила гнев на милость и продолжила говорить более спокойным тоном:

— Примерно через час нужно будет вывезти девушку из больницы так, чтобы об этом никто не узнал. Потребуется седативные медикаменты. Подготовь всё.

Оставшись с пациенткой наедине, женщина подошла ближе и осторожно провела пальцами по руке больной. Она совсем не удивилась, когда та одним молниеносным движением перехватила руку и с силой сжала её, моментально просыпаясь. На женщину смотрел обзлѐнный и напуганный до смерти человек, готовый вновь сражаться за свою жизнь.

— Тише-тише. Я пришла помочь, — спокойно заговорила женщина. — Я знаю, что с тобой случилось...

— Вы одна из них?! — зашипела пациентка, сильнее сжимая пальцы, с абсолютной ясностью во взоре смотря на неё.

— Нет. Я пришла помочь тебе, — повторилась женщина. — Ты ведь знаешь, что будет дальше?

— Я умру, — зло улыбнувшись, ответила девушка, а затем закашлялась, отпуская незнакомку.

— Синдром отмены. Если перестаёшь принимать неон, организм умирает. Но ещё есть время остановить это.

Она достала из небольшой заплечной сумки маленький контейнер, в котором было несколько голубых, почти светящихся, таблеток. Как только девушка увидела их, она задѐргалась, пытаясь подняться.

— Вы одна из них! — утвердительно закричала она, подавившись очередной волной дикого кашля.

— Нет, — ответила женщина, убирая таблетки обратно в сумку. — Мне просто нужно было кое в чём убедиться. Давай будет честными друг с другом. Я пришла помочь тебе. Есть способ, благодаря которому ты останешься в живых. Это рискованная операция, но это твой единственный шанс выжить. В обмен мне потребуется твоя помощь. Ты догадываешься, какая? — дождавшись ответного кивка, женщина продолжила:

— Ты согласна?

Во второй раз она смогла только слегка наклонить голову, соглашаясь со сделкой. Женщина оставила ненадолго обессиленную девушку и вышла в коридор, доставая из сумки мобильный телефон.

— Лико? Привет. Ты говорил, что сможешь помочь с физическими последствиями действий неона? Приезжай, появился человек, которому ты должен помочь, — выслушав недолгую тираду на том конце, она облегчѐнно выдохнула, а затем продиктовала адрес больницы и напоследок сказала:

— Приезжай как можно быстрее. За этой девушкой скоро придут. Мы должны увезти её раньше.

Через четверть часа на пороге палаты уже стоял напряжѐнный молодой парень, лет двадцати пяти, кудрявый, взѐрошенный, порывистый, худощавый с длинными пальцами и небесно-голубым цветом глаз. Одетый в простую однотонную рубашку и в джинсы с кроссовками.

Он внимательно изучал молодую девушку, почти нервно потирая руки.

— Не могу поверить, что это и правда она, — тихо проговорил он, обращаясь к

женщине, стоявшей рядом с ним.

— Это она. Поэтому, что бы ты не задумал — сделай. Другого шанса не будет. Ведь даже если отбросить кто она такая, остаётся тот факт, что перед нами лежит первый человек, который смог избавиться от ментального воздействия наркотика.

Лико негромко вздохнул, заходя в палату.

— Оставь нас, — велел он и женщина, пожелав удачи, закрыла за ним дверь, отрубив комнату от больничных звуков.

Оставшись наедине с девушкой, он медленно подошёл к койке и присел на её край, пристально всматриваясь в лицо незнакомки.

— А ты красивая, — тихо сказал он, убирая пряди с лица. — И что же за зверь посмел так испортить твою красоту?

— Ты один из них. — девушка открывает глаза и устало смотрит на него. — Она солгала, да? Ты вернёшь меня ему?

— Нет. Я хочу спасти тебя, — отрицательно качнул головой он. — Будет больно, но ты выживешь. Ведь ты хочешь этого, не так ли? Выжить, не взирая на последствия?

Девушка беспомощно заплакала.

— Закрой глаза, — едва слышно попросил он.

И как только она это сделала, невинная, почти подростковая, внешность Лико изменилась. Глаза засияли ярким, льдистым, голубым светом, челюсть с небольшим хрустом выдвинулась вперёд, продемонстрировав вытянувшиеся вниз и вширь острые клыки. Кожа парня потемнела, а в заглубившем лице проступили звериные черты. Он стал похож на волка в человеческой шкуре.

Лико убрал волосы девушки, а затем обнажил шею, слегка запрокинув её голову.

— Прости, — его голос опустился и теперь больше напоминал звериный рык, чем человеческую речь.

А затем одним стремительным движением впился ей в шею.

Глава 1. Начало игры

Среди ветров, дождей, туманов — ты,
Полная обманов, иллюзий детских и мечты,
Не знающая правил этой заводной игры,
В которой приз — отсутствие любви!

Иногда думаю, что сошла с ума.

Раздвоение личности, а глубоко внутри, там, где бьётся сердце, есть вторая я. И она лучше меня. Сильнее, умнее, привлекательнее и увереннее. Так и должно быть? Как в книге Чака Паланика или даже у Достоевского. Ведь вторая я забирает лучшее из моей жизни, оставляя только скучную повседневность да страх перед толпой незнакомцев, насмехающихся надо мной.

Когда была совсем маленькой, на меня напал дикий пёс. В результате на лице появился длинный, от правой брови до подбородка, шрам, широкий, сильно выделяющийся на фоне белой кожи. Я из небогатой семьи фельдшера и учительницы, поэтому пластическая операция не по карману. Естественно, жизнь в маленьком селе рядом с Ангарском не была сладкой. Дети жестоки к не таким. И особенно жестоки к тем, кто не может дать сдачи.

Наверное, поэтому появилась она. Всего несколько дней в месяц, иногда чаще, иногда реже, но она занимает моё место, и мы становимся сильными, независимыми, даже жёсткими. Как раз такими, чтобы поставить всех на место и выжить.

Отец говорил, что эта сила станет слабостью. Что защита мнимая: я должна научиться справляться с агрессией самостоятельно. Он не верил мне, считая, что всё выдумываю. Что я это я. Возможно он прав. Но я не могу и не хочу сопротивляться.

Ведь только когда приходит она, я по-настоящему живу.

* * *

— Лена!

У неё вечно недовольный голос по утрам. И сама она типичный ипохондрик. Она любит проявлять жалость и сочувствие, но из-за особенностей характера всегда переводит всё на себя. С ней было бы невозможно дружить, если бы искала теплоту и заботу, но я просто не хотела быть одной в таком большом городе. И поэтому принимала её как есть.

— Женя, — киваю присаживающейся рядом на широкой подоконник, подруге.

Захлопываю тетрадь с конспектами, убираю в сумку, отодвигаясь назад, чтобы Женя не заслоняла обзор на широкую лестницу, ведущую на первый этаж к входным дверям университета. Мне важно было увидеть их.

— Я сегодня ночью так долго не могла заснуть. Кожа на запястье сильно чесалась, чуть ли не до крови расчесала, но не могла остановиться. Это ужасно! Я в интернете прочитала, что такой зуд может быть первой причиной возникновения сахарного диабета! А ещё это может быть грибковой инфекцией. Уверенна, что и ноги тоже покраснели...

Она тараторит, как сорока, а сама постоянно озирается, сканируя пространство и

запоминая всякие мелочи. Любит сплетни, рыжая-бесстыжая. Не злая, просто не может найти что-то своё. И поэтому заполняет пустоту бессмысленными вещами.

— Не волнуйся, это всего лишь аллергия на кожаный ремешок новых часов, которые ты ухватила за сто рублей в переходе метро. Ты вчера ими хвасталась, сегодня не стала надевать, — перебиваю её на полуслове. — Помажь кожу противоаллергенной мазью, прими антигистаминный препарат и выброси часы. Всё скоро закончится.

— Ты не понимаешь! — патетично воскликнула она, расчёсывая забинтованную руку. — Со мной никогда ничего не бывает так просто! — Евгения вздохнула, поудобнее устроилась на подоконнике и достала из широкого рюкзака термос со своим особым дурнопахнущим чаем. — Я вчера чуть не умерла от страха, у меня сердце колотилось как ненормальное...

— Твоя мама опять не ночевала дома, правильно? — вновь перебила её.

И девушка умолкла, слегка поджав губы и смерив немного обиженным взглядом. Она потёрла руки, тряхнув кудрявыми волосами, а затем заявила:

— Она работала.

Но по глазам видно — девушка сама не верит своим словам.

— Вот именно, — отвечаю спокойно.

— Окей, опять твоя любимая тема. Все мои беды от того, что мама меня не слишком сильно любит. Её никогда нет рядом, и я постоянно придумываю всякие болячки, чтобы привлечь внимание. Скажи это моей руке! — она стянула с запястья повязку, обнажив голую, совершенно здоровую, но сильно расцарапанную кожу.

— Просто держи мои слова в голове в следующий раз, когда найдёшь очередные симптомы смертельного заболевания, вспомни замечательную повесть — Трое в лодке, не считая собаки. Недавно я зачитывала тебе отрывок, точь-в-точь напоминающий твои ежедневные стенания.

Наш разговор мог продолжаться до бесконечности. Вновь и вновь, по кругу, одно и то же. И вновь по памяти зачитываю ей те строки, она смеётся, совсем не зло и не обиженно. А я смотрю в окно напротив, вижу, как подъезжает ярко-красная машина, с шумом, блеском, солнечным всплеском. И из неё выходят **они**. Яркие, живые, свободные.

Кудрявая блондинка с малиновой помадой на губах, в кожанке, на каблуках и в очках в форме красных сердец, а следом идёт вылитый молодой Джеймс Дин, и волосы залаченные, зачёсанные назад, ехидная ухмылка, в правом ухе серьга в виде доллара, кожаные брюки, печатка, сверкающая серебром, а после выходит он. И сердце, предательское сердце, вновь ухнуло, покрыв щёки ярким румянцем, и в животе проснулись пресловутые бабочки.

Блондин, в расстёгнутой на верхние пуговицы рубашке, небритый, скуластый, в нём было немного от скандинавской породы, голубоглазый, высокий бог, с порочностью во взгляде. Ему вслед смотрят все девушки, но смотрит он только на одну. И это, разумеется, не я.

— Земля вызывает Елену! — Женя провела рукой перед глазами и я очнулась. — Даже поворачиваться не нужно, чтобы понять: Артём Викторович Лукьянов со своей многочисленной свитой прибыл в родную альма-матер.

— Да, он мне нравится, что в этом такого? Он всем нравится, — ответила раздражённо.

От неосторожного поворота головы слетел капюшон. Поймав взгляд одной проходившей девчонки, смутилась, пригладила волосы, натягивая его обратно.

— Именно из-за этого Артём мне и не нравится. Что в нём такого особенного, что все

девчонки западают на него?

— Он умён, красив, уверен в себе, при богатых и щедрых родителях, с чётким планом на будущее. По-моему, всё очевидно.

Я проводила взглядом удаляющуюся сквозь холл компанию, вздохнула, мельком глянув на часы над входными дверями.

— Идём, скоро лекция, не хочу опоздать.

— Да-да, — закивала Женя, спрыгивая с подоконника и помогая в этом мне.

* * *

— Всё-таки не понимаю, почему именно он.

В столовой не протолкнуться, но нам удаётся занять столик. И даже возле окна, где на столах ещё сохранились не заляпанные скатерти и в стаканах остались салфетки. Сквозь шум и гам, приходится говорить громко, но в таком шуме подслушивать просто невозможно.

— Меня тянет к нему, — наклоняю голову вправо, чтобы за волосами скрыться от остальных.

Ковыряю остывшее пюре, хмурюсь. Женя заколола непослушные пряди и убрала их в пучок, полностью открыв лицо. Острая зависть шипами прошила сердце, а затем отпустила. Я не завистливая, нет, совсем не завистливая.

— Из-за таких как он, ты страдаешь, — уверенно заговорила она, пододвигая ко мне половинку от купленной шоколадки. — Забудь о нём, Артём может разбить тебе сердце.

— О да, ведь я такая рисковая, — рассмеялась, принимая сладкую помощь.

— Вот Тимур с параллели давно зовёт нас в поход на три дня. Поехали? Свежий воздух, природа, хорошая компания, гитара у костра, романтика!

— Из нас двоих ипохондрик ты или я? — восклицаю удивлённо. — Тимуру хочется залезть к тебе в трусы, потому что, цитирую: «Интересно, рыжие везде рыжие или это не так?»

— Злая ты, — обиженно проворчала Женя, но по глазам видно — слова её не задела. — Считаешь будет лучше пойти в клуб Меххх, где зависает Артём? Наркотики, беспорядочные половые связи, алкоголь, пот и насилие?

— А чем походы хороши? Комары, дешёвое бухло, пьяные грязные парни, которые лезут в твой «спальничек» и пристают точно так же, как и в клубах? — заговорила иронично. — И что это за клуб такой?

— Это место принадлежит отцу Артёма. Догадываешься, какой там ценник?

— Как будто бы я туда собираюсь! — проворчала в ответ на её сарказм.

— Нас всё равно не пустят. Рожей не вышли, — Женя покачала головой, даже не заметив, что обидела меня. — А вот в поход можно запросто пойти в эти выходные. Пятницу прогулять, на машине рвануть и вот, мы уже в Подмосковье, у реки в хорошей компании!

Она достала мобильный и принялась строчить письмо Тимуру, в то время как я, незаметно, открыла на телефоне сайт клуба.

* * *

Иногда жизнь подбрасывает события, значения которых понимаешь далеко не сразу. Новые знакомства проявляют себя спустя годы, а желание трансформируется в отвращение. Всё вокруг меняется, меняемся и мы сами.

Я не знаю, почему иногда принимаю те или иные решения. Откуда берётся смелость сделать что-то вызывающее, яркое, даже непристойное? И почему так сильно влечёт к Артёму, ведь знаю — мы не пара. Я не местная, из деревни, он коренной москвич. Я бедная,

он богатый. Из-за шрама не красавица, а он почти идеален. Артём даже не знает о моём существовании! Так зачем тянусь к нему, выискивая в толпе, изучая странички в соц. сетях, собирая сплетни? Как будто в нём есть какая-то притягательная тайна, что-то, что есть и во мне.

* * *

— Кати! — голос полон мольбы и скорби. — Ну пожалуйста! Ну разве я когда-нибудь о чём-либо тебя просила?

— Даже не думай, — с фальшивой категоричностью отвечает соседка по комнате, придирчиво изучая мою фигуру. — Что с Женькой в «поход» не пошла?

— Лесная романтика не для меня, — я подставляю ей то правый, то левый бок.

— Чёрт, и почему некоторым так везёт с фигурой! — простонала она. — Мне приходится чуть ли не святым духом питаться, чтобы не потолстеть, а ты ешь как не в себя и в прекрасной форме.

— Хороший метаболизм, — отвечаю довольным голосом. — Поэтому я и подрабатываю в ресторане уборщицей, оттуда еду таскать можно. В следующий раз притащу торт, если дашь поносить то шикарное красное платье с глубоким вырезом!

Она тихо зарычала.

— Ну и куда ты в таком виде собралась? — сдавая позиции заговорила она. — А торт шоколадный или фруктовый?

— Какой захочешь, такой и принесу, — подмигнула ей. — Сегодня ночь Хэллоуина. Я собираюсь в клуб Меххх!

— Ой, — удовлетворённое выражение сошло с её лица и она страдальчески скривилась. — У них на входе настоящий фейс-контроль.

— Намекаешь на шрам? — спрашиваю спокойным тоном, вновь прикрывая лицо. — Не в этот раз. У них бесплатный вход для тех, кто придёт в гриме. Идеальное прикрытие!

Мне всегда больно смотреть на себя, прикрывая половину лица волосами. Ведь я могла бы быть симпатичной, если бы не шрам! У меня хорошая фигурка, тонкая талия, чёрные волосы, слегка вьющиеся по всей длине, красивый овал лица, женственные губы, густые ресницы, интересный цвет глаз — серые, с ярко-оранжевой окантовкой вокруг зрачка. Мама говорила, что я похожа на Белоснежку. Но стоит заколоть волосы и обнажить шрам, так сразу вся красота испаряется. Мне просто не повезло.

От старых окон веет холодом, батареи совсем не топят и Катя натягивает на себя второй свитер. Ловлю в отражении зеркала её недовольный взгляд. Вид обнажённой кожи на холоде удивляет, но на Севере такая погода сравнима с летней и поэтому мне совершенно не холодно, а даже жарко.

Скоро вновь стану сильной. Только предчувствие этой силы подтолкнуло ввязаться в столь сомнительную авантюру. Никогда не угадаешь, что случится, пока не попробуешь.

Платье отлично село по фигуре, лёгкий макияж подчеркнул цвет глаз, вишнёвая помада усилила полноту губ, а яркие серьги приковали внимание к лицу.

— Удачи, — напоследок сказала Катя. — Главное не пей бесплатные напитки, не танцуй с незнакомыми парнями и возвращайся не слишком поздно. Короче будь пай-девочкой, если это вообще возможно в подобном месте.

— Со мной не пойдёшь?

Надеваю любимый плащ, купленный за приличные деньги с первой зарплаты. Широкий капюшон как купол скрывает лицо, уводя глубоко в тень, так, что даже шрам становится

невидимым и издали кажется, что его вообще нет.

— Такие развлечения не по мне, — лёжа отвечает девушка. — Лучше лягу спать пораньше. Не забудь — завтра лекция у Бориса Дмитриевича. Он алкоголь и похмелье за версту чувствует — могут возникнуть неприятности.

— Спасибо за заботу, мамочка, — улыбаясь отвечаю на лёгкий выпад соседки.

* * *

Когда играет музыка, не остаётся времени на сомнения, жалость к себе, чувству одиночества, нерешительности, стеснению и страха. Каждое движение — точное попадание в ритм, в груди нарастает щекочущее чувство, напоминающее пение колибри, вибрирующее, сбивающее дыхание. По спине струятся капельки пота, губы приоткрыты, а глаза постоянно закрываются от наслаждения и чтобы сильнее почувствовать кожей мощный бит, отражающийся от стен и сотни тел, бьющихся в едином порыве, на единой низкой ноте.

Здесь и сейчас, в полутьме, под светом неоновых лазерных пульсирующих линий, весь мир открылся мне. Нет ни препятствий, нет черты, отделяющей и разделяющей, только единство, полное и безоговорочное.

Это началось ещё в метро, то самое пресловутое чувство, рождающее глубоко внутри, когда по-настоящему просыпаюсь. Коктейль чистейшего гнева и ослепительно-белой ярости. Ногтями провела по стеклу, за которым проносилась тьма и едва уловимые очертания труб. Надвинутый капюшон, нехватка воздуха, сжатые пальцы. А позади слова:

— Ну ты, подруга, круто в образходишь.

И в подтверждение аплодисменты, когда уж собиралась вцепиться в лицо разукрашенному панку.

На входе в клуб передо мной моментально открыли двери, стоило стянуть капюшон и расстегнуть пальто. Уверенность и ядовитая ухмылка сделали своё дело.

Луна не полная, не яркая, но так манит, она так притягательно прекрасна, и ярость от её бескрайней наготы отступает, уступая место глубокому тёмно-синему океану спокойствия, готовому в любой момент сорваться в водоворот желаний и страстей.

Внутри сплошной экстаз и адреналин. Парень в разноцветных линзах, ржёт как обезьяна, открывает рот, показывает раздвоенный язык, он накачался, ему смешно. Я зарычала, вызывая искренний испуг, а затем засмеялась, заразительно и зло.

У стойки бара, выпила ром-колу, гулять так гулять! И врываюсь в танцевальный омут с головой. Я поймала волну и не собираюсь прыгать вниз. А когда он подходит сзади и обнимает за талию, загравком чувствуя его разгорячённое дыхание, без тени сомнения, без тени сожаления, поддаюсь, маня его за собой. Впиваюсь в губы, дразня кусаю, смеюсь, ловя возбуждённый взгляд голубых глаз.

— Пойдём? — говорит негромко на ухо. — Есть одно место, тебе там понравится.

Молча киваю, следуя за ним. Он проводит мимо танцующих, мимо длинной барной стойки, мимо кулуаров, запрятанных под лестницами, ведущих на разные уровни клуба. Прямо на этаж, где вход только для своих, через невозмутимых охранников, чьи предплечья украшены татуировками пышущих жаром драконов. Он открывает вход, и мы попадаем совсем в иную атмосферу.

Здесь пахнет сладостью. Пахнет мятной травкой, а музыка совсем на иных уровнях пульсирует, отдавая сахарной истомой во всё тело. Мы идём мимо закрытых красными полупрозрачными тканями комнат, из которых доносятся и смех, и блаженный стон, и крики, и удары плетью.

Именно сейчас, здесь, в этом разодетом в медовые одёжи месте, мне спокойно. Как будто попала на своё место. Будто здесь — мой дом. И только одна беспокойная, назойливая мысль то всплывает на поверхность, то исчезает: «Вдруг он догадается, вдруг поймёт, что это не игра...»

Я гоню её прочь, вдыхая миндальный аромат от раскуренных кальянов, возле которых расположились тёмные лица на фоне подсвеченных красных тканей. Они провожают нас взглядами и шёпотом, а потом и взрывным смехом. Я оборачиваюсь, провожу языком по губам, подмигиваю и спешу следом за Артёмом.

В комнате, куда он привёл, совсем тихо, если не считать плавной восточной музыки, доносящейся откуда-то сверху. Сюда не проникали звуки с танцпола благодаря мощным ярко-красным стенам, такие бывают в студии звукозаписи. Но здесь уютнее: диваны, блестящие и чёрные, мягкий пол, кофейный столик, усыпанный таблетками, зеркальцами, конфетами, сигаретами, зажигалками и прочей дребеденью. В середине возвышался небольшой серебряный кальян, рассчитанный на несколько персон.

А прямо напротив сидела Шарли, всё такая же красивая, кудрявая и злая, как и всегда, только теперь в костюме куклы. У неё на коленях покоился незнакомый парень, взглядом устремлённый в потолок, но кажется, что изучает космос, настолько далёк и безмятежен он. По правую сторону знакомый по университету Кот, сегодня он решил вырядиться Элвисом, но и сейчас всё равно больше похож на Джеймса. Рядом с ним ещё один незнакомец с острым отталкивающим взглядом, а за их спинами роскошная брюнетка с татуировкой змеи на правом плече. Она массировала плечи Кота и постоянно касалась обнажённой грудью его затылка.

В другой части комнаты, возле стены на подушках лежала полностью голая девушка, с головой волка — пластмассовой маской, полностью скрывавшей её внешность. Она медленно водила острыми длинными ногтями по своей шее, а возле ног сидел маленький белый кролик, наостривший уши, забавно принюхивающийся и всё время порывавшийся встать на задние лапы.

— В кроличью нору и обратно, — пробормотала еле слышно.

— И какую же бродяжку ты притащил на этот раз, Артём? — голос Шарли такой конфетный, приторный, такой надменно-злой, резал без ножа, царапал горло, оскорблял слух.

— Куколка должна молчать и открывать ротик ради другого дела, — ответила также сладко, как говорила она. — Не выходи из образа, дорогая, а то все подумают, что ты не стараешься.

— Она мне нравится! — рассмеялся парень, лежавший на коленях у Шарли.

Он моментально получил не сильный удар от неё, обиженно воскликнул «ай!», поднялся и под недовольный взгляд девушки ушёл к кролику и обнажённой «волчице», которая обхватила его руками, прижимая к груди.

— Так значит язычок у нас подвешен, — цокнула Шарли, поднимаясь и вставая напротив меня. — Какой замечательный грим, ты просто милашка, так гротескно-натурально. Играешь жертву?

— Я могу и так, и так, — в ушах зазвенело, но губы расплзлись в улыбке.

Наклонившись вперёд, почти коснулась её губ.

— Ведь ты тоже любишь играть?

— Эй! — возмутился Артём, отводя меня в сторону. — Ты пришла со мной!

— Она забавная, — Шарли облизнула губы. — Но...

— Я лишь пришёл забрать своё, — оборвал её Артём, моментально нахмурившись.

Брюнетка с татуировкой рассмеялась, а затем наклонилась к Коту и что-то прошептала на ухо, это подслушал второй парень, от чего его улыбка стала ещё более неприятной и широкой. Именно он подхватил со стола небольшой бумажный пакетик с отпечатком волчьей лапы и изысканным жестом протянул мне, стоявшей ближе всех. Приняв подношение, почувствовала, что в нём находится несколько круглых таблеток. В следующую секунду на меня почти напала Шарли, но я успела перебросить пакет Артёму, и та захватила только воздух.

— Артём! — почти прорычала она. — Он не одобрит!

— Не ты здесь главная, — спокойно ответил парень, обхватывая меня за талию. — Пошли отсюда, красавица? — прошептал на ухо.

Я помахала рукой Шарли и мы покинули клуб.

* * *

— Где мы?

Ночь в полном разгаре. Звёзды как миллиарды горящих капель в небе, гудят, зовут и тянут в вечность, подобно бездне, подобно тому, как мы всматриваемся в бесконечную тьму. Первые холода пока ещё мягко касаются разгорячённых тел, в них не присутствует опасность, в них нет острых граней, нет кристальной свежести мороза, но именно эта обманчивая мягкость, вкупе с первыми по-настоящему северными ветрами, таит истинную угрозу. Холод может убаюкать, может забраться под кожу, нашёптывая колыбельную, проникая в мысли, внушая спокойствие и безмятежность. Это хрустальное состояние ведёт к смерти. В бесконечность и обратно.

Артём привёз в центр Москвы, на Садово-Сухаревскую улицу. Выбравшись из такси возле эстакады, он повёл меня в сторону заброшенного здания, зиявшего разбитыми окнами и холодом недостроенного торгового центра.

— Это место неофициально принадлежит моему отцу, — просто сказал Артём помогая перебраться через дыру в заборе. — Скоро здесь возобновиться стройка, как только будут улажены некоторые формальности. А пока... пока это отличное место, чтобы немного развлечься, — он подмигнул, доставая ключ из кармана и открывая внушительный замок, огромной цепью закрывавший входные двери.

— А охрана?

— Сегодня здесь только мы.

Я рассмеялась, а затем закружилась, подставляя разгорячённое лицо обнажённому сладкому прелому ветру, поднимавшему палую листву с холодной земли. Сердце предательски громко стучит, пальцы дрожат от нетерпения, под кожей звенит струна, и я не могу перестать улыбаться.

Внутри, при свете фонарика на смартфоне, оказалось совсем не страшно, даже романтично. Это здание колодезного типа с круглым проёмом в центре. По словам Артёма, тут должен был быть высокий фонтан. Но пока пустота, только ветер гуляет, разгоняя пыльный мусор, играя сам с собой наперегонки, протяжно гудя среди открытых проёмов окон.

Под ногами хрустит разбитое стекло. Поднимаю голову и вижу, сквозь разбитое потолочное окно, луну. Предательски яркую, волнительно-белую луну. От неё во рту сладко-горький привкус, почти медный, почти вкусный. Артём обхватывает за плечи и уводит в

сторону лестницы, ведущей на верхние этажи.

— Ты сможешь? — шепчет на ухо, когда оказываемся перед небольшой дощечкой, сантиметров тридцать в ширину, перекинутой на месте обрушившихся ступенек. Под углом, почти четыре метра.

Это страшно.

— Ты так всех девушек испытываешь или только мою смелость проверяешь?

Я разворачиваюсь, сладко целую в губы, а затем легко ступаю на этот опасный путь. Это просто и даже весело, если представить себе купол цирка и костюм акробатки. Главное не смотреть вниз, а уж чувство равновесия у меня всегда было как у кошки. И вот я наверху, ловлю восторженный взгляд парня. Мне совсем не холодно, поэтому расстёгиваю куртку, стягивая с плеч и обнажая глубокий вырез.

— Ты идёшь?

И он следует за мной.

Наш путь заканчивается в небольшой комнате без окон, но с большим матрасом, укрытым белоснежными простынями, подушками и мягким одеялом. Здесь даже есть свечи, расставленные по всей комнате, которые так долго зажигать! А также буфет и небольшая печка, от которой становится теплее. Правда от бокала вина тепло быстрее проходит по сердцу, окрашивая щёки в красный цвет.

— Ты разденешь меня? Или будешь дальше смотреть на меня, будто я хрустальная? — говорю лукаво, неотрывно глядя на него.

В глазах читаю страстный отклик. То, что всегда хотела увидеть. Я отвожу руку в сторону и бокал падает на чёрную плитку, звонко разбиваясь осколками. Ни он, ни я взгляд не отвели. Только улыбки шире — он повторяет спонтанный жест. Снимаю куртку, шагаю назад, не отворачиваясь, и он медленно следует за мной. Кожанка падает и я поворачиваюсь спиной, плавно проводя ладонями по шее, чтобы он вновь повторил за мной, спускаясь к заднему вырезу платья, расстёгивая заедающую молнию, отчего движения, бывшие плавными, становятся резкими, как и его поцелуи от шеи и ниже, он проводит языком по обнажившейся и покрывшейся мурашками спине. Я поворачиваюсь ловлю губами его губы, чуть прикусываю, не сильно, чтобы крови было всего пара капель.

Мы неотрывно смотрим друг на друга, я высвобождаю пуговицы на его рубашке, стягиваю её с него, а он снимает с меня платье. Ремень брюк непослушный, из натуральной кожи, оставляю в руках, складывая пополам, а затем несильно бью по его плечам, в ответ перехватывает мои руки и отбрасывает игрушку в сторону, укоризненно качая головой.

Артём обхватил за плечи, а я в ответ играючи разворачиваю его и бросаю на матрас. Каблуком упираясь в пах, расстёгиваю лифчик и он летит вслед за ремнём. Облизнув губы, смеюсь, а затем падаю рядом с ним от лёгкой подножки. Он проводит рукой по груди, не переставая улыбаться. Наклоняясь вперёд, шепчет на ухо:

— У меня кое-что есть для тебя.

И достаёт из кармана пакетик, надрывает его зубами и на руке остаются голубые, почти неоновые цвета, таблетки. Одну он сразу глотает, другую протягивает мне. Осторожно взяв её, подношу к губам, но замираю.

Опасность.

Сердце пропустило удар и я сделала вид, что проглотила таблетку. При этом незаметно выбросила за спину.

И поцелуи изменились. Сладкие до этого, сейчас они расцвели ненасытностью. Мы

обнажены и телом, и душой. Касаемся то осторожно, то грубо, то нежно, то больно. Я кусаю его в шею, он сжимает мои бёдра, не сбивая с ритма, только ускоряясь. Запрокидываю голову, ловлю наши тени, из-за дрожания свечей подобно призракам, танцующих по стенам и потолку.

Этого недостаточно, и он поднимается ко мне, так что смотрим глаза в глаза на расстоянии всего нескольких сантиметров. Быстрее и быстрее, неотрывно. Читаю в нём своё воспалённое отражение. Прерывистое дыхание, капли пота и немного крови на губах от жалящих поцелуев. Мы не можем остановиться, это даже больно, но так быстро! Всё, чтобы вспыхнуть неоновыми звёздами на самом пике наслаждения.

Глава 2. Первые игроки

Мы играем в одну и ту же игру.

Шаг за шагом, кубиками по столу.

Я не сдамся, не поддамся, не сглуплю!

Кто же из нас проиграет эту войну?

Пробуждение сладкое, как сахар, скрипит на зубах, отзываясь томительной болью в затылке. Губы обветрились, потрескались, кости ломит, внизу болит, а глаза слиплись, с трудом открываю их.

Ночью казалось, что в комнате нет окон, однако они просто закрыты плотными фанерами, сквозь которые всё равно проступал утренний солнечный свет. В воздухе витает запах сырой свежести, под куцым одеялом совсем не тепло и только врождённый северный холод не даёт замёрзнуть. Зевнув, нащупала валявшуюся неподалёку сумочку, достала телефон и ужаснулась. Почти проспала!

Переведя взгляд на парня, сладко спящего рядом, поморщилась, а сердце пропустило один удар. Я всё-таки сделала это.

Я как наркоман, придумываю оправдания своим поступкам, принимаю свою вторую я, а затем расплачиваюсь угрызениями совести и жалостью к себе. А затем разгребаю последствия своих действий. Что на этот раз? Чем всё закончится?..

Почти как ниндзя, натянула под одеялом нижнее бельё, затем плавными, нерезкими движениями выбралась на холод, подтягивая платье, сетуя на стоявшие рядом высокие каблуки. Тащиться до общежития придётся долго, значит первую пару точно пропущу.

— Не уходи, — спокойный голос за спиной вывел из равновесия, и я пошатнулась, натягивая куртку.

Спустив волосы на половину лица, обернулась в профиль и посмотрела на проснувшегося парня.

— Ты должен сделать вид, что спишь, чтобы я могла спокойно смыться, — говорю уверенно, хотя уверенности не было от слова совсем.

— А может я хочу ещё раз тебя увидеть? — гнёт свою линию Артём, не понимая, что это невозможно. — Нам было хорошо...

— Пусть так и останется, — обрываю его на полуслове. — Мне пора. Не будем портить это утро всякими глупостями.

— До встречи, Елена.

* * *

Возвращение в общежитие получилось скомканным, но выразительным и целенаправленным. Обыск холодильника привёл к незамысловатому завтраку в виде подгоревшей яичницы, пары бутербродов с колбасой и горячему кофе. И помидоры с огурцами. И несколько шпрот, аккуратно вытащенных из баночки — не дай бог хозяин увидит! Что поделаешь, я постоянно хочу есть. Особенно когда трачу много энергии.

Здрavo рассудив, всё-таки пропускаю первую лекцию, предпочитая принять контрастный душ, помыть голову и смыть с себя прошлую ночь. Как и предполагала — на теле обнаружила несколько новых синяков. Ничего страшно, на мне всё быстро заживает. Криво улыбнувшись отражению в зеркале, вернулась в комнату, разбудив Катерину.

— Я всю ночь веселилась, а у тебя какое оправдание? — спрашиваю, шутливо щёлкнув её по носу.

Девушка недовольно поморщилась и сонно зевнула.

— Который час? — проворчала она, протирая заспанное лицо.

— Если сейчас встанешь, то успеешь со мной на вторую лекцию.

— Чёрт!

Её глаза мгновенно открылись. Она как из пробки вылетела из постели, на ходу стягивая пижаму и погружаясь в ещё до конца не распакованный чемодан в поисках свежего лифчика.

С кружкой горячего кофе, с тюрбаном из мокрого полотенца на голове, в мягком махровом халате и в тапочках, сижу на кровати, с ехидным интересом наблюдая за её метаниями. За окном светит яркое осеннее солнце, желтизна листьев наполняет комнату приятными оранжевыми оттенками, а от проезжающих за окном машин по стенам наперегонки бегают солнечные зайчики и из-за двери тянет чем-то вкусным с кухни. Раздаются громкие и негромкие голоса студентов, топот ног, чей-то смех. Общежитие живёт своей жизнью.

— Ну что ты сидишь?! — воскликнула Катя, уже полностью одетая и заплетающая волосы в косу. — Мы же опоздаем!

— До универа нам полчаса езды, десять минут высушить волосы, десять минут одеться. Десять минут собраться. Лекция через полтора часа начнётся. Успею, — прихлёбывая кофе, отвечаю ей.

— Что? — она замерла, а затем достала из-за шкафа заряжающийся телефон. — Ты же сказала, что мы опаздываем на вторую лекцию!

— Ничего подобного! — я рассмеялась. — Я сказала, что если ты встанешь, то успеешь со мной ко второй паре. Я не думала, что ты настолько скорый поезд.

— И что теперь делать? — растеряно спросила она, присаживаясь на уже заправленную кровать.

— Тебе — нормально завтракать, мне допивать кофе и потихонечку собираться.

— Так ты и правда не ночевала сегодня? — сообразила Катя.

На её лице медленно расцвела хитрая улыбка.

— Определённо Хэллоуин — мой самый любимый праздник, — доверительно сообщила я.

* * *

От вопросов было не отвертеться, и даже загадочная улыбка с прищуром не спасали. Женя, как и Катя, была настойчива в попытках выбить из меня подробности. Я отбивалась, как могла, ссылаясь на личное пространство и таинство праздника, но, в конце концов, сдалась и выложила всё, что было.

— Да подруга, ну ты даёшь, — резюмировала Евгения, качая головой. — Представляешь, а Тимур напился и всю ночь проспал в другой палатке. А я как дура сидела и ждала его. Вчера высказала ему всё, что думала, а он и бровью не повёл. Дурак! —

недовольно заговорила она, быстро переключившись на то, что волновало сильнее всего. — А ведь так всё хорошо начиналось!

Мы проходим мимо главного входа, направляясь в другое крыло института на последнюю лекцию. После очередной чашки кофе реальность выглядит вполне сносно, хотя на парах отчаянно зевала и постоянно клевала носом.

— Я предупреждала, но ты предпочла лесную романтику и песни под гитару у костра. Кстати, а эта часть программы хоть была?

— Да, только сама знаешь, дождь всю субботу шёл, так что мы изрядно промокли. Мне кажется я заболела, — Женя остановилась и громко чихнула. — Точно заболела!

Я рассмеялась и не сразу услышала голос за спиной.

— Елена?

А когда поняла кто меня зовёт тотчас осознала, что как назойливый комар крутилось в голове всё утро. На периферии, в дальнем уголке сознания билась одна-единственная мысль: я не говорила ему своё имя.

Оборачиваюсь, сильнее прикрывая половину лица волосами, натываюсь на его взгляд. Артём выглядит довольным. Как будто пазл сошёлся и всё встало на свои места.

— Я нашёл тебя! — заявил удовлетворённо парень, а стоявшая рядом Шарли поморщилась.

Она смерила меня высокомерным взглядом, особенно задержавшись на лице, а затем что-то прошептала на ухо Коту и мерзко улыбнулась.

— Привет Лена, — фальшиво-ласково протянула она. — Неплохо вчера повеселилась, да девочка? Наш Артём оказывается филантроп, таким бедняжкам, как ты, подаёт. Тебе понравилось?

Вчера ответила бы также остро, как говорит она. Хлётко и жёстко. Но вчера. А сегодня покраснела, уводя взгляд в сторону и замечая, как Женя отходит, делая вид, что она не со мной. Вижу, как другие студенты смотрят на меня. Кто-то с жалостью, кто-то с презрением и гадким любопытством. Они смотрят также, как когда-то на меня смотрели в школе. В груди разорвался пузырь горечи и я поджала губы, отворачиваясь, намереваясь уйти.

Меня схватили за плечо, и я оказалась почти на одном уровне с Артёмом. Я ожидала увидеть в его глазах всё то, что всегда видела в других, но он смотрел иначе. Так на меня никогда не смотрели, и я не стала вырываться.

— Пойдём, поговорим? — осторожно предлагает он, словно понимая, что ещё немного и от меня останется мокрое место.

— Тёма, она же уродина! — раздался злобный голос Шарли. — Зачем ты так в неё вцепился?!

— Иди отсюда, — холодно бросил через плечо Артём, даже не обернувшись.

— Она права, — заговорил до этого молчавший Кот. — Это просто глупо.

— Пошли оба!

Я не понимала сути спора, но чётко знала одну истину — от богатых следует держаться подальше. Кто знает, что им в голову взбредёт. Уж тем более не следует оказываться между ними. Отойдя назад, окинула каждого пристальным взглядом, а затем быстро пошла на выход из Института, слыша за спиной одобрителный комментарий Шарли:

— Иди-иди отсюда. Тебе же будет лучше!

— Шарли! Ещё слово и я...

Окончание поглотил звонок и под его трель выбежала из здания, глотая слёзы. Чёрт,

последствия оказались гораздо хуже, чем думала!

Завернув за угол, стрельнула у одного из прогульщиков сигарету, а затем углубилась в парк. Мне было о чём подумать.

Значит пока спала, Артём влез в мой телефон. Так он узнал, кто я, где учусь и самое главное — мой шрам настоящий. Зачем он это сделал? Зная репутацию парня, определённо могу сказать одно — он не из тех, кто бегаёт за девушками. Особенно за такими, как я. У меня проблемы. Шарли обожает издеваться над всеми, кто попадает в поле её зрения. Особенно если замешан Артём. Хоть и говорят, что она становится спокойнее, девушке, посмевавшейся надеть точно такое же платье, Шарли собственноручно отрезала волосы. Что же сделает со мной, учитывая, что Артёма она считает чуть ли ни своей собственностью?

Ненавижу терять контроль и становится другой, но в иные моменты буквально жажду вновь обрести такую уверенность и силу, чтобы делать всё, что захочу. Это похоже на наркотик, мой персональный кайф. И вот к чему он привёл на этот раз.

Сигарета дотлела до конца и я, погружённая в беспокойные мысли, даже не заметила этого, пока не выронила её из-за ожога. Чертыхнувшись, с тоской посмотрела в сторону института. Что мне теперь делать? Менять институт? Но я столько сделала, чтобы выбраться из деревни на Севере и поступить на бюджет в Москву! Из-за одного опрометчивого поступка всё бросить?

— Я нашёл тебя! — повторился голос.

Артём пересёк газон, щедро усыпанный павшей листвой. Он шёл быстро, не замечая грязные листья под ногами, пачкающие его чистые брюки и туфли. Растрёпанный, с лёгкой щетиной и в лучах солнца, парень выглядел как модель, сошедшая со страниц мужского журнала о моде. Такой контраст сбивал с мысли, и я растерянно замерла на месте.

— Что тебе нужно? — наконец вымолвила, когда он подошёл совсем близко, явно нарушая границы личного пространства.

— Я хочу быть твоим другом, — обворожительно улыбнувшись, заявил он.

— Это невозможно! — обескураженно отвечаю, делая несколько шагов назад.

— Почему нет, Лена? — как в танце он делает шаг вперёд, беря за руки. — У тебя ведь нет друзей?

— Вообще-то есть!

— Она сбежала, как только Шарли обратила на тебя внимание, — парировал он. — А если мы подружимся, то и Шарли перестанет говорить гадости. И она также станет твоим другом. И Кот. И все те, кого ты видела в клубе.

Я нервно сглотнула, пытаюсь аккуратно высвободить руки. Доброжелательное выражение его лица пугало почище гневных комментариев Шарли.

— Я... кажется, мы не подходим друг другу, — подбирая слова, пытаюсь высвободиться. — Мы слишком разные для дружбы...

— А вчера ты была совершенно другой, — неожиданно нахмурился Артём, отпуская руки и позволяя отступить назад. — Что случилось?

— Вчера я была не в себе.

Опустила взгляд вниз, а когда нежданный ветер взметнул волосы, стянула с руки резинку и с её помощью закрыла волосами часть лица.

— Но тебе же понравилось? — он приподнял мой подбородок, чтобы перехватить взгляд. — Ты чувствовала себя свободной, разве нет?

Я ничего не ответила, только смотрела на него. Я не понимала, что ему нужно. Зачем он

цепляется ко мне?

— Хочешь всегда быть такой? Хочешь стать свободной? Вчера тебе было плевать на свой шрам и на то, что думают другие. Я могу сделать так, что это чувство будет постоянным. Хочешь? Вся твоя жизнь изменится. Появятся новые увлечения, новые друзья. Всё станет ярким. Настоящим. Хочешь этого?

Я опять высвобождаюсь, хмурюсь и ещё раз отступаю.

— Что тебе от меня нужно? — спрашиваю настороженно, видя все его обманчиво-мягкие уловки.

Он вздыхает, а затем качает головой и пожимает плечами.

— В тебе есть что-то такое... Вчера ты была особенной. Ты не давала, а брала и даже сейчас вижу это в твоих глазах. Ты кое-кого мне напоминаешь. Кое-кого важного для нас всех. Другие этого не видят, но всё изменится, когда ты присоединишься к нам...

— Мне это не нужно, — резко оборвала странную речь. — Вчерашняя ночь глупая ошибка. Мне не следовало приходить в клуб и уже тем более не следовало связываться с тобой. Я уйду.

Только развернулась, чтобы уйти, как он вновь схватил за плечо и развернул к себе. Он обхватил лицо руками и поцеловал. Жадно, грубо, властно. Сердце пропустило несколько ударов прежде чем вырвалась, вытирая губы.

— Нет! — воскликнула твёрдо. — Мне от тебя ничего не нужно!

— Ты говоришь нет, но твоё тело говорит да, — он медленно раздел меня взглядом и ухмыльнулся. — Ты ведь даже не понимаешь о чём идёт речь и от чего ты отказываешься, не так ли?

— Возможно. Но одно знаю точно — когда человек начинает говорить загадками, не жди, что речь идёт о мороженом и сахарной вате. Мы закончили. Я уйду.

Слова, брошенные вслед, мурашками прокатились по спине:

— Елена, есть и другой путь! Он тебе не понравится. Но потом...

Артём не закончил фразу, а в голове уже замелькали плохие мысли. Я ничего не понимала. Не понимала, что ему нужно и что он задумал. Зачем всё это? Только одно было ясно — мне следует держаться как можно дальше от компании Артёма. Иначе быть беде.

* * *

Переобуваюсь в раздевалке, убирая волосы в хвост и закалывая его тугой резинкой. Девушки в противоположном конце шушукаются, переглядываясь и посматривая в мою сторону. Делаю вид, что не слышу и что мне всё равно. В школе сильно волновало, что обо мне думают, поэтому надевала наушники и притворялась, что слушаю музыку, в то время как подслушивала обидные сплетни. А потом действительно стало всё равно. С годами шкурка становится толще. Всё, что не убивает, делает нас сильнее.

— Она переспала с ним и Шарли пришла в бешенство! Говорят, она набросилась на него на глазах его подруги, типа они как пара. Хотя он просто трахнул её в Хэллоуин, вроде маскарадного костюма, — донёсся женский голос из душевой, как только смолк шум воды.

Затянув резинки на кроссовках, невозмутимо встала и вышла из комнаты под пристальные взгляды девушек.

В зале ещё хуже. Они все смотрят, осуждающе, с любопытством, с неприязнью, с жалостью. Каждый взглядом пытается залезть под кожу. Им хочется увидеть мою реакцию, они хотят стать частью событий, но на самом деле — всем плевать. Рано или поздно, но произойдёт что-нибудь поинтереснее и обо мне забудут. Только шрам будет напоминать о

ТОМ, КТО Я ТАКАЯ.

Ненавижу физкультуру. Чтобы волосы не мешались, приходится убирать их в хвост, выставляя на всеобщее обозрение своё лицо. От взглядов не убежишь. Но при этом сам бег мне нравится. Даже больше, я обожаю бегать! Каждое утро встаю в пять часов, чтобы совершить пробежку по парку. Замечательное время — на улице почти никого нет, только свежий воздух, дворники, пара собачников, с которыми уже начинаю здороваться. Время, когда рассвет только касается поверхности, заменяя тёмно-фиолетовые почти чёрные оттенки тускло-серой палитрой. Время ранних пташек.

Там, откуда родом, вставать с первыми петухами, нормально. Столько всего нужно сделать по дому и в хлеву. Мои родители простые люди. Отец работает фельдшером, мать учительницей, сестра в этом году заканчивает школу. Простая семья с простыми заботами. Знаю, что они меня действительно любят и мне этого достаточно.

— Озёрова! Что стоишь? Тебе специальное приглашение нужно? — зычный голос физрука вытащил из задумчивости и толкнул вперёд.

Сначала пробежка, круги вокруг зала, затем разминка, совсем лёгкая, не понимаю, почему остальные так напрягаются, а потом начинается интересное — полоса препятствий на улице. Ров, лабиринт, лестница, мост и всякая мелочь. Поднажму и получу зачёт.

— На старт, внимание, марш!

Я быстрая и ловкая. Каждое движение — почти как награда, разминка для мышц, преодоление себя. Я быстрая, я уже у цели.

— Озёрова, зачёт!

Чувствую чужой взгляд, оборачиваюсь и напарываюсь на Шарли с телефоном в руках, она задумчиво осмотрела меня, а затем развернулась и ушла.

— Она снимала тебя на видео.

Ко мне подошла незнакомая девушка из параллельной группы, с которой мы занимаемся физкультурой. — Ещё она расспрашивала о тебе.

— Что ей нужно?

— Я думала, ты скажешь, — разочарованно протянула девушка, а затем, нерешительно переступив с ноги на ногу, спросила: — А ты правда...

— Все лгут, — и я лучезарно улыбнулась, отчего незнакомка отшатнулась.

Мне нельзя улыбаться так широко.

Быстро покинув площадку, оглядевшись, увидела Шарли и окликнула её.

— Что тебе нужно от меня?

Она остановилась, а затем развернулась и пересекла полупустой двор, встав напротив.

— Я хочу, чтобы ты уехала. Поверь, это в твоих же интересах, — она расправила спутанные волосы, а затем с высокомерием посмотрела на меня. — Понимаю, тебе кажется, что я нагнетаю обстановку и ситуация не стоит крайних мер. Так вот, ты ошибаешься. Тебе нужны деньги? Пары штук хватит, чтобы ты свалила из этого города в ту задрипанную деревеньку, откуда выползла?

Я послала её открытым текстом и скрестила руки на груди.

— Мне абсолютно плевать на то, что ты там себе думаешь на пару с Артёмом. Я приехала в этот город учиться и мне до лампочки ваши сложные взаимоотношения. Всё понятно?

— Грубить не надо, девочка. Иначе будет хуже, — она говорит почти мягко, но с кислым выражением лица. — Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому. Может, когда-

нибудь, ты поймёшь, что я, наверное, единственный человек, который действительно желал тебе добра. Остальные будут не так милы, они не обладают гибкостью мышления.

— О чём ты говоришь?

— Всё! — она махнула рукой. — Разговор окончен. Хотя ты всё ещё можешь взять мои деньги, пусть это будет пять штук, а затем свалить из города. Желательно сегодня.

— Нет. И я говорю тебе ровно то же самое, что говорила Артёму. Мне не нужны друзья. И я не уеду из города из-за ваших ссор, — отрицательно покачав головой, развернулась и ушла, не дожидаясь ответа Шарли.

На пол пути обратно на площадку, остановилась и крикнула уходящей девушке.

— И видео удали! Я не давала разрешения меня снимать!

В ответ, не оборачиваясь, она показала средний палец.

* * *

Я бегаю по утрам каждый день. В одно и то же время. В пять утра, когда город ещё спит. Соседка считает ненормальным жаворонком, но по утрам я тиха как мышка и она не просыпается. Переодеваюсь в спортивную форму, закалываю волосы в хвост, натягиваю капюшон и улыбаюсь отражению, демонстрируя белоснежные зубы. Мой любимый персонаж — Джокер. Давая, я нарисую тебе улыбку!

На вахте спит охранник. Он всегда скрещивает руки на груди, облакачивается о кресло и закрывает лицо потёртой кепкой. Его рулады разносятся по всей ширине холла, а я очень аккуратно ступаю, вновь становясь «ниндзя» — лишь бы не проснулся, а то опять ворчать будет. Не положено да не положено. Кому что положено? И зачем кладут?

Я бегу ровно, не ускоряясь, не замедляясь, берегу дыхание, соблюдаю ритм. Вот уже неделю, как напряжение от стычек с компанией Артёма усиливается, косые взгляды, грубые разговоры. Ко мне приставал Кот, говорил мутно, как и Артём, но быстро отстал, видно, что он делал это по указке друга. Что им нужно?

Хорошо хоть Шарли больше не подходит, хотя Катя жаловалась: девушка расспрашивала о моём прошлом. А мне всё не хватает духу подойти к Артёму и расставить все точки над «и».

В последние дни его друзья постоянно попадают на глаза, словно следят за мной, не скрываясь, а наоборот — привлекая внимание. От их оценивающих взглядов холодно, и я не знаю, что делать. К кому обратиться за помощью? Или же... может Шарли права и мне стоило послушать её?

Но я не хочу уезжать! Мне нравится Москва, нравится учиться, нравится чувствовать ритм большого города. Я не готова вернуться в маленькую деревеньку, чтобы пойти учиться в местный колледж на «доярку». Не для этого ночами зубрила, готовилась к экзаменам и работала после школы, чтобы заработать денег на дорогу и проживание в столице. Сколько времени и нервов ушло на то, чтобы попасть сюда! И сейчас совершенно не готова сдать из-за какой странной компании со странными интересами.

Бег ровный, дыхание не сбивается. Кажется, что могу пробежать много-много километров и всё равно не выдохнусь. Мне нравится это минорное чувство, свежий запах листвы, лёгкий ветерок, ласкающий кожу, свет, постепенно добавляющий краски в окружающий мир. Жёлтые и оранжевые листья вперемешку с красными и зелёными создают уникальный осенний цвет воздуха. Всё вокруг виднеется сквозь этот фильтр.

Каждое время года обладает уникальными оттенками и запахами, присущими только

им. Для меня зима пахнет свежестью, лёгкими солёными ароматами, с привкусом лайма и лимона. Осень насыщена кардамоном, пряности смешиваются с запахами яблок и груш. А лето наоборот спокойное, безмятежное, оно пахнет землёй и неуловимым привкусом солнца, как ни странно запах мяса, печёной картошки, вкус колодезной воды, запах тины и дыма. Весна же невообразимо богата на ароматы! Она вся состоит из озона, талой воды, чувственными цветочными запахами, с примесями мёда, липы и берёзового сока.

Я чувствую всё. Это мой особый дар.

Половина пробежки заканчивается в заброшенном амфитеатре на другом конце парка. С задней стороны полукруглого зелёного замка с башенками высятся сосны вперемешку с лиственными деревьями, за которыми скрывается забор, ограждающий парк от проезжей части. И только в такую рань почти не слышен шум машин, биение многомиллионного города. Здесь и сейчас очень тихо, только вдалеке одинокая ворона каркает, наворачивая круги над далёкими деревьями. Небо, затянутое плотной пеленой светло-серых облаков, нависает надо мной, только-только готовясь сбросить с себя миллиарды капель воды, таких тонких и мелких, едва-едва освежающих воздух. Но прежде чем пойдёт дождь, наступит такая звенящая пауза, бьющаяся на одной-единственной ноте и всего долю секунды, прежде чем зазвучит негромкая мелодичная музыка осени — музыка дождя.

Ставлю ногу на одно из немногих оставшихся кресел, наклоняюсь вперёд, перешнуровывая кроссовки, затягивая потуже узлы. И нить рвётся. Всё изменилось, тишина разбилась, и, распрямляясь, вижу их.

Один невысокий в брючном костюме, жёсткий, с квадратной челюстью и крупными губами, с тяжёлым взглядом, лопоухий — он стоит с одной стороны ряда, а с другой стоит почти такой же, только высокий и более острый.

— Сама пойдёшь или помочь? — голос низкий, прокуренный, хриплый, но не злой, скорее ленивый.

Он растёгивает пиджак, демонстрируя пистолет. Разворачиваюсь и второй отрицательно качает головой. Я пропускаю вдох, а затем прыгаю, наступая на нижнюю спинку кресла и бегу в сторону амфитеатра. За спиной раздаётся мужской голос, но сердце бьётся так громко, что ничего не слышу. Огибая здание, бегу в сторону дыры в заборе, через которую можно покинуть парк и выбраться на оживлённую улицу. Под ногами хлюпает грязь, кроссовки скользят по жухлым склизким листьям, деревья колючками бьют по лицу, такое чувство, будто сейчас рухну, и я падаю, цепляясь за корягу, прямо в притаившуюся среди листвы лужу. Коленки, руки, волосы — всё в холодной земле и воде. Поднимаюсь на ноги и вижу, как сквозь дырку пролезает мужчина, в костюме, в ботинках, лысый со шрамом на губе, озлобленный и такой крупный, что непонятно, как он смог пролезть сквозь забор.

Я делаю шаг назад, только собираюсь развернуться, как меня ловят в тиски и прижимают дурнопахнущую тряпку к лицу, полностью перекрывая дыхательные пути. Запах такой резкий, но в то же время сладкий до одури. Пытаюсь вырваться, но даже сдвинуться нет возможности, кричу, а раздаётся только мычание. Ткань почти закрывает зрение, вижу пятна, зелёные, белые, жёлтые. Неясные тени и полную тишину. Меня держат, не пускают, кажется, что проходит вечность, разум уплывает, конечности деревенеют, больше не могу сопротивляться, не могу пошевелиться, уходит желание кричать. Всё уходит, исчезает. Последнее, что чувствую, как меня отпускают, а затем берут на руки и куда-то несут.

* * *

Бесконечная погоня.

Этот сон сотнями вариаций преследует всю жизнь. Отец говорит, что это порождение страхов перед собаками. Перед тем, что со мной сделало бездомное животное, набросившееся и чуть не лишившее зрения. Что таким образом сознание пытается пережить травмирующий опыт, чтобы не вспоминать, что случилось. Поэтому не помню нападения — мне было меньше года. Мало, что можно помнить из такого возраста.

Вот только охотятся не на меня.

Я, как сторонний наблюдатель, невидимая как призрак, несущаяся следом за волками, за стаей, преследующей добычу в дремучем хвойном лесу. Их лапы оставляют глубокие следы, погружаясь в мягкую землю, усыпанную сотнями опавших ссохшихся иголок. Погоня идёт на закате и солнце щедро дарит последние лучи, пробиваясь сквозь сплетённые в единое целое ветви деревьев. Погоня длится не один час, чувствую, как сильно бьются сердца волков, серых, чёрных, белых, рыжих и почти красных. Стая крупная, голов двадцать, не меньше. Они бегут так, как мне никогда не бегать. Километров пятнадцать в час, да так долго и так стабильно, кого же они загоняют?

Среди деревьев появляется животное, это олень, крупный рогатый зверь. И как только стала видна туша, волки ускорились, только тени мелькают да шкуры блестят в лучах солнца. Схватка на время подходит к концу, гонимый устал, он останавливается, разворачивается и готовится принять бой, но и это ему не удаётся. Волки заходят сзади, набрасываются на ноги, ловко уворачиваясь от рогов. Над лесом проносится вой, лязг клыков, рычание, шипение и крики боли. Молодая поросль, зелень, трава — всё окрашивается в насыщенный бордовый цвет. Олень, благородный зверь, падает израненный, изрезанный зубами хищников, впивающихся в бока животного.

Я вижу всё, и чувствую, как терпко пахнет свежая кровь. От её запаха голодно, облизываю губы и всё меняется.

Теперь сознание становится частью пира. Я становлюсь волком.

Глава 3. Первый кон

Среди лесов в густом тумане,
Среди волков в огромной стае,
Ты противишься своей судьбе,
Как будто знаешь — истина в борьбе!

Губы сухие, а во рту мерзкий липкий привкус мёда. В глаза как песком насыпали, тело ломит, руки болят. Я с трудом разлепляю веки. И прямо перед собой вижу наручник, приковывающий руку к штырю, торчащему из бетона. Я лежу на матрасе, укрытая лёгким одеялом, вокруг темно, сыро и холодно. Приподнимаясь, понимаю, что оказалась в той самой комнате, где «отпраздновала» Хэллоуин. За дверью слышны голоса, но так глухо, что не разобрать, о чём говорят.

Меня похитили.

Зачем?

Дёргаю несколько раз рукой, понимая, что это бесполезно. Больно — кровь начала поступать в конечность, которую отлежала за время долгого сна. Меня усыпили какой-то гадостью, от неё кружится, пульсирует голова, а мысли вялые как осенние мухи.

Голоса становятся громче, а затем дверь распахивается и на пороге возникает взбешённая Шарли.

— О чём ты думал?! — кричит она, заходя в комнату.

Следом за ней входят Кот и Артём. Через их спины вижу других, незнакомых и знакомых. Они переговариваются, посматривая в нашу сторону.

Никто из них не чувствовал неправильности происходящего.

— Ты похитил её! Какого хрена ты сделал это?!

— А какого хрена ты лезешь в мои дела? Кто дал тебе такое право? — в ответ взъярился Артём, толкая девушку в грудь. — Вали отсюда, пока я окончательно не разозлился!

— Думаешь он действительно одобрит её? Думаешь она нужна нам? Думаешь она особенная? Ты дурак, Тёма, и скоро он будет орать на тебя! — процедила Шарли, скрепя руки на груди.

Она посмотрела на меня долгим внимательным взглядом. В ней боролись два чувства — злость и сожаление. Но, в итоге, Шарли ничего не сделала. Оттолкнув Кота, встала в дверях, напоследок сказав:

— Надеюсь ты действительно чего-то стоишь, иначе твоя жизнь станет сплошным разочарованием!

— Пошла вон отсюда! — прикрикнул Артём и она ушла, закрыв за собой дверь.

Я осталась наедине с двумя мужчинами, один из которых мерзко улыбался, а второй разгневанно дышал, демонстративно не смотря на меня.

— Отпустите, — сказала очень тихо, подтягивая одеяло, полностью закрывая тело.

— Прости, милашка, но это не входит в наши планы, — обезоруживающе улыбнувшись,

признался Кот, а затем подошёл и опустился на корточки, выудив из кармана брюк мой мобильный телефон. — А теперь будь паинькой и позвони подружке по общаге, скажи, что тебя не будет пару дней в универе, придумай какое-нибудь убедительное объяснение, договорились?

— Зачем мне делать это? — осторожно спросила его.

— Потому что мы знаем, где живёт твоя семья. Знаем, кто твои друзья. И как ты, наверное, догадалась, я настроен серьёзно, — вместо Кота ответил Артём. — Поэтому ты сделаешь то, что приказал Кот.

— Что вам от меня нужно? Зачем всё это? — голос сорвался, слова говорила с трудом, страх сковал сердце, лишая возможность адекватно думать.

Кот состроил сочувствующую мину, а затем провёл рукой по моим волосам, не обратив внимание на то, как дёрнулась от его прикосновений.

— Мы хотим подружиться с тобой, Елена. Поверь, наша дружба особенная. Тебе будет хорошо.

— Пожалуйста! — умоляюще прошу, но он только ободряюще кивает, вкладывая телефон в мою руку.

— Просто делай то, что говорю. И всё будет хорошо. Всё будет замечательно. Поверь, мы не причиним тебе вреда. Никто не сделает тебе больно. Наоборот, всё станет очень здорово, когда ты будешь готова. Давай, ты же умница! Сделай это!

Он нажимает кнопку вызова и аккуратно заставляет поднести телефон к уху. Не сразу, но после гудков раздаётся сонный голос Катерины.

— Лен, какого чёрта ты так поздно звонишь? И вообще где тебя носит? Ты что марафон до Сочи бежишь? Трубку целый день не берёшь!

— Прости, забыла предупредить, — голос дрогнул, но я взяла себя в руки. — Я у тётки в деревне за городом, родители попросили помочь ей с уборкой дома. Из головы вылетело сказать тебе. За мной рано утром приехали, ты ещё спала.

— Какая тётя в Подмосковье, ты о чём? Ты же из Ангарска! — удивлённо заговорила она.

— Я не говорила о ней, не было повода. Ладно, меня зовут. Если будут спрашивать, говори, что я у тётки и когда вернусь — не знаю.

— А лекции? Ты же на бюджете! Исключат в два счёта!

Кот слышит разговор и знаками показывает, чтобы заканчивала. Голос дрожит сильнее, но я выдавливаю из себя:

— Семья на первом месте. Справлюсь. Пока, Катя.

И я вешаю трубку.

— Ты просто золото! — констатирует Артём. — Кот, оставь нас.

Парень забирает, почти вырывая из непослушных пальцев телефон, а затем уходит, оставляя нас наедине.

— Вот мы снова здесь, как будто не было всех этих дней, — спустя непродолжительное молчание, говорит Артём, присаживаясь рядом на матрас.

Подтягиваю ноги к себе, сжимаясь в комок. Мне жутко неудобно, из-за наручников кажется, что я голая и абсолютно незащищённая.

— Что тебе нужно? Зачем ты... похитил меня? Что ты делаешь?

— Ты особенная. Я же уже говорил об этом! — заговорил он. — Я увидел тебя в клубе и сразу понял, что ты можешь стать частью нашей семьи. Тогда не получилось сделать это,

поэтому вынужден прибегнуть к такому способу. Уверю тебя, совсем скоро ты изменишь своё мнение.

— Иди к чёрту, сектант хренов, — огрызнулась в ответ, вжимаясь в холодную стену. — Всё, чего добьёшься — заключения в тюремной камере!

Он только хмыкнул, а затем достал из кармана пакет с таблетками. Теми самыми таблетками, что предлагал тогда.

— Просто прими её, — сказал парень, протягивая ладонь.

Я отбила её в сторону и таблетка улетела куда-то в угол. Артём замахнулся, но в последний момент опустил руку и сжал зубы.

— Ты даже не представляешь, насколько они ценны, — процедил он.

В ответ отправила его по известному адресу.

— Ладно Лена, не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

Он крикнул, зовя Кота. И дверь тотчас открылась, впуская его и ещё одного незнакомого парня, в руках которого шприц, наполненный светящейся голубой жидкостью.

В тот же миг Артём отдернул одеяло в сторону и одним движением растянул меня на матрасе, схватив свободную руку и отведя её в сторону, обнажая шею. Кот обхватил мои ноги и стиснул их с такой силой, что даже пошевелиться не могла.

— Это для твоего же блага, — прошептал на ухо Артём, а затем отодвинулся, освобождая место для парня.

Я кричала долго, громко. Я молила, просила о помощи. Страх захлестнул с головой, любая мысль испарялась под действием адреналина и всё, что оставалось внутри — паника и желание бежать. Вырывалась как могла, чувствуя, как сдираю кожу на месте наручника, но меня держали слишком хорошо. Игла вошла как по маслу, он не раздумывая спустил поршень и жидкость огнём пошла по венам.

Кот обещал, что не будет боли. Он солгал.

* * *

— Не работает.

Голос звучит рядом, но, в тоже время, далеко-далеко. Как эхо, уходит и возвращается. Громко и совсем тихо. От боли сводит живот, мышцы горят, чувствую бисеринки пота, спускающиеся по коже, оставляя борозды из огненного жара, заполняющего каждую клеточку тела.

То, что он ввёл, как яд, как вирус, распространяется по телу, пытаюсь влезть в мозг, разрушить мысли, переделать их, уничтожая, заменяя чем-то совершенно чуждым. Мне видятся ледяные водопады, неоновые-голубые, струящиеся сквозь айсберги, падающие в холодные воды арктического моря с таким оглушающим шумом, похожим на грозовые раскаты, удары молнии о сухую землю. И кажется, что вместе с ними, падаю и я.

— Ещё одну инъекцию.

— Она умирает, Тёма. Тело отторгает наркотик.

— Введи ещё, — прохрипел Артём в ответ. — Она примет его, должна принять.

Меня переворачивают на спину, обнажают руку, накладывают жгут. Всё смутно, но я улавливаю происходящее и вяло пытаюсь сопротивляться, хотя в таком состоянии не уверена, что смогла бы просто пошевелиться. Новая порция яда вошла в вену новой огненной струйкой, побежавшей вверх по руке.

— Все вон.

Артём кладёт мою голову на колени, аккуратно разглаживая спутанные волосы.

— Елена, послушай меня очень внимательно, — не сразу заговорил он, удерживая мои плечи, когда от новой порции боли начались судороги. — Ты должна принять его. Расслабься, позволь ему войти в тебя. Иначе умрёшь и всё будет зря. Ты ведь не хочешь умереть?

Смерть? Что такое смерть? Мне больно здесь и сейчас! Больно потому, что внутри есть знание о том яде, которым наполнены вены. Знание о том, чем всё это закончится. **Опасность!** Это зло, что-то такое, что полностью изменит меня. Поэтому сопротивляюсь изо всех сил. Сопротивляюсь да так, что каждая волна боли сильнее предыдущей, но силы уходят. Во рту образовывается привкус крови, я ослепла и почти оглохла от такого невозможного шума воды! Айсберги рушатся, чудовищным грохотом падая в воду.

— Успокойся, — шепчет Артём. — Тише, дорогая, тише... Ничего плохого не происходит, ты сама себя накрутила. Это не яд. Не зло. Не наркотик. Это свобода. То, о чём мечтала. Просто прими её, вбери каждой клеточкой тела, и сама почувствуешь, как на самом деле здорово быть живой! По-настоящему живой!

Он всё говорит и говорит. Слова задевают мои инстинкты, пробуждая самое главное желание — желание выжить, несмотря ни на что.

Я сдаюсь и опускаю барьеры. Чем бы это ни было — оно во мне.

* * *

Свобода.

Дом.

Чувство причастности к чему-то великому, чему-то большему, чему-то настоящему. Абсолютное познание божественности. Амброзия, отсутствие страха. Отсутствие одиночества. Я больше не одна. И никогда не буду одинокой. У меня есть настоящая семья. И мы знаем истину, рядом с нами живёт бог.

Знание приходит не сразу, что-то объясняет Артём, что-то всплывает в подсознании, как будто всегда было там. Я так виновата перед ними! Они подарили бесценный дар, а я пыталась от него избавиться! Какой же была дурой! Но теперь всё изменилось. Я изменилась. Мир вокруг стал реальным. Теперь не страшно. Страх ушёл навсегда, ведь я не одна.

Чувства переполняют с ног до головы. Я танцую, пою, кричу, живу каждой клеточкой, и они разделяют мои чувства! Я начинаю говорить, а они заканчивают. Мы семья.

— Елена оставь сожаления, ты приняла нас! — смеётся Артём, протягивая бокал шампанского. — Всё позади. Ты поправилась и теперь всё стало именно таким, каким и должно было стать.

— Как долго я была в отключке?

— Три дня.

— Это были невероятно долгие три дня, — вступает Кот, звонко ударяя бокал о мой. — Я уже думал, куда девать тело.

— Кот! — недовольно протянула блондинистая Лиша, на обнажённой спине которой виднеется огромная татуировка головы волка, вписанная в треугольник, выполненная в стиле дотворк. — Хватит говорить неприятные вещи. Всё закончилось хорошо. Лучше давайте выпьем за это!

Пока приводила себя в порядок, собралась большая часть семьи, чтобы отпраздновать моё присоединение.

Никто не смотрел на мой шрам. Они видели меня настоящую, они смотрели сквозь мой недостаток и это убивало всякое стеснение. Это делало меня по-настоящему счастливой! Почему так сопротивлялась тому, чтобы, наконец, найти свой дом? Столько страданий на пути к подлинному счастью...

Теперь, когда знаю, что к чему, понимаю, насколько всё будет по-другому! У меня есть семья, люди, которые любят меня! Есть будущее среди тех, кто понимает меня. Боже, да я счастливица!

У Артёма зазвонил телефон. Взглянув на номер, он нахмурился, а затем вышел из зала. Его не было минут пять, а когда вернулся, что-то прошептал на ухо Лише. Та изумлённо уставилась на него, слегка приоткрыв рот, а затем, опомнившись, согласно закивала.

Артём рукой подозвал меня.

— Лена, у нас особая ситуация, — заговорил он, слегка нахмурившись. — Обычно о таком мы начинаем говорить спустя несколько недель, потому, что тебе нужно время, чтобы адаптироваться, но обстоятельства изменились. Во многом благодаря Шарли, но и я сам виноват, не подумал.

— О чём ты говоришь?

— Ты сегодня встретишься с **ним!** — восторженно воскликнула Лиша и в зале повисла пауза, все уставились на нас.

— С кем?..

— С тем, кто подарил нам семью, — загадочно намекнул Артём. — Понимаешь?

— То есть... о! — воскликнула, понимая, о чём он говорит.

Это первое, что проникает в нас вместе с голубой свободой. Знание, что есть тот, кто позаботится о тебе. Знание, что любит тебя. Понимание, что он самое важное, что есть в твоей жизни.

— Лиша поможет тебе подготовиться к встрече с ним. Сегодня ты увидишь Алхимика.

* * *

— Кто он такой?

Окружённые сгущающимися ультрамариновыми сумерками, едем в машине Артёма, направляясь в клуб. Впереди над горизонтом оставшиеся лучи солнца разбавляют холодную палитру сочными ярко-оранжевыми красками. Воздух прозрачен, небо готовится проявить звёзды и где-то вдалеке уже поднимается месяц. Повсюду огни, красные, тускло-жёлтые, неоновые-белые, зелёные и голубые, от фар машин, вывесок над кафе, загоревшихся фонарей и гирлянд над проезжей частью. Город живёт. В салоне автомобиля негромко играет клубная музыка, слышен ровный гул двигателя, а из чуть-чуть приоткрытой форточки тянет прохладой.

Меня нарядили в белое с блёстками короткое, но не облегающее платье. Ботфорты серые на высоких каблуках, в ушах блестящие серьги, на пальцах тонкие кольца. Волосы уложены таким образом, чтобы скрыть от посторонних шрам, а ярким макияжем выделены полные губы и больше глаза.

Меня сделали красивой, но почему-то я не испытала восторга. Из мелких деталей складывалась картинка, что Артём поступил неправильно, присоединив меня к семье. Я не из списка тех, кого следует приглашать. Наша поездка — последствие действий Артёма. И никто не знает, чем всё закончится.

— Он открыл нам истину, — медленно ответил Артём, глядя только на дорогу.

— Он создал...

— Неон. Мы называем это неоном, — подсказал парень. — Да. Он хочет изменить этот мир к лучшему.

— Чтобы мы перестали быть одинокими?

— Не думай об этом, — оборвал Артём, мельком глянув в мою сторону. — Сейчас не это главное.

— Он недоволен нами, не так ли? Я ошибка, — наклонив голову, сжала кулаки, чувствуя, как в горле запершило.

— **Не думай** за него. Во всём виновата Шарли. Алхимик — отец всем нам. Как бы он не поступил — это будет правильно.

* * *

В клубе играла очень-очень жёсткая музыка и каждый отдельный звук пробуждал желание бежать. Нервы мучили кровь, а непослушные пальцы дрожали. Я старалась улыбаться и делать вид, что всё в порядке. Волнение комом в горле собиралось и казалось, что вот-вот стошнит. Облизнула губы и ухватила руку Артёма, легонько сжав её. Он обернулся и, заметив моё состояние, сказал:

— Не бойся, ты член семьи — с тобой ничего окончательного не случится.

Меня удивила постановка фразы, но парень быстро потянул сквозь толпу, на ходу кивая знакомым. И в этот момент поняла, что я не одна. В этой толпе чувствую других принявших **неон**. Они пахли иначе, двигались по-другому, их кожа словно светилась, а в глазах мелькал голубой неоновый оттенок. Они были здесь и каждый смотрел на меня. Их молчаливая поддержка приободрила, отчего подхватила эйфория, появившаяся в тот же миг, как сердце стало сбавлять обороты.

Артём привёл на закрытый этаж, доступ к которому есть только у таких как мы. Длинный коридор, ведущий в холл, выполненный в мрачных кроваво-красных тонах, стены, глушащие музыку до едва ощутимого биения бита, картины охоты на стенах и тусклые лампы на потолке — всё это делало меня излишне белой, почти светящейся, явно выделяющейся на фоне остальных — все одеты в чёрное.

Девушка в строгом брючном костюме, сидящая за столом, по виду секретарь, завидев нас, сообщила:

— Он в Красной комнате.

— Спасибо, Владлена, — кивнул Артём, указывая мне направление куда идти.

Остальные, замолчавшие, когда мы вошли, проводили заинтересованными взглядами, но быстро вернулись к своим беседам. Из угла вышла Шарли, одетая в глухое чёрное платье, с небольшим ромбовидным вырезом на груди и с воротником, закрывающем шею. На её лице сожаление мешалось с сочувствием и тревогой, она явно была расстроена.

— Я не об этом думала, — тихо обратилась она к Артёму, чтобы остальные не услышали. — Я просто хотела, чтобы ты был осторожным.

— Нет, ты хотела переступить через меня, потому что уверена, что справишься бы с моими обязанностями лучше. Посмотрим, что из этого выйдет, — безапелляционно заявил Артём.

— Прости, — она поджала губы и отошла в сторону.

— Всё плохо? — спросила его, когда мы вышли в другой коридор и остались одни.

— Не очень хорошо, — согласно кивнул Артём, а затем ободряюще улыбнулся. — Не волнуйся, ты ему понравишься.

Комната, называемая красной, произвело весьма странное впечатление. Здесь все звуки

исчезли в тот же миг, как только закрыла за собой дверь. Здесь глухо и тихо, излишне тепло и масса странных запахов с едва уловимым металлическим привкусом. Здесь кожаные диваны, ремни и решётки на фальшивых окнах, штыри в стенах и на потолке. Здесь не хватает воздуха, не хватает света, не хватает человеческого тепла. Это страшное место.

И в центре комнаты стоит страшный человек. Мгновение. Нет. В центре комнаты стоит **мой бог**.

Существо, не человек, с неоновыми-голубыми глазами, интригующей улыбкой, с аккуратно подстриженными волосами, эталон элегантности и стиля, с лёгкой небритостью, в чёрной жилетке, под которой белая шелковая рубашка с закатанными рукавами, на шее строгий галстук, в облегающих брюках, в ботинках на невысоком каблуке. Мистер мода, но всё менял взгляд широко открытых глаз и то как он двигался. Не обладая внушительной комплекцией, он производил впечатление зверя, запертого в человеческом теле, и именно такие мысли возникали, когда смотрела на него. Он не человек, он зверь, он **бог**. И цвет глаз ясно выдавал в нём нечеловеческое происхождение.

— Кто же у нас тут? — заговорил он мягким, почти бархатистым голосом, подходя к нам.

Я замерла на месте, боясь пошевелиться и сказать хотя бы слово, а он подошёл почти вплотную, отчего уловила едва ощутимый аромат мужских духов, терпкий и низкий. Мужчина медленно обошёл меня по кругу, легонько касаясь плеч, а затем встал напротив и очень аккуратно отодвинул в сторону пряди волос, обнажая шрам.

— Какая красота, — восторженно прошептал он, осторожно и мягко проводя пальцами вдоль линии разрыва. — Какая исключительность.

Одним движением развернул моё лицо так, чтобы смотрела прямо в глаза, слегка задирая голову из-за разницы в росте.

— Улыбнись, милая, — приказал он.

И в тот же миг поняла, что не могу сопротивляться его желанию. Более того, сама мысль о сопротивлении показалась кощунственной, а повиновение естественным как воздух. Он бог, я не могу не подчиниться богу. И я улыбнулась как можно более очаровательно, ведь моя задача доставлять удовольствие даже раньше, чем он подумает об этом.

— Само очарование, — мужчина улыбнулся в ответ, а затем отпустил меня и подошёл к небольшому столику, на котором располагался коммутатор. Нажав кнопку, приказал:

— Владлена, дорогая, попроси Шарли зайти к нам.

— Господин, — нерешительно обратился Артём.

— Не зря в своё время выбрал тебя, Артём. Ты умеешь доставлять мне удовольствие. Умеешь находить исключительных людей, за это ты всегда будешь моим любимчиком, — заговорил Алхимик, развернувшись к нам лицом и облокотившись о стол. — Но ты должен научиться жёсткости, иначе придётся избавиться от тебя.

В комнату без стука вошла Шарли. Она слегка поклонилась, а затем застыла как истукан.

— Шарли поступила непозволительно, — продолжил мужчина. — Она переступила через тебя, пыталась избавиться от неё, а когда ничего не получилось обратилась ко мне, считая себя вправе так вести. Она не уважает твой авторитет, а значит должна понести наказание.

— Господин, — жалобно заговорила Шарли, — я лишь хотела...

Жестом он оборвал её, полностью сосредоточившись на Артёме.

— Разве я не прав?

— Вы всегда правы, — тихо сказал парень, опуская взгляд.

— Шарли, а ты как считаешь?

— Вы всегда правы, Господин, — глотая выступившие слёзы, сказала девушка, опускаясь на колени. — Я заслужила наказания.

— Вот такое поведение приемлемо. Запомни его, — назидательно заявил Алхимик, а затем подошёл к одному из скрытых шкафов в стене и открыл его, обнажив огромное количество плёток, верёвок, ножей, палок, наручников и много чего ещё похуже. — Артём, накажи её!

Мужчина достал одну из плёток и протянул её подошедшему парню.

Пришло осознание — Артём не сможет ударить её. А даже если и сделает это, то этого будет недостаточно для Алхимика. Он будет разочарован, ему будет скучно, неинтересно. Это плохо. Артём неспособен причинить боль, он не умеет быть настолько безжалостным, чтобы это удовлетворило нашего Господина. Я вижу всё так чётко, поэтому пока Артём нерешительно переступает с ноги на ноги, пытаюсь набраться смелости, подошла к Алхимику и встав достаточно близко, заявила:

— Я могу наказать её.

— Ты? — мужчина улыбнулся. — Почему ты считаешь, что можешь что-то решать?

— Я чуть не пострадала из-за её действий. Она вела себя неправильно, пытаюсь решать за меня и за Артёма. Я могу достойно наказать её.

— Чудесно, — он оглядел меня с ног до головы, а затем жестом указал на шкаф. — Выбирай.

Замерев ненадолго, бросила под ноги кольца, а затем уверенно вытащила кастеты и надела их на руки. Развернувшись, подошла к Шарли и встала, пристально глядя ей в глаза. Артём отошёл в сторону, в его взгляде виднелось облегчение. Он выпустил из рук плётку, то сжимая, то разжимая пальцы.

— Ты заслужила моего наказания? — резко спросила у Шарли.

— Да, — нервно сглотнув, а затем осторожно улыбнулась она.

— Хорошо.

И я ударила по лицу с такой силой, что она рухнула на спину, а по воздуху разлетелись капли крови. Я села на неё и платье задралось вверх, обнажив бёдра. Перехватив восторженный взгляд Алхимика, улыбнулась в ответ, а затем снова ударила Шарли. И ещё. И ещё. Быстрее и быстрее, почти не чувствуя, как металл кастетов сдирает кожу с костяшек пальцев. Мне хотелось причинить боль. Выбить всё из тела, лежащего подо мной. У меня не было желания остановиться и только мужская рука, перехватившая мою во время очередного замаха, выпустила весь скопившийся запал. Обернувшись, наткнулась на испуганный взгляд Артёма. И поняла, что последние секунды он без конца звал по имени, но я ничего не слышала.

— Елена, ты убиваешь её! — закричал он.

— Артём, уведи Шарли в медпункт, — позади раздался очень довольный голос.

Развернувшись, увидела Алхимика с таким радостным выражением лица, что всё внутри сжалось от удовольствия. С помощью Артём слезла с Шарли, даже не посмотрев в её сторону. Она мне больше не интересна.

Мы остались одни.

Алхимик жестом пригласил присесть рядом с ним на диван, а затем молча изучал меня

несколько минут, взяв мои руки в свои и легонько сжав их.

— Почему ты вызвалась наказать её?

— Потому что Артём не смог бы сделать это как надо, — отвечаю спокойно.

— А если копнуть глубже. Отвечай честно, прошу тебя.

— Потому что она причинила мне боль. Она не хотела, чтобы я получила неон и обрела семью.

— Тебе нравится то, что ты получила?

— Я счастлива!

Это ложь. Нет это правда. Я счастлива.

— Тогда почему ты избилась её? Она же член твоей семьи.

— Потому что вы этого хотели. Артём не смог бы ударить её так сильно, чтобы вам это понравилось.

Алхимик засмеялся, а затем слегка приобнял меня и наклонился, спрашивая:

— А теперь самый главный вопрос. Соберись, от этого очень многое зависит. Тебе понравилось бить её?

Я не сразу ответила. От его близости всё внутри переворачивалось, я была настолько напряжена, что казалось ещё миг и попросту взорвусь.

— Да, — едва слышно ответила ему. — Я хотела, чтобы ей было больно. Я хотела, чтобы она хоть ненадолго, но обрела уродство, чтобы поняла, каково мне было раньше. И да, мне понравилось бить её. Это было похоже... на крайнюю точку наслаждения!

— Артём гений, — после непродолжительного молчания, заявил мужчина, не сводя с меня глаз. — Ты останешься со мной. Так будет лучше для тебя. Такая особенная девочка должна быть рядом. Зови меня Кай, милая. У нас впереди так много веселья!

Я смотрю ему в глаза и чувствую такое счастье, такую полноту эмоций, кажется, что весь мир смеётся вместе со мной. Я рядом с тем, кто сделает мою жизнь особенной. Я не одинока. Он смотрит прямо в сердце. Действительно смотрит и видит меня настоящую. Я дома. Я наконец-то дома!

И всё было бы замечательно, если бы глубоко внутри не зрело что-то злое, что-то с клыками и ядом. Что-то, что сопротивляется с той самой секунды, как наркотик попал в кровь. Что-то, что кричит:

Беги, Елена, ты в опасности! Беги!

Глава 4. Сброс фишек

От хождения по осколкам да по битому стеклу,

Выворачивает душу наизнанку болью, я кричу:

Ты — моё проклятье, мой ненавистный злодей!

Забудь о прошлом! Больше никогда не буду твоей!

Надо дойти.

Сделать ещё несколько шагов. Всего чуть-чуть. Небольшое усилие.

«Что ты наделала, Елена?»

Звук разбитого стекла.

А дождь, он бесконечен, падает на лицо, смешиваясь с кровью, сочащейся вместо слёз из глаз. Я кашляю и красные капли падают на асфальт. Вытираю рот, освежая и замещая засохшую кровь на руках новой. Тошнит. Хватаюсь за мусорный контейнер и тотчас рвёт желчью, смешанной с тёмными сгустками бордового цвета. Отталкиваясь и избавляясь от опоры иду вперёд, на свет, на шум машин, голоса прохожих, лай собак, туда, вперёд, где люди, где есть жизнь.

«Не возвращайся, пока не станешь нормальной!»

Обхватываю взорвавшуюся болью голову и негромко всхлипываю, пытаюсь подавить вспышки воспоминаний.

Шаг за шагом. Из-за крови почти ничего не видно, бреду наощупь, выставляя вперёд руки, а затем падаю на колени, больно карябая их об асфальт. Новая порция боли прошивает насквозь, выгибаюсь дугой, а затем кричу так громко, насколько способны лёгкие. И падаю оземь, чувствуя только дождь.

* * *

«Ты такая же, как и я, Елена. Мы думаем одинаково. Там, где другие видят стены — мы ходим свободно. Не стесняйся своих страстей. Это делает тебя отличной от других. Делает смелой. Делает живой. Позволь мне научить тебя пользоваться своей силой. Этой чистой яростью, что бьётся под твоей кожей. Вместе сможем достигнуть величия. Дай мне то, чего хотим мы вместе».

Открываю глаза под стук дождя, чириканье далёких птиц, под шум листвы, под далёкий смолкающий гром. Вокруг вытянутая комната, с четырьмя старыми кроватями. На стенах облупившаяся зелёная краска, потолок весь в трещинах и паутине, рамы на окнах сохлились, на подоконнике образовалась небольшая лужа. По стеклу, сквозь трещины, в комнату струятся медленные ленты дождя, а надо мной летает сонная муха. Я провожаю её взглядом, плотнее кутаясь в тощее шерстяное одеяло, от которого тянет пылью и нафталином. Дощатый пол, тумбочки, шкафчик в углу, зеркало с отколовшимся куском, люстра без лампочки, всё как из Советского союза, чудом сохранившееся пионерское детство.

Приподнимаюсь над кроватью и замечаю капельницу, иглу, торчащую из вены, жидкость, капающую и попадающую в вену. Осторожно вытащив иголку, согнула руку и

прижала к груди. Меня мутит. Слабость, вялость, но поразительная ясность сознания.

Я помню всё, что сделала. И буду помнить всегда.

Осторожно, держась за спинку кровати, встала, обнаружив домашние тапочки, аккуратно поставленные возле тумбочки, на которой стояли стакан с водой и тикающие часы, отбивающие раннее утро. Обувшись, выпила до дна воду, а затем касаясь и других спинок кроватей, дошла до зеркала.

Неестественная бледность, синяки под глазами, небольшой шрам от удара по щеке, болезненная худоба. И новый шрам, сейчас закрытый повязкой на шее. След от укуса волка.

В моей жизни многое изменилось.

Закусив губу, зажмурилась, прогоняя нахлынувшие воспоминания. От напряжения перед глазами вновь потемнело, и я замерла на месте, ожидая, когда всё пройдёт. И медленно подошла к балконной двери, подёрнула несколько раз ручку и вышла на балкон.

Передо мной простирался смешанный лес, преимущественно состоящий из хвойных деревьев. Небо, затянутое глубокой пеленой светло-серых облаков, гарантировало долгие дождливые дни, насыщенную сырость и влажность. Вдохнув свежий воздух, прислонилась к стенке, закрывая глаза.

— Елена?

Обернувшись, увидела женщину, которая помогла выжить.

— Кто вы?

— Зови меня Эльза, — засунув руки в карманы летнего пальто, ответила она.

Сейчас я бы дала ей не больше тридцати. Рыжеволосая, зеленоглазая, широкая в плечах, с высокой грудью, тонкой талией, ростом не меньше ста восьмидесяти, она выглядит шикарно, ухоженно, достойно и уверенно. В её присутствии неуютно, от неё тянет высокомерием, холодным любопытством и отсутствием тепла. С ней нельзя подружиться. Эльза из породы хищников.

— Вы спасли мне жизнь вместе с тем волком.

— Его зовут Лико. Он полукровка, — дополнила мои слова Эльза. — Ты хочешь есть? Ручаюсь, ты голодна как... волк.

— Он укусил меня. Я стану такой же, как он?

— Значит Алхимик мало что рассказывал о своём виде, не так ли? — разочарованно цокнула языком Эльза. — Нет. Волком можно только родиться. То, что сделал с тобой Лико, лишь усилило твой иммунитет, а дальше организм смог самостоятельно справиться с наркотиком.

— Хорошо, — закивала головой, чувствуя, как успокаивается сердце. — И да, я голодна.

В комнате в шкафу обнаружилось тёплое пальто и резиновые сапоги. По словам Эльзы, остальные вещи привезут позже. Фактически, я свалилась как снег на голову. Внезапно и тяжело.

По пустынному и полузаброшенному коридору, вниз по лестнице, затем на улицу, по заросшему травой и покрытому мхом асфальту, мимо ржавой детской площадки, мимо полуразрушенных корпусов, в столовую, пустую, с протекавшей крышей. Дождь отчаянно тарабанил по стёклам, разгоняя чуждую тишину. По пути нам встретилось несколько человек, настороженных и любопытных, однако не смевших подойти ближе. В столовой возле раздаточных стоек, нам выдали два подноса, гружёных классическим обедом. Рыбный суп, невнятный салат, пюре с говядиной и подливкой, компот и яблоки. С этим набором заняли дальний от входа столик, там, где меньше дует. Кроме нас, в зале всего человек пять,

и все они поглядывали в нашу сторону.

От пристального внимания поёжилась, а затем закрыла глаза, сосчитала до десяти, глубоко вздохнула и вновь открыла, моментально наткнувшись на внимательный взгляд Эльзы.

— Ты кот в мешке, Лена. На тебя всегда будут так смотреть, привыкай. Первый человек, который слез с неона. Поздравляю, — она скупно улыбнулась, принимаясь за обед.

Ничего не ответив, последовала её примеру.

— Что со мной теперь будет? — спросила после, пряча руки подмышками.

— Мы вывезем тебя из города через пару недель. Наша лаборатория находится в Санкт-Петербурге. Подальше от Алхимика. Наша задача выяснить, как ты смогла избавиться от ментального воздействия наркотика. Это потребуется для вакцины.

Она отодвинула поднос в сторону, сложив пальцы в замок.

— Ты же хочешь, чтобы другие выбрались из ловушки?

— Почти год назад меня похитили. Несколько дней накачивали неоном — организм сопротивлялся наркотику, — заговорила холодно, вспоминая тот день. — Не думаю, что остальные были такими же упёртыми. В семью попадают добровольно. Вы ведь даже не представляете, через что я прошла, не так ли? Вы не знаете, как на самом деле действует неон. Вам кажется, что это подавление воли, но ошибаетесь. Он наоборот открывает тебя на всю катушку и показывает, на что ты способен. Это свобода и чувство защищённости, это семья. Знание, что ты не один. И Алхимик центр твоего мироздания.

От моих слов по её коже поползли мурашки, но она и виду не подала, всё также внимательно разглядывая меня.

— Ты хочешь вернуться? — настороженно спросила молодая женщина.

— Нет.

Я откинулась на спинку стула.

— Но будьте готовы, что остальные захотят. Потому что даже сейчас чувствую себя абсолютно незащитной. Голой, выскобленной, ничтожной. Как будто вместо сердца в груди бьётся пустота. Неприятное холодное чувство. Даже если вы научитесь избавляться от неона, вот эти чувства невозможно убрать. Это последствия. И многих они убьют. Потому что нельзя забрать у человека дом, не уничтожив его.

* * *

«Не открывай дверь, Елена! Нет, не надо! Пожалуйста, Елена, стой!»

Я слышу вопли. Слышу рычание, слышу стоны, звериный вой, женский плач. Темнота набрасывается на меня, и я вырываюсь из сна, как из проруби. Рубашка мокрая от пота, слёзы застилают глаза, дыхание прерывистое, голова отдаёт медным звоном.

За окном глухая ночь, ни единого фонаря не горит. Зброшенный пионерский лагерь, место, где он не найдёт меня.

Встаю в маленькую туалетную комнату. Включаю лампочку, поворачиваю кран и ополаскиваю лицо холодной водой с запахом ржавчины и тины, а затем смотрю на отражение.

Вспышка. Сплошная кровь.

Отшатываюсь, ударяясь спиной о настенную плитку. Быстро возвращаюсь в комнату, снимаю наволочку с подушки, затыкаю рот, зарываюсь в одеяло и ору так громко, как только можно. А перед глазами стоят их лица. Их окровавленные мёртвые лица.

* * *

— Почему я не могу связаться со своей семьёй? Они должны знать, что со мной случилось! Если не выйду на связь, они будут искать меня. Что тогда? Они приедут в Москву, а здесь он!

Я почти кричу на Эльзу, расхаживая из стороны в сторону по комнате, периодически хватаясь за железные спинки кроватей, когда от волнения начинает кружиться голова.

— Он не знает где ты! Не знает, что с тобой случилось. Мы вытащили тебя из больницы в тот момент, когда он заходил в неё. Ты понимаешь? Хочешь подставить семью под удар? Пока не знает, что с тобой, он их не тронет. Они бесполезны для него сейчас. Будет лучше, если ты оставишь их пока всё не уляжется.

Он жив.

— И сколько всё будет «ложиться?» — спрашиваю взвинчено, всплеснув руками. — Сколько потребуется времени, чтобы он забыл обо мне?

— Годы, — хладнокровно заявила Эльза. — Поэтому спрошу прямо — ты готова ими рискнуть?

Опустив взгляд, прикусила нижнюю губу. Развернувшись к окну, уставилась на бесконечный дождь. Мне холодно, зябко, одиноко. Больно, грустно, тяжело. Всё это время я была так далека от них. Почти не разговаривала со своей настоящей семьёй. Только делала видимость, что мне не всё равно. Они не сразу хватятся, ведь последние месяцы говорила с ними от силы пару раз. Но рано или поздно, поймут, что я пропала. Что будет тогда?

Странная тяжесть опустилась на живот и ниже. Обхватив руками талию, слегка наклонилась вперёд, уставившись сквозь мутное, размытое лентами дождя стекло, пытаюсь разглядеть, что за машина подъехала ко входу.

— Кто-то приехал, — сказала тихо, разглядывая силуэт мужчины, достающего из багажника пакеты.

Вдруг он замер, а затем уставился прямо на меня, отчего вздрогнула и шагнула назад.

— Это должно быть Лико. Вам нужно о многом поговорить, — ответила Эльза, вставая рядом.

— О том, что он со мной сделал?

— Лучше это, чем смерть, — с непонятной интонацией заявила Эльза.

Она развернулась и положила руку мне на плечо.

— Не сопротивляйся, Елена. Мы делаем всё возможное, чтобы остановить Алхимика. Пожалуйста, будь на нашей стороне.

— Как я могу доверять, если среди вас есть один из них?

— Лико полукровка. И было бы вежливо поблагодарить его за то, что он сделал ради тебя. Это был не просто укус.

— Что ты имеешь в виду?

В её взгляде, лишь мельком, как тень, появилась зависть, а потом всё пропало и она фальшиво улыбнулась.

— Он объяснит.

Эльза оставила одну, а буквально через несколько минут в комнату постучали и на пороге появился взъерошенный Лико, груженный пакетами.

— Я не знаю твой вкус и размер, поэтому купил всего разного, — почти виновато заявил он, сгружая покупки на свободную постель. — Рад видеть тебя в сознании...

— Ты светишься, — заявила резко. — Ты отличаешься от людей. Ты похож на него.

Лико стоял полубоком, а от моих слов замер на месте, склонив голову вниз. Затем резко

вздёрнул подбородок и уставился с уязвлённым выражением на лице.

— Ты ничего не знаешь обо мне, — тихо, но твёрдо выговорил он. — Не смей сравнивать меня с ним!

— Что ты сделал, укусив меня? — продолжила гнуть свою линию, зная, как это важно.

Он вздохнул, а затем полностью развернулся ко мне.

— Значит всё и сразу? Елена, я не планировал так прямо говорить с тобой об этом. Надеюсь, что ты сама поймёшь, ведь ты так долго жила с Алхимиком.

— Его зовут Кай, — сказала ему. — И я не знаю, о чём ты говоришь. Что ты сделал со мной?

— Я пометил тебя, — он как-то по-особому посмотрел на меня, а затем подошёл ближе. — Я раньше такого не делал. Это был эксперимент. У помеченных девушек быстро усиливается иммунитет, это физиология волков другого мира. Была вероятность, что это поможет.

— И это помогло. Но какие будут последствия?

— Никаких, — он слегка нахмурился, а затем склонил голову набок. — Я же полукровка, помнишь? Не настоящий волк.

— Но кусаешь также больно.

— Прости за то, что спас тебе жизнь, — едко ответил на колкость и я неожиданно даже для себя улыбнулась.

— Спасибо, что спас меня.

Образовалась неловкая пауза.

— Я, наверное, кажусь вам странной? — спросила нерешительно, заправляя волосы за ухо.

— Почему?

— Не задаю вопросы.

— На большинство вопросов всё равно не получишь ответов, — пожал плечами он. — Ты была заражена, неизвестно, что творится у тебя в голове.

— Я готова сотрудничать.

Присаживаюсь на постель и сжимаю пальцы в кулаки.

— Единственное, что хочу — быть как можно дальше от Кая. Потому что он убьёт меня, если найдёт.

— С чего ты это взяла? — удивился Лико.

— Я кое-что сделала. Кое-что непростительное. И за это он уничтожит меня.

* * *

Ловкие пальчики массирует поясницу, разгорячённую маслами и умелыми движениями. Я вся объята жарким пламенем, огонь распалется от каждого прикосновения, мурашки щекоткой пробуждают меня, а сердце бьётся так сладко, так гулко. В ушах звенит, и я кусаю подушку, чтобы не закричать от очередной волны наслаждения.

Он наклоняется, перемещая руки на шею, разминая её, расслабляя разум.

— Тебе нравится? — спрашивает Лико, целуя, а затем нежно прикусывая ушко. — Тебе нравится, Елена?

Острый жар выгнул дугой, молнией пронёсся по животу, а затем ниже и ещё ниже. Я дышу прерывисто, когда он проводит вдоль позвоночника маленький кусочек льда. Затем парень приподнимает за талию, чтобы встала на коленки, и одним движением входит в меня. Я опускаюсь ниже, закрывая глаза, чтобы всё чувствовалось острее, ярче, насыщенней.

Мне почти больно, но промедление ненавистно и я сама подаюсь навстречу, а затем с лёгкостью отталкиваю его, чтобы он упал на постель и взбираюсь на него сверху, начиная двигаться сначала медленно, глядя глаза в глаза, пристально, чтобы видеть, что он чувствует тоже, что и я. Лико проводит руками по груди, ненадолго задержавшись у сосков, а затем спустился вниз и обхватил бёдра, чтобы постепенно ускорить меня, чтобы мы были так быстры, как это возможно.

И когда уже была готова, он остановил наверху, на самой высшей точке, в тот момент, когда запрокинула голову, приоткрыла рот, закрывая глаза. И этим он приковал моё внимание к себе, чтобы мучительно плавно опустить вниз, и вновь, постепенно, усиливать амплитуду.

Я не контролирую процесс. Хотя и сверху, но оркестром командует Лико. И это заводит ещё сильнее. Мне никогда ещё не было так хорошо. Так по-настоящему хорошо и правильно! Это именно то, чего не хватало — двойственное чувство, настоящая я и настоящий он.

И в тот момент, когда он теряет контроль и мы оба на грани, раздаётся голос другого:
— Елена!

Обернувшись, увидела Кая в зверином диком обличи.

И моментально проснулась.

Глава 5. Андердог

Я буду помнить всё, что натворила,

Пока была тобой любима.

Была я самой верной, преданной тебе,

Отныне покорюсь своей судьбе...

Сны — это яд. Они отравляют мысли. Отравляют дни и мешают думать. Я не отдыхаю, а горю клетками, частицами, плотью, да самой сутью! И не могу никому ничего сказать. Не могу поделиться своими страхами, кошмарами, жуткими видениями, всем, чем наполнены мои дни. Словно попала в ад и только один... человек не даёт окончательно сойти с ума.

Лико приезжает каждый день. Он пытается помочь справиться с прошлым, рассказывает понемногу о волках и о том мире, в который попала так глупо.

Когда уехала из Ангарска, осознала в каком тесном мирке жила до этого. Я ехала поездом, из окна наблюдая за огромной необъятной страной, в которой мне повезло родиться. Приехав в Москву, ошеломлённая, напуганная невероятным количеством людей, была сбита с ног в буквальном смысле и потребовалось несколько месяцев прежде чем привыкла к метро, к огромным очередям в магазинах, к невнимательным и быстрым пешеходам, многокилометровым пробкам, шумным компаниям и просто — к людям.

Мир расширился, и я была готова к тому, чтобы увидеть, что ещё есть на этом свете, какие люди живут в других странах, а какая там природа, еда, достопримечательности. Мне стало интересно, и я готовилась к тому, чтобы однажды отправиться в своё «великое» путешествие.

Но я и представить себе не могла, сколько на самом деле существует миров.

Их столько, сколько звёзд на небе, и они разделены на группы, условно представляющие собой ожерелье похожее на ловец снов. Ничего не известно о других ожерельях кроме того, что они существуют. А наше связано огромной сетью порталов, где условным центром считается человеческий мир. И состоит из тринадцати миров, каждый которых населён определённым видом оборотней.

От самых фантастических до таких, как Лико и Кай. Волки, лисы, птицы, рептилии... есть мир, населённый драконами, мир огненных джинов, ледяных великанов, мир фей. Мир насекомых, мир кошек, подводный мир и мёртвый мир, в котором никого нет.

Когда-то они все были связаны плотной сетью, но тысячелетия назад случилось вымирание, называемое Дикой охотой, из-за которой исчезли драконы и некоторые другие виды. Сейчас остались только воспоминания о том периоде, а что правда — неизвестно.

Последствия аукаются до сих пор — представители других миров почти не посещают мир людей, избегая волков, обвиняя их в случившемся. Да и волки только совсем недавно снова начали пользоваться порталами и переходить в мир людей.

К несчастью для последних.

* * *

Потребовалось время, чтобы привыкнуть к новому месту в мире. К новой роли, к новой жизни. Чтобы привыкнуть **жить** другим человеком. Привыкнуть быть одной.

И каждый день задаваться вопросом — что будет дальше? Он найдёт меня сегодня или завтра? Или послезавтра, через год, десять лет, когда? Задаюсь этим вопросом вот уже восемь месяцев и пока нет ответа, продолжаю постоянно вглядываться в лица, боясь увидеть его.

Мне ко многому пришлось привыкнуть. К тому, что теперь вздрагиваю от любого шороха, от любой неожиданности, будь то упавшая книга или слишком громкий смех за окном. Привыкнуть к тому, что частенько просыпаюсь с криком от бесконечного повторения во снах, от воспоминаний, от ощущения полнейшей беспомощности и даже зависимости.

Моя жизнь мне не принадлежит.

И это не изменилось после побега. Просто теперь понимаю, что к чему. Понимаю, что люди, которые вытащили с того света, имеют власть надо мной. В их руках моё будущее и настоящее. И пускай ведут себя доброжелательно и даже равнодушно, всё равно знаю — в любой момент могут вернуть меня **ему**. Просто потому что мне действительно некуда идти.

Но пока они заботятся обо мне: выдали новый паспорт, перевезли в северную столицу, поселили в однокомнатной квартире, выплачивают небольшое содержание и ни к чему не принуждают.

Только в самом начале устроили серию допросов насчёт жизни рядом с Каем, но я не смогла рассказать им о том, что делала ради него. Не смогла рассказать о той власти, что он имел надо мной. Не смогла рассказать, что сделала с Шарли и с другими. Я молчала, отделяясь общими фразами и бесполезными событиями. Они проглотили это, даже не пытаясь особо настоять, как будто им действительно неважно, что я за человек.

У меня брали анализы, допрашивали насчёт прошлого семьи, искали зацепки, хотя и ежу понятно, он сам приказал мне стать нормальной. В этом всё дело. Он велел мне убираться и не возвращаться пока не стану **нормальной!**

Так и произошло.

Но они продолжали искать, а когда не нашли, оставили в покое, поручив заботу обо мне Лико. Только рядом с ним расслабляюсь и становлюсь собой. Только с ним могу чувствовать себя полноценной. Живой. Я не говорю ему о том, что он снится мне также часто, как и кошмары о прошлом.

* * *

— Повторите ещё раз, только медленно. Можно по буквам.

Руки скрещены на груди и я почти в бешенстве. Почти — ключевое слово, потому что любое действие после восьми месяцев бездействия кажется невероятно заманчивым и привлекательным.

Эльза закатила глаза, но продолжала улыбаться. И голос не соскочил, всё также доброжелателен. Как и мягкая полуулыбка Лико, сидящего на кухне рядом с ней. Они решили сделать предложение после того, как пришли в гости с тортиком и сладким чаем. Как будто я не догадаюсь, что им что-то нужно. За эти месяцы Эльза ни разу не приходила ко мне. Мы изредка виделись в лаборатории, но никогда за пределами неё.

— Придёшь на выставку, найдёшь нужного человека, изучишь его, как уже делала прежде, и скажешь нам — сидит он на неоне или нет. Проще простого!

— Я буду страховать тебя. Если что пойдёт не так — сразу вытащу оттуда, —

поддакивал Лико.

На разные лады они пытались представить своё задание простой прогулкой.

— Семь месяцев! — выдерживаю паузу, а затем чеканю дальше. — Всё это время вы держали меня на расстоянии. Буквально сижу взаперти в этой чёртовой квартире: мне нельзя работать, учиться, посещать общественные места и вообще сиди деточка на попе ровно и не отвечивай, чтобы не дай бог он тебя не увидел! Уточняю — я цитирую твои слова, Эльза! Что за смена курса?!

— Это очень важно. Мы не можем подобраться к нему и взять образец крови, он важная шишка в фармацевтической отрасли и параноик к тому же. Если его завербовали...

— Я не понимаю слово важно. Мне казалось, что важно сидеть и не рыпаться, а не бродить по выставкам, чтобы потом бояться увидеть себя на снимках. Или появляться рядом с потенциальным наркоманом, который может опознать меня!

— Ты их видишь, они тебя нет. Мы это проверили ещё в Подмосковье, помнишь?

— Эльза! — воскликнула я, затем посмотрев на Лико. — Ты хоть скажи, что за чёрт с этой идеей?

— Это вынужденная необходимость, Елена. Можно сказать, ключевой момент. Если удастся убедить этого человека работать с нами, то сможем сильно замедлить распространение наркотика.

— Ты в долгу перед нами, — заключила Эльза, нарываясь на возмущённый возглас Лико.

Даже бровью не повела, железные нервы.

— Я думала, Эльза поможет подобрать платье.

Разумеется, мне пришлось согласиться. Разумеется, не нашла убедительных доводов, чтобы отказаться. И разумеется, сердце забилось чаще, когда увидела взъерошенного Лико, облокотившегося о невзрачную серую машину российского автопрома.

Сейчас, в середине марта, снег уже сходит с земли, а небо потихонечку насыщается синевой. Гуляет лёгкий ветер, и парень постоянно поправляет отросшие кудри, убирая их с лица. Он что-то вдумчиво изучал в телефоне, взглядом расслабленный, как будто далеко-далеко отсюда витает где-то в своих мыслях.

У него тонкие и длинные пальцы, руки пианиста, спрятанные в шерстяные перчатки без пальчиков. На плечи накинуто серое пальто, длинное, ниже колен, из-под которого виднеются чёрные брюки и белая рубашка. Сейчас Лико кажется больше и выше, чем при первой нашей осознанной встрече.

Достаточно одного взгляда, чтобы забыть обо всём и вновь погрузиться в сон, что так ярко возбуждал воображение всего несколько часов назад. А глядя на его губы, представлять, как он может целовать меня. Так, как во сне — с силой, с напряжением, от которого перед глазами мелькают мушки, или же сладко, нежно, с долгой прелюдией, чтобы внутри всё теплело и медленно распалось до крайности?..

Я задала вопрос, чтобы отвлечься, надеясь, что щёки не выдадут моих тайн. Моих странных и таких неожиданных секретов.

— Она переложила это на меня, — обворожительно улыбаясь, отвечает Лико, убирая телефон в карман пальто и открывая передо мной дверь. — Прошу!

— Ты когда-нибудь был в мире волков? — спрашиваю по дороге в торговый центр.

— Один раз. В тринадцать лет состоялся обряд совершеннолетия. Когда мальчик

впервые обращается в зверя, — скупое ответил он. — Тогда же видел в последний раз отца.

— Почему?

— В первое обращение становится ясно, каким будет волк — альфой или бетой. Я оказалась бетой и так как во мне лишь половина волчьей крови, то перестал быть интересен отцу. Это всё.

— А что такое триада? Ты как-то упомянул этот термин, но не объяснил, что он означает, — видя большую тему, решила увести разговор в сторону.

В ответ он негромко кашлянул, а затем мельком глянул на меня почти с усмешкой.

— Трое, всегда только трое. Альфа, бета и волчица. У оборотней сложная система взаимоотношений и продолжения рода. Ведь волки живут по двести-триста лет. Таким образом природа контролирует их рождаемость, учитывая, что беременность длится всего четыре месяца.

— О, — вырвалось невольно. — Двое мужчин и женщина? Это... довольно странно.

— У них нет понятия моногамия и они не делят друг друга по половому признаку. Они не знают, что такое гомосексуализм и гомофобия. Совершенно иной вид.

— Звучит очень... чуждо, — негромко закашлялась, переваривая его слова.

Заметила, как сильно он вцепился в руль и переведя взгляд, увидела, что парень слишком внимательно смотрит на дорогу. Показалось, что в машине стало жарче и я приоткрыла окно. Лико невольно выдал насколько и эта тема для него сложна. Что с ним случилось в том мире?

— Я никогда в жизни не ходила на подобные мероприятия. И никогда не носила такие платья! С такими ценами! — мои брови поползли вверх, когда заметила ценник у длинного вечернего наряда с открытой спинкой. — Это точно не номер телефона?

Лико рассмеялся за спиной.

— А с Алхимиком ты никуда не ходила?

Платье выпало из рук обратно на вешалку. Сделав глубокий вдох/выдох, обернулась и лучезарно улыбнулась.

— Он предпочитал другие развлечения. Более... красные. Где требуется совершенно другая одежда. Более скользкая.

— Я обидел тебя. Прости.

— Ничего страшного. Я привыкла.

Лико подошёл очень близко и приподнял мой подбородок.

— Не позволяй другим залезть к тебе под кожу. Ты уже не с ним. И никогда к нему не вернёшься.

— Обещаешь?

— Да, Елена, я обещаю.

На выпускной мама достала своё свадебное платье и перешлила его под мою фигуру. Убрала старомодные рюши, укоротила подол и передвинула косточки у корсета. А волосы, пожалуй, впервые, уложили в высокую причёску и сбоку прицепили невысокую вуаль, немного прикрывающую шрам. Тогда же с помощью толстого слоя тоналки попытались скрыть его, но это не увенчалось успехом, он выпирает как бугор, продолжая портить лицо. Одноклассницы шутили за спиной, называли безобразной невестой, но мне было всё равно. Я была красивой. По крайней мере утешала себя подобной мыслью.

Сейчас, глядя на платья, развешанные по краям просторной примерочной комнаты, понимаю, насколько простеньким был тот наряд. Провожу рукой по ним и вытягиваю тёмно-серое с глубоким, но целомудренным вырезом с широкой лентой, опоясывающей талию, с нисходящими вставками, похожими на лепестки цветов, доходящими до нижнего края линии бёдер, а после свободный край с небольшими складками. Оно очень приятно на ощупь и не вызывающее. Я не должна привлекать излишнее внимание. Поэтому оно — то, что надо.

— Елена, у тебя всё в порядке?

Лико услышал мой тихий вздох, когда поняла, что застряла. Молния на спине не поднималась и не опускалась. Стоимость платья не позволяла действовать сильнее, поэтому, крутясь и вертясь, отчаянно пыталась сдвинуть её с места, даже покраснев от накатывающей волны отчаяния. Сдавшись, ответила ему:

— Мне нужна твоя помощь. Но! Ты должен закрыть глаза.

— Что? — недоумённо переспросил он.

— Молния застряла слишком низко, поэтому... — я умолкла, а затем поймала своё отражение в зеркале и прыснула от неловкой ситуации.

Шторка отодвинулась, но Лико не закрыл глаза.

— Это всего лишь кожа.

И от того, как он это сказал, по телу пробежались мурашки. Повернувшись спиной, ловлю его взгляд в отражении. Мы пристально смотрим друг на друга, и тишина становится тяжелее с каждым шагом. Он касается талии, а затем подтягивает края ткани друг к другу и медленно поднимает язычок молнии вверх, спокойно и неторопливо. И почему-то возникает чувство, что меня раздевают. Его дыхание, тепло его тела, тяжёлый взгляд и этот звук соединяющихся звеньев. Когда он остановился, молча сделала несколько шагов вперёд, затем повернулась к нему лицом.

Лико неторопливо обошёл взглядом мою фигуру и вновь посмотрел глаза в глаза. Как будто разрезали воздух и он перестал давить на грудную клетку — Лико одним шагом преодолел пространство между нами и прислонил меня к зеркалу. Перехватив запястья, плавно поднял их надо мной, удержав в кулаке, чтобы другой рукой вновь провести линию талии, поднимаясь выше, касаясь груди. Услышав прерывистое дыхание, резко наклонился вперёд, забирая воздух и целуя точно также, как и в моих снах. Я выгибаюсь вперёд, осторожно высвобождая руки, чтобы приподнять платье, и теперь он целует в шею, медленно спускаясь всё ниже и ниже.

Кажется, что падаю вниз. Кажется, что никогда не делала ничего подобного, словно всё, что было до этого — лишь сон, ошибка, фальшь.

Я готова продолжать и мне плевать на то, что мы в примерочной, что штора не опущена и в любой момент сюда могут зайти. Такое чувство, его невозможно описать словом, оно — это сплошное действие — быстрее-быстрее-быстрее!

И вдруг Лико остановился. Отпрянул, в ужасе глядя на меня.

— Что такое?

Тотчас смутилась, опуская задранный подол.

— Что случилось, Лико?

— Нет, этого не может быть! — прошептал он, не смотря в глаза, а затем буквально вывалился из комнаты и шатаясь быстро выбежал из примерочной зоны.

От неожиданности осела на пол, по привычке опустила волосы на лицо, касаясь

пальцами того места, где он остановился. Место, помеченное серебристым полукругом, место его укуса.

* * *

Наступил день выставки.

Лико как сквозь землю провалился и за всё это время от него не было ни единой весточки. Тогда, выходя из примерочной, столкнулась с девушкой — администратором магазина, она передала извинения моего «компаньона» в виде карт-бланша и чековой книжки на покупку любых приглянувшихся платьев и аксессуаров к ним. Но я не стала злоупотреблять его доверием. Из всего ассортимента приобрела только то самое платье, подходящую сумочку и туфли.

Меня не покидало чувство, что случилось нечто непоправимое и я никак не могла понять, в чём причина. Почему он бросил меня?

С утра меня навестила небольшая команда специалистов, нанятых Эльзой, для того, чтобы привести мою внешность в должный вид. Чуть позже подъехала и сама Эльза. Но практически всё время она провела на кухне, уткнувшись в смартфон, безостановочно куря в форточку и уничтожая мои запасы кофе.

— Когда увижу Лико? — решила спросить, когда остались одни. — Он же будет сопровождать меня?

— Планы изменились, — оторвавшись от мобильного и неожиданно неприятным голосом, ответила она. — Ему пришлось уехать, так что сопровождать тебя будет другой человек.

— Другой человек? Ты о ком? — переспрашиваю моментально напрягшись.

— Успокойся, он сможет позаботиться о тебе. По правде сказать, не ожидала, что он согласится помочь, но чудеса случаются.

— О ком ты говоришь?

Она широко улыбнулась, убирая телефон в сумочку.

— Ты увидишься с ним уже на вечеринке. Не беспокойся, ты сразу поймёшь, кто он.

Мне не понравилось, каким тоном она это сказала. Слишком радостным, но, в тоже время, злым. Эльза подошла ко мне, чуть наклонилась вперёд, внимательно изучая моё лицо.

— А Натали молодец. Так хорошо без грима ты никогда не будешь выглядеть.

Поднявшись со стула, вышла в коридор к большому зеркалу. И слова Эльзы, сказанные не без зависти, подтвердились.

Волосы, аккуратно уложенные множеством невидимок, обнажили тонкую шею. Платье, сидевшее как влитое, подчеркнуло достоинства фигуры, как и небольшая скромная подвеска в виде сияющей голубой капли, висевшей на шее. Простое украшение, в котором скрыт маячок на всякий случай.

Самым восхитительным стало лицо. Чистое, с ровной матовой кожей, макияжем, искусно подчёркивающим мягкую полноту губ, глубину цвета глаз, румянец щёк. Я выглядела молодой, свежей и красивой. Мне никогда не доводилось видеть своё лицо таким... нормальным. И хоть внутренне чувствовала слои «штукатурки», а местами и латекса, всё равно видеть себя такой — чудо. Я обязательно научусь самостоятельно скрывать шрам. Не хочу забывать каково это — быть красивой.

Эльза, вставшая за спиной, странно смотрит на меня, но молчит.

— Что-то не так? — спрашиваю, не выдержав напряжения. — Ты чем-то недовольна?

— Нет-нет, это никак с тобой не связано, — воскликнула она, отрицательно качая

головой. — Другие дела. Ладно, скоро за тобой приедет такси, так что увидимся уже после выставки. Как поймёшь, что с ним, сразу пиши. Если будет возможность — звони. И уходи. Входной билет оставляю на тумбочке. Желаю удачи!

Эльза как-то резко засобиралась, вновь уткнувшись в телефон, но напоследок постаралась выдавить из себя лучезарную улыбку, которая совсем не успокоила.

Меня мучали вопросы. Почему уехал Лико? Почему он тогда так странно себя повёл? В чём причина плохого настроения Эльзы? Что за человек будет присматривать за мной на выставке? Столько вопросов и так мало нервов.

На телефон приходит сообщение от водителя. Подхватываю сумочку, убираю билеты, телефон, последний раз смотрюсь в зеркало и выбегаю навстречу судьбе.

Здесь много света и зрителей. Мелькают вспышки, а люди кажутся больше и ярче, чем они есть на самом деле. Повсюду улыбки, фальшивый смех, обмен любезностями и почти никто не смотрит на фотографии, ради которых все здесь собрались. Присутствующих больше интересовало вино и фрукты, а также смартфоны и селфи. Это обычный светский раут.

Простые мысли успокоили и придали сил. Сосредоточившись на поиске нужного человека, обошла по периметру весь зал, ненадолго останавливаясь, смотря на фотографии, развешанные по стенам. Меня привлекал сюжет, в разных градациях повторяющийся на всех снимках.

Это лес. Дремучий и холодный. Покрытый мхом, с хвойным покрывалом, укрывающим стылую землю. Где деревья стоят так плотно и близко друг к другу, что сквозь ветви не проникает солнечный свет. А у их подножья собирается серый мокрый туман, и даже здесь, в городе, под светом софит, чувствуется, какой влажный и тяжёлый воздух в этих лесах. И не все полотна о лете.

Некоторые полны осенних листьев, крупных снежных шапок, сквозь которые выступают зелёные иглы сосен, другие же предательски обнажены, готовые сдать перед жаром лесного пожара. Но всех их объединяет одно — одиночество. Это место, далёкое от людей, место, где ты один.

Увлечённая снимками, почти столкнулась с тем человеком, которого должна была найти. Он один из немногих, кто пришёл ради фотографий, и, как и я, глубоко увлёкся далёким, а кажущимся таким близким, лесом, поэтому хватило времени, чтобы понять — он не из семьи. Обменявшись незначительными улыбками, как два человека, хранящие одну тайну, разошлись в разные концы зала. Он — смотреть другие фотографии, я к выходу, на ходу доставая телефон и набирая сообщение Эльзе.

Я не сразу поняла, что не так. Воздух стал другим? Или похолодало? Нет. Стало жарче, и от сухого жара напряглись мышцы. Почувствовала себя овечкой в стаде овец. И среди нас ходит волк.

Остановившись, медленно обвела взглядом шумный зал, пытаюсь угадать, кто это. И не заметила, как он подошёл сзади. Глупая-глупая овечка. Нужно было бежать сразу, как почувствовала его.

— Добрый вечер, Елена.

Его голос мягкий, бархатистый и низкий. Оборачиваюсь, ловя взгляд завораживающих янтарных глаз. Он очень высокий волк. Под два метра ростом, с широкой грудной клеткой, спрятанной в тёмно-коричневом, почти чёрном костюме. У него изумительная полуулыбка

на губах, в глазах искры лукавства и смотрит он с таким неприкрытым интересом, что моментально тушуюсь под его взглядом.

— Здравствуйте, — выдаю в ответ, неловко переминаясь с ноги на ногу и отчаянно пытаюсь успокоиться.

— Сегодня вы восхитительно прекрасны и волнение так очаровательно вам идёт.

— Вы знаете моё имя, значит вы знаете кто я. Возникает вопрос, что вы будете делать с этими знаниями? — спрашиваю, нервно сглотнув и оглядываясь по сторонам.

Лико бы знал, что делать. Он единственный, кому действительно доверяю. Почему его здесь нет? И где тот, кто должен охранять меня? Или... это он и есть? Волк, охраняющий овечку?..

— Елена, я не собираюсь вредить вам. Наоборот, хочу помочь, — и он вновь с теплотой улыбается. — Вы даже не догадываетесь, в какой западне живёте. Та... милость, что дарует вам Эльза и её люди, ничто по сравнению с той выгодой, которую они получают в будущем, когда подойдёт время использовать вас как приманку.

— Я не понимаю о чём вы. Эльза пытается остановить Алхимика, — я понизила голос, ведь мы стояли прямо в центре зала и нас окружали люди, любопытные мужчины и женщины, которых привлекал янтарь в глазах незнакомца и то, как он смотрел, слегка прищутив левый глаз.

— Только два слова и они разрушат всё то, что вы воображаете себе последние восемь месяцев. Промышленный шпионаж.

Он подошёл ближе, чересчур внимательно следя за моей реакцией. Наслаждаясь растерянностью, вкушая как истинный волк запах страха.

— Что вы чувствуете, узнав, что люди, которым доверились, работают на таких, как я?

— Почему вы всё это говорите? Вы столько знаете обо мне. Кто я такая, что со мной произошло. Вы наверняка знаете, где я сплю и где бываю. Почему вы следите за мной? Что вам нужно? — заговорила быстро, почти тараторя, подсознательно пытаюсь вытолкнуть его слова из сознания. — Откуда мне знать, что вы не врётё?

— Пожалуй, я буду единственным, кто не будет лгать вам, Елена. Я хочу предложить защиту как от тех, кто стоит за спиной Эльзы, так и от Кая. Пойдём со мной, и я расскажу всё об этом новом мире.

— Зачем? Разве вы не тот человек, которого приставила ко мне Эльза? — смотрю исподлобья, не веря ни его словам, ни тому, что он обещает, чувствуя невысказанную угрозу. Где Лико? Почему его нет рядом?

— Эльза преследовала свои цели, обращаясь ко мне. Уверяю, она будет сильно разочарована последствиями.

— И после этих слов вы считаете, что я должна довериться вам?

— Я не причиню тебе вреда, Елена, — он заговорил мягче, убирая официальный тон, но в тоже время убедительнее, заглядывая в самое сердце. — Ведь я знаю о тебе то, что не знают другие. То, что на самом виду, но никто не замечает.

Он резко приблизился, наклонившись и обхватив шею рукой, шепча на ухо:

— Я знаю, откуда у тебя этот шрам. Его нанёс не бездомный пёс. Нет. Такое увечье остаётся от когтей волка. Я расскажу тебе всё, Елена, если пойдёшь со мной.

Его слова прозвучали так остро и неожиданно, что поверила ему. Ведь в его глазах хоть и было лукавство, но в них не было той гнили, что видела в Эльзе. И не было безумия, охватывавшее Кая каждый раз, когда он смотрел на меня. В них было то, с чем никогда

прежде не сталкивалась. В них было абсолютное равнодушие.

Телефон зазвенел и достав его, увидела сообщение от Эльзы.

— Идём, Елена, — он протянул руку и я вложила в неё смартфон.

Глядя в глаза, он так сильно сжал пальцы, что покорёжил пластиковую игрушку. Она выпала из его рук и я невольно ухватилась за подвеску на шее. Может и не доверяла Эльзе, но верила Лико. Сейчас, зная, кто стоит рядом со мной, понимала, что он так просто не отпустит и будет лучше, если сделаю вид, что доверяю ему.

— Хотя бы назови своё имя, волк.

— Арман, — ответил мужчина, отряхивая ладони и, разворачиваясь к выходу, подхватывая меня под руку. — Ты делаешь правильный выбор, Елена.

— Скорее делаю единственно возможный.

Глава 6. Обучение

Это чужой мир. Чужая игра.

В ней нет места для таких, как я.

Бросаю карты, пробуя, пытаюсь играть,

Но как же легко меня на деле сломать.

Разбудил шум.

Звуки драки и крики. Очень громкие крики. Схватилась за кулон на шее, приподнимаясь над кроватью. Я знаю, кто внизу на первом этаже. Там Лико. Он пришёл за мной.

Арман за полночь привёз в свой загородный дом, стоящий на холме и окружённый высокими соснами, среди которых виднелся четырёхметровый забор с колючей проволокой наверху и множеством камер по периметру. При въезде КПП с охранниками и собаками, железные глухие ворота, а внутри долгая дорога вдоль газонов, украшенных невысокими садовыми деревьями и цветами.

Прямо напротив белоснежного здания, выполненного в греческом стиле с колоннами и широким открытым балконом на втором этаже, располагался фонтан, в центре — мраморная девушка, державшая лунный диск, из которого струилась вода.

Поместье освещали сотни фонарей, но ещё ярче светились глаза Армана, когда он смотрел на меня. Сейчас знаю, что волки подвержены влиянию луны. Она заставляет быстрее течь кровь по жилам, пробуждая нечто дикое, скрытое в каждом из них. Эта ярость виднелась в глубине их глаз. И если заметил этот блеск — берегись.

Однако Армана я не интересовала, он, как и другие, видел во мне средство для достижения своих целей, поэтому сейчас не причинит вреда. Даже наоборот, войдя в его дом, получила шикарный ужин, непринуждённую беседу, не касающуюся волков и овец, а после собственные комнаты на втором этаже с личной ванной комнатой и великолепным видом на сосновый бор за высоким забором.

Поэтому сейчас, когда пульс участился от шума драки, понимала, что Арман не отпустит меня просто так. И мысленно корила Лико за то, что он пришёл без поддержки.

Выбравшись из постели, быстро надела платье и туфли — другой одежды не было. Спустившись по лестнице, пересекла широкий холл и оказалась в гостиной комнате, пережившей драку волков. Сломанный дубовый стол, сметённые вазы со столиков и тумбочек, разбитая люстра, порванное полотно картины на стене. Повсюду царапины и обломки мебели. И двое мужчин, стоявших напротив друг друга, ярость которых опаляла.

Они совершенно разные. Лико ниже Армана сантиметров на пятнадцать-двадцать, значительно худее и неряшливее. Его каштановые кудри после драки выглядят ещё более растрёпанными, а голубые глаза светятся ярче, заостряя его худое мягкое лицо. Арман напротив кажется ещё крупнее и выше. С короткими соломенными волосами, лёгкой, но ухоженной небритостью, он не походил на уличного громилу, скорее выглядел джентльменом, не отказывающем себе в удовольствии выбить кому-то зубы.

Сейчас оба в крови и царапинах. Одежда порвана, костяшки пальцев сбиты и на лицах «распускаются» бутоны синяков.

Но когда они смотрели друг на друга, в их глазах не было желания биться. Было кое-что другое. Что-то, что заставило отпрянуть в разные стороны, когда заметили меня.

— Елена, мы уходим отсюда! — безапелляционно заявил Лико, быстро пересекая комнату и оказываясь рядом со мной.

От радости сердце забилось сильнее и я широко улыбнулась.

— Я знала, что ты придёшь за мной!

В ответ Лико взял за руку и сжал пальцы, поддерживая меня. С другого конца комнаты послышались громкие хлопки. Арман с язвительно улыбкой хлопал нам, а затем резко остановился и заговорил:

— Bravo, Лико! Ты такой молодец! Завоевал сердце Елены Прекрасной прямо как в сказке! Елена, ведь ты полюбила нашего молодца?

Я отвела взгляд и Лико почему-то отпустил мою руку. Посмотрев на него, заметила смущение и даже непонятное раскаяние. Предгрозовое предчувствие беды.

— Тебе ведь он снится, не так ли? Жаркие страстные сны, после которых чувствуешь себя не выспавшейся. А на фоне этого повышенная сексуальность, да и физически ты теперь в отличной форме, не так ли? Но ведь Лико ничего об этом не говорил? Не рассказывал, что бывает после **подобного** укуса волка?

— О чём он говорит, Лико?

Я намеренно не обращаюсь к Арману, мне было важно услышать именно Лико. Ведь чувствовалось, что оба стоим у обрыва.

— Он рассказывал, с чего начинаются триады у волков? — продолжил Арман, когда Лико не ответил.

Парень неотрывно смотрел на Армана, и в его глазах виднелся жгучий стыд и отвращение к себе и к волку напротив.

— Триада начинается по-разному. Обычно соединяются двое мужчин и после этого они ищут третью. Но иногда триада начинается с пары. Мужчина помечает женщину укусом у основания шеи, если бета — то с правой стороны, если альфа — с левой. Дальше происходит самое интересное, ведь укус — это тест на совместимость. Если они подходят друг к другу, то на месте укуса остаётся серебристый полукруглый шрам и в организме женщины начинаются процессы, подготавливающие её к будущей беременности. Волка сложно вынести, ведь ещё в утробе матери происходит череда обращений и неподготовленная женщина может умереть. Ведь волчицы, за очень редким исключением, не способны принимать полную звериную форму. Поэтому укус укрепляет её, заживляя все раны и убирая болезни, а также повышая сексуальное влечение к тому, кто укусил. Это необходимо для выживания и для быстрого зачатия. Именно поэтому ты чувствуешь его. Именно поэтому он снится тебе почти каждую ночь. И именно поэтому так сильно доверяешь ему. Он сделал с тобой то, что сделал Кай. Изменил против воли. Ложь во спасение всё равно ложь.

Когда он закончил говорить, кровь отхлынула от лица и мне стало зябко. Медленно подойдя к покрытому сетью трещин зеркалу, висящему над камином, убрала волосы с шеи и ещё раз посмотрела на шрам. Серебристый полукруг.

— Я не думал, что это случится. Я всего лишь на половину волк! Твой шрам на лице... я решил, что пронесло. Что просто вылечил тебя, без меток и...

— Но мы оба чувствовали влечение! — резко оборвала его, поворачиваясь к нему. — Не

говори, что не хотел меня. Я видела, как ты смотрел! А ты видел, как смотрела я! Теперь понимаю, почему сбежал тогда! Ты испугался, увидев метку! Струсил! Даже не посмел сказать, что натворил!

— Елена, уйдём отсюда. Мы всё решил и исправим. Метка — это не навсегда, — почти убедительно заговорил он.

— Ты пойдёшь с тем, кто имеет над тобой такую же власть, как Кай? — вкрадчиво вклинился Арман.

Слушая нашу перепалку, он достал из, чудом уцелевшего после драки, бара два стакана и пузатую коньячную бутылку. Разлив напиток по стаканам, он подошёл ко мне и протянул один из них. Поколебавшись секунду, приняла его и залпом осушила, поморщившись от холодной крепости благородного напитка. Меня моментально отпустило напряжение, но обида оказалась острее, чем думала.

Грязь. Сплошная грязь и ложь. Они лгали мне. Каждый из них! Я ведь правда думала, что влюбилась в него. Как обычная девушка, влюбившаяся в своего спасителя. Во многом благодаря этому чувству прикрывала глаза на несостыковки в словах Эльзы.

Какая же я дура!

— Уходи, — с дрожью в голосе, сказала ему, поднимая взгляд от пола.

На Лико было больно смотреть. Моё слово раздавило его.

— Ты совершаешь ошибку. Арман не так хорош, как ты думаешь. Он опасен. Он волк, понимаешь? Спроси себя, зачем он взял тебя? Что ему нужно? Поверь, он не так просто это сделал! У него есть планы...

— Как и у вас всех! — воскликнула громко, а затем нервно рассмеялась. — Я попала в кроличью нору почти полтора года назад! И с тех пор меня только и делают, что используют, как кусок красивого мяса. И не делай вид, что желаешь мне добра, что что-то чувствуешь ко мне! Я не хотела идти на эту выставку, но ты заставил меня! Мягко, с любовью, но заставил, а значит ты не лучше Кая! Просто уходи. Слышишь? Уходи!

— Елена, я...

— Дама просит кавалера удалиться, — наслаждаясь представлением, влез Арман. — Лико, не волнуйся, я позабочусь о ней лучше, чем твоя подружка Эльза. Елена получит надлежащий уход. И я обещаю, что не буду использовать её в корыстных целях, как это делали твои друзья.

— Я знаю, что ты делаешь на самом деле, — устало заговорил Лико. — Таким образом ты ничего не добьёшься.

— Это мы ещё посмотрим.

На этих словах, он приобнял меня, а затем каким-то совершенно естественным жестом поцеловал в затылок. Увидев это, Лико сжал зубы, но промолчал. Однако, выходя из комнаты, не смог удержаться от последнего слова:

— Я буду приходить время от времени. Елена, если что пойдёт не так, ты почувствуешь себя неуютно или же Арман выйдет за рамки — звони мне. Я всегда буду на связи.

Я промолчала. И лишь когда он ушёл, высвободилась из объятий Армана и встала напротив него, внимательно посмотрев в глаза.

— Не обольщайся. Я может и не умная, и не опытная, но мне хватило ума кое-что заметить. Теперь знаю, зачем я здесь.

Арман прислонился к стенке камина и скрестил руки на груди, разглядывая меня с прищуром. Видно, что его забавляет моя решимость.

— И что же ты заметила, дорогая?

— То, как ты смотрел **на него**. Я запомнила слова про триаду. Двое мужчин и одна женщина. Мне интересно, как долго ты добиваешься его? Теперь попытаешься действовать через меня?

— Молодец, девочка. Ты умница, просто тебе не хватает опыта. Но опыт — дело наживное. Я помогу тебе, а ты поможешь мне. И оба получим то, что хотим.

— А чего хочу я?

— Выжить. Ты ведь уже поняла, что не сможешь выбраться из этой игры? Ты в неё влипла, как муха в паутину, и теперь барахтаешься, потому что не знаешь, как играть. Я помогу тебе разобраться, а ты принесёшь мне Лико.

— Мы ведь теперь связаны с ним. Ты хочешь...

— Я не буду тебя ни к чему принуждать, Елена. Но ты сама этого захочешь, — он широко улыбнулся и впервые в его глазах появился интерес. — Другой вопрос, захочу ли этого я. Сможешь ли стать достаточно интересной для меня?

Я обворожительно улыбнулась, а затем послала его ко всем чертям. И, под звук его раскатистого смеха, вышла из гостиной, сменив улыбку на гримасу злобы.

Я просыпаюсь с криком.

Мой сон, бесконечный повторяющийся сон не отступает, не уходит и время не лечит, не даёт забыть то, что сделала ради него. То, что казалось игрой и забавой. То, с какой лёгкостью делала ужасные вещи, чтобы доставить ему удовольствие. Я была монстром, прекрасным чудовищем, искренне верящем: всё, что делаю — правильно и хорошо.

Всё ради него. Прикажи **он** умереть — сделала бы это незамедлительно.

«Не возвращайся, пока не станешь нормальной!»

Я стала нормальной? Я действительно избавилась от его чар или же всё закончится стоит ему отдать другой приказ? Я свободна? Или же свобода — иллюзия и я всё ещё в клетке?

Пока спала, кто-то принёс в комнату женские вещи моего размера и наполнил ими шкафы и полки. Разумеется, я не получу ничего из того, что принадлежало мне, пока жила на той квартире. И разумеется, никто не спросит, что нужно мне. Последние семь месяцев хотя бы могла выбирать, что буду носить, читать, есть и смотреть.

В этом месте такой воли мне не дадут.

Но я не вернусь назад. И не из-за знания того, что Арман не отпустит, а от понимания, что некуда возвращаться. Лико находится внутри сердца, а значит имеет власть надо мной. И он связан с Эльзой. Я не знаю, чего они хотят и как этого добиваются, но у меня есть надежда на то, что Арман поможет разобраться. Поможет стать достаточно сильной, чтобы самой решать, что делать дальше. У меня нет другого выбора, кроме как довериться ему.

— Елена Прекрасная, как прошла твоя ночь? Мне сообщили, что ты кричала на рассвете, дурные сны?

Мы встретились за завтраком в просторной столовой за столом, накрытым на две персоны. Молодая женщина накрыла классический почти английский завтрак, а позже подала кофе с лимонами и апельсинами.

После бессонной ночи разобрал зверский аппетит и я с удовольствием смела всё, что было на тарелке включая овсянку, гренки, бекон, яйца, сосиски и свежие фрукты с кофе и

соком.

Как и Арман. Как и Кай. Волкам нужно много есть, из-за трансформации они теряют силы, еда восполняет потерю.

— Не то, о чём вы подумали, — отвечаю, скривившись.

Сегодня утром при свете весеннего солнца Арман выглядит ярче и почему-то теплее. Светловолосый в свитере и брюках тёплых оттенков, он не походил на волка, способного разорвать человека одним движением рук. Но я знала, что он на это способен.

Приходилось видеть, как другой волк, худой и стройный, сделал это за несколько секунд. Не стоит обольщаться и верить своим глазам. Я сижу за столом с монстром, удерживающим зверя глубоко внутри себя.

— А о чём я думаю, Елена? — игриво спрашивает он, знаком показывая стоящей неподалёку служанке убирать со стола остатки завтрака.

— Я не попадусь на эту уловку дважды. Мне снился кошмар, вот и всё.

— Воспоминания о том, что делал с тобой Кай? Как далеко он зашёл, Елена? Он заставлял делать ужасные вещи? Или ты сама их делала, обманываясь, что делаешь их ради него?

— Довольно! — воскликнула агрессивно, моментально вскакивая из-за стола. — Вы рассуждаете о вещах, которых не понимаете!

— Опять на вы, а ведь мы становимся ближе друг к другу. Разве мы теперь не друзья, Елена? Не обижайся, но кто кроме меня может вырезать эту опухоль из твоего сердца? Ты носишь боль как щит и тебе кажется, что никогда не сможешь от него избавиться. Кай будет преследовать тебя, пока сама себе честно не ответишь на все вопросы. Пока сама не поймёшь самую очевидную вещь. То, что делает нас всех сильными. То, с чьей помощью ты примиришься с прошлым и пойдёшь дальше.

Арман также встал из-за стола. Говоря страстно, искренне веря в свои слова, он обошёл стол и приблизился, беря чистый сервировочный нож с заострённым концом и протягивая его.

— Вот то, что ты должна держать при себе. То, что ты должна была незаметно стащить со стола, пока завтракали, ведь ты умная девочка, а умные девочки не доверяют большому и злому серому волку. Этот предмет — часть того, что способно создать из тебя нечто стоящее.

Принимая нож, смотрю на него с растерянностью, не понимая, о чём он толкует.

— Спроси меня, что я умею делать лучше всего, — видя замешательство, потребовал он.

— Что это?

— Я. Умею. Выживать, — медленно, с расстановкой и твёрдостью, сказал он. — Если ты действительно чего-то стоишь, эта фраза станет и твоим девизом тоже.

— Прежде чем займусь тобой, следует прояснить некоторые моменты.

После того разговора в столовой, мы переместились на улицу в дальнюю часть соснового бора, подальше от слуг, ухаживающих за фруктовым участком, и от охранников, патрулирующих территорию.

— Что говорили родители о том, как ты получила этот шрам.

— На меня напал дикий пёс, когда была совсем маленькой.

— То есть ты не помнишь нападения, — утвердительно заключил он. — А кто-нибудь видел, как это произошло кроме твоих родителей?

— Я не знаю. Я была слишком мала. После этого случая мы переехали в другой город. И никогда не говорили, как всё случилось. Эта тема — табу.

— Они солгали тебе. Такой шрам можно получить только от дикого волка. Их ещё называют омегами.

— Я не понимаю.

— Значит прошлой ночью плохо слушала, — недовольно проговорил Арман. — У тебя есть ещё какие-нибудь шрамы на теле?

— Да. В тринадцать лет разбила стакан, когда мыла посуду. На пальце остался шрам в виде буквы «з».

Я подняла руку, чтобы показать его, но на его месте — чистая кожа. Проведя пальцами по поверхности, закатала рукав пальто: на сгибе локтя был ещё один шрам от падения с велосипеда, более крупный. Его тоже не оказалось.

— Да что же это...

— После укуса ты стала сильнее. Выносливее и здоровее. Все шрамы сошли потому, что кожа полностью обновилась за эти месяцы. Ты стала другой, готовой к зачатию ребёнка-волка. Но кое-что осталось. То, что вводило в заблуждение Лико. Шрам на лице. Ты говорила, что это была собака и будь это правдой, шрам тоже исчез бы. Но отметины, оставленные когтями диких волков, не исчезнут. Они будут напоминать о том, с какой тварью ты встретила.

— Лико не рассказывал о них. Кто они такие?

— Мы стайные животные, Елена. И в нашем мире есть королевские альфы. Неприкосновенные короли. Ведущие за собой. Это похоже на то, что пытается сделать с людьми Кай. Есть четыре вида оборотней-волков — королевские альфы, просто альфы, беты и омеги. Последние — это волки, которые отказались подчиняться королевским альфам. По одиночке омеги не опасны. Их изгоняют из семей и общества, из-за чего они сходят с ума и умирают. Кстати, Кай из их числа. И поэтому он так жесток. Эта жестокость к людям и зверям, обида и злость, просыпается в волках, у которых нет стаи. Поэтому, когда омеги объединяются в подобие семьи, они дичают, потому что находятся **вне** настоящей стаи. Им нужна боль и кровь, чтобы чувствовать себя цельными. Но, в результате, всё равно погибают. Дикость приводит к частым превращениям, пока однажды они не потеряют способность менять шкуру на кожу. Из-за этого отказывают органы и приходит смерть.

Арман ненадолго замолчал, размышляя стоит ли говорить ещё.

— Они меняются, — наконец, заявил он. — Никто не знает почему, но многие омеги научились бороться с дикостью. Более того, они заново научились открывать дикие тропы между мирами, вернув понятие Дикая охота. Теперь омеги невероятно опасны. Они презирают людей и охотно пожирают их плоть.

Не открывай дверь, Елена! Стой!

— Я знаю.

— Он охотился, не так ли? — проницательно заявил Арман, увидев моё состояние. — И ты охотилась вместе с ним.

Я ничего не ответила. Мне не хотелось вспоминать то, что сделала тогда.

За несколько дней от Армана узнала гораздо больше об оборотнях, чем за восемь месяцев от Лико и Эльзы. Он, не таясь, подробно отвечал на вопросы параллельно задавая собственные, чтобы узнать меня, чтобы понять и решить, что делать дальше. Для него стала

интересной задачей, игрушкой, с которой можно поиграть во множество игр. Пускай попробует. Ведь мне тоже интересно, как далеко смогу зайти.

Благодаря Арману, лучше поняла, что пытается сделать Кай. Эксперименты с наркотиком направлены на то, чтобы создать свою стаю. И ему это удаётся, раз он до сих пор жив.

Арман рассказал одну легенду, посвящённую Вымиранию видов.

Есть одна семья с фамильным именем Демьян, которое носят короли-альфы. Говорят, в древности король этой семьи сошёл с ума и стал первым омегой, зверем, одержимым жаждой крови и боли. Но его связь с королевством не исчезла, а наоборот усилилась. Все его подданные превратились в диких и эта жестокость как пожар захватила соседние королевства. Началась кровавая война. Без цели, без смысла волки пожирали друг друга и уничтожали всё живое на своём пути.

Тогда появились первые волчьи тропы, открытые Демьяном, и родилась Дикая охота. Начало конца.

По легенде короля-омегу остановил последний дракон ценой своей жизни. И после этого всё вернулось в прежнее русло. Вот только остались омеги. А в мире волков появились зоны, в которых обитают чудовища, которых дикие притащили из своих путешествий. И ожерелье миров распалось, многие порталы схлопнулись из-за вымирания драконов, а оборотни потеряли связь друг с другом.

Это очень древняя и довольно сумбурная легенда, но в ней есть зерно истины, ведь королевская семья Демьяновы до сих пор существует. Арман является подданным короля Демьяна.

У этой легенды есть часть, которую не любят произносить вслух: «Что случилось однажды, может повториться вновь. Но больше нет великих драконов, чтобы это остановить».

— Я научу тебя защищаться.

Арман придумал, что со мной делать, только через неделю после переезда в его дом.

— Чтобы научиться выживать, ты должна не бояться драться. Должна научиться убегать. Защищать свою честь. А иногда отдавать её, чтобы в нужный момент нанести смертельный удар. Пока ты не почувствуешь силу в своих пальцах, никогда не научишься защищать свой разум от таких как Кай.

— А я думала, что первым делом нужно выяснить откуда у меня шрам на лице. Я хочу связаться со своими близкими.

Арман отрицательно покачал головой. Но увидев решительность на моём лице, достал мобильный телефон, и, покопавшись в нём, протянул мне.

— Мои люди наблюдают за ними. Что ты им скажешь, когда будешь звонить? Ты знаешь, что они приезжали в Москву? Они искали тебя, обращались в полицию, но, в конце концов, сдались и вернулись домой ни с чем. Ты официально пропала без вести. Как объяснишь это? Будешь рассказывать сказки про оборотней или придумаешь какую-нибудь невразумительную чушь? Учти, когда мои люди приехали туда, то сообщили, что за Озёровыми ещё кое-кто наблюдает. Кай не оставил попыток найти тебя. Семья — это твоя уязвимость. Спроси себя, насколько далеко ты готова зайти ради них?

Я угрюмо посмотрела на него, но промолчала.

— Отлично. Когда придёт время, то обязательно встретишься с ними и обо всём

расспросишь. А пока довольствуйся фотографиями. Они живы и здоровы, вот что важно.

— Зачем ты так заботишься обо мне? Всё ради Лико? Думаешь он оценит это? Я знаю, что он не такой как ты. Ему не нужна триада, он отрицает всё волчье в себе, предпочитая свою человеческую половину. Всё из-за отца.

— Пока ещё рано задавать этот вопрос, Елена. Мы ещё ничего не начали. Я скажу тебе, что задумал, если ты будешь справляться.

— Ты хотел сказать, если я захочу тебя, — я улыбаюсь, видя его замешательство. — Кое-какие вещи я уже знаю. Для триады нужно трое. И раз мы с Лико связаны, зачем искать третьего партнёра на стороне? Но женщина не должна быть слабой. Поэтому ты решил изменить меня, чтобы я стала сильной. Даже не физически, ведь для этого потребуются годы тренировок, нет, ты хочешь научить гибкости мышления, чтобы в любой ситуации могла разобраться и выбраться из неприятностей. Я согласна с этим.

Слушая пылкую речь, Арман щурится как довольный кот. Любуется, наслаждаясь моей прозорливостью.

— Ты не дура, Елена. Мне потребовалось несколько дней, чтобы прочитать тебя. Я верю, что у тебя есть потенциал. И если это так, то Кай и ему подобные никогда не получат тебя. А я научу, как победить на их же поле.

— Что будет если не справлюсь?

— Я буду сильно разочарован, милая Елена. И в твоих же интересах, чтобы этого не произошло.

В мою жизнь вошёл график и порядок.

Ранний подъём, пробежка, зарядка, лёгкий первый завтрак. Далее занятия по миру волков и людей, наша совместная история сосуществования и взаимоотношений. После второй завтрак, небольшой перерыв. Потом тренировки по самообороне. Бассейн. Обед. Перерыв. Занятия с гримёром. Меня обучали как правильно и быстро накладывать грим, чтобы скрывать шрамы и менять внешность. Потом любимая часть — уроки стрельбы. Полдник в компании с Арманом. Перерыв. Неожиданное — танцы. Красивая походка, гибкость движений, это почти уроки соблазна. Потом ужин. И после этого свободное время на самообразование. У Армана огромная библиотека на первом этаже. И он прочитал всё, что там есть. Перед сном вновь встречаемся, и я задаю возникшие вопросы. Сон.

И всё по новой.

У меня нет выходных, в некоторые дни добавляются новые уроки и что-то заменяется, изменяется. История на биологию, танцы на этикет, самооборона — умение обращаться с холодным оружием. Грим — актёрское мастерство, а стрельба — верховая езда.

Нет, мне некогда скучать. Мне даже думать некогда, но иногда забываю, зачем всё это делаю. Зачем так надрываюсь. Зачем так стараюсь. Чего достигну, если всё равно не получается чувствовать себя сильной? Ни одно из этих занятий не даёт настоящих сил бороться с кошмарами и призраками прошлого. Всё также просыпаюсь с криком по ночам и не могу избавиться от воспоминаний.

Кай всё ещё преследует меня. И этот страх не побороть меткой стрельбой и умением обращаться с электрошокером.

— Как бы не хотел нарушать нашу гармонию, но у меня есть одна просьба.

Прошёл месяц с того момента, как поселилась у Армана. Конец апреля, конец

промозглой питерской зимы.

Всё это время не покидала территорию поместья, общаясь только с ним, его слугами и учителями, которых он пригласил. Эта изоляция должна была угнетать, но предыдущие восемь месяцев научили скрытности, да и наполненность дней не давала повода заскучать.

Мы сидим на летней застеклённой веранде, окружённые роскошными растениями в горшках, под лучами солнца, проходящими сквозь круглый купол над нами. На небольшом столике чай и печенья, Арман, одетый в светлые, почти белые, брюки и кофту, внимателен и собран. Ему нравится наблюдать за мной. Сейчас представляю для него интерес, поэтому он редко пропускает наши беседы, ведь я постоянно задаю глупые вопросы.

Но сегодня только увидев его, поняла, что что-то не так.

— Какая?

— Ты должна встретиться с Лико. У него есть важная информация для тебя.

— А ты мне её передать не можешь? — процедила сквозь зубы, моментально ощетинившись.

Арман покачал головой и вздохнул так, будто услышал слова неразумного ребёнка.

— Милая Елена, кажется пора напомнить, ради чего столько вкладываю в тебя. И почему ты находишься здесь. Не подходи к краю и всё будет хорошо. Я ничего не требую от тебя. Просто поговори с ним, вот и всё. Прошло больше месяца, вам пора встретиться. И повод более чем важный.

Он говорил мягко, но в глазах сталь. Побарабанив пальцами по столу, вымученно улыбнулась.

— Да, ты прав. Прошло столько времени. Нам пора... поговорить.

— Отлично! Он ждёт тебя в саду! — воодушевлённо воскликнул Арман, улыбаясь, видя, как вытянулось моё лицо.

За прошедший месяц Лико совсем не изменился. Только строгое тёплое пальто сменилось летним лёгким вариантом, а на шее длинный-длинный красно-серый полосатый шарф.

Парень стоит в пол-оборота, убрав руки в карманы, и смотрит вдаль. Его взгляд такой далёкий, нездешний, чуждый.

Я стою далеко, но даже отсюда чувствую его. Чувствую, как почти против воли сердце начинает биться быстрее от одного взгляда. В груди и сладко, и горько одновременно. Мне не хватало его. Боже, как же соскучилась по нему! Как могла жить весь этот месяц вдали от него? Ведь даже не пыталась просто поговорить с ним. Не пыталась разобраться, что чувствую. Я убрала всё в дальний угол и закрыла на замок, пытаюсь забыть. Просто струсила.

— Привет, — говорю негромко, подходя ближе.

Он поворачивается и такая счастливая улыбка озаряет лица парня! Кажется, что никто и никогда так не улыбался мне.

— Елена, — отвечает робко. — Отлично выглядишь. Я поддерживал связь с Арманом и рад, что он действительно заботится о тебе. Ведь тебе здесь нравится?

— Да. Я получаю всё то, что не получала рядом с тобой, — говорю максимально сухо и отстранённо. — Ведь только здесь мне говорят правду.

По лицу Лико пробежала тень, но он всё равно улыбнулся.

— Это хорошо. Елена, я виноват перед тобой. То, что сделал, непросительно, я...

— Не нужно извиняться. Ты спас мне жизнь. Это главное. Да, ты мог больше рассказать

о триадах, просто посмотреть, не сохранился ли шрам на шее. Всё-таки восемь месяцев были друзьями, но ты предпочёл не замечать и не думать об этом. Ведь это равносильно признанию, что ты волк. А ведь так тяжело самому себе в этом признаться, не так ли? Я помню, что ты говорил, когда спрашивала о последствиях!

— Елена...

— Это всё? Ты пришёл извиниться — я принимаю твои извинения, — говорю отрывисто, скрещая руки на груди.

Сейчас Лико выглядит беззащитно. Он заготовил целую речь, а я обрубилась весь его пыл, и он мнётся, не зная, что сказать. Но вместе с этим вижу и другое. Злость. Обиду. И жар. Такие многослойные эмоции в одном человеке. **Неверно.** В волке. Ведь его голубые глаза мерцают даже на солнце. Он не такой большой, как Арман, но в его движениях есть точно такая же грация хищника. И при желании он способен отрастить когти на руках за долю секунды. Я даже не успею ничего почувствовать, если он захочет меня убить.

Это то, что познаю каждый день. Знание, насколько опасен зверь в человеческом обличье.

— Ради извинений Арман не пустил бы меня к тебе. Я весь месяц добивался встречи, но он отказывался со словами: «Она ещё не готова!» — подражая голосу Армана, процедил он. — Так вот теперь ты должна быть готова, потому что то, что принёс — не предназначено для слабой девушки.

— О чём ты говоришь?

Хмурюсь, когда он достаёт смартфон и протягивает его мне. Передо мной видео, снятое у подъезда квартиры, где жила. Облизнув пересохшие губы, с вопросом посмотрела на Лико.

— За тобой наблюдали все месяцы, что ты там жила. Ради безопасности.

Не ради безопасности, а чтобы не сбежала.

— Потом Эльза приказала не убирать камеру, вдруг ты вернёшься... вчера поступил вызов из этого дома. Кто-то разгромил твою квартиру. Посмотри сама.

Я нажимаю на экран и видео начинает проигрываться. Чёрно-белая картинка не самого лучшего качества. Люди, проходящие мимо подъезда, двигаются рвано из-за невысокой частоты смены кадров, но мне хватило, чтобы понять, кто выходит из подъезда моего бывшего дома. Кто останавливается возле чёрного джипа, а затем смотрит прямо в камеру. Мне даже кажется, что вижу его улыбку. Его невозможную, сладкую и опасную улыбку, ту, которая появляется на устах мужчины, когда он замышляет очередное приключение.

Прямо на меня с экрана смартфона смотрит Кай.

Глава 7. Ставки сделаны

Давай сыграем в прятки?

Ведь это лучшая игра!

Но чур не поддавайся — я так сильна,

Что выиграю и без оглядки

На тебя...

Помню каждое мгновение ужаса, прошедшего сквозь меня и застрявшего глубоко-глубоко внутри головы. Каждый момент — это рыболовный крючок и сейчас все они одновременно движутся, разрезая и кромсая всё, что есть я.

Во рту вновь медовый привкус, а голубая жидкость опять сжигает сосуды болью. Вновь слышу крики, запах крови, волчий вой. Вижу его лицо так отчётливо, словно он опять забрался под кожу, словно мы вновь единое целое. Его неоновые глаза преследуют даже когда зажмуриваюсь, даже когда пытаюсь выцарапать белки, чтобы ослепнуть и больше ничего не видеть.

Я кричу. Громко и сильно. На взлёт, сначала слишком тихо, едва слышно, всхлипывая, затем уже предвестник крика, а потом он расцветает в горле и я падаю, падаю вниз...

— Держи её!

Голос далёк и близок. Сердце бьётся так быстро и стоит только ему коснуться меня, как захожусь в новом крике, пытаюсь вырваться, мы падаем на гравий, но он не выпускает, держит крепко, и я успокаиваюсь, продолжая плакать от бессилия.

— Это пройдёт.

— Но что случилось? — заговорил близкий, такой родной голос.

Понемногу становится легче, но по-прежнему не могу открыть глаза, и не хватает воздуха, не хватает причин дышать.

— Паническая атака. А ты чего хотел, Лико? Она почти десять месяцев провела в компании омеги под воздействием сильнейшего психотропного препарата. У неё от психики остались только рефлексy. А вы за восемь месяцев не смогли разговорить её, держали в изоляции, чуть ли не на привязи, неудивительно, что сейчас случился срыв.

— Я хочу домой. Я хочу домой к маме и папе, — шепчу едва слышно и Лико прижимает сильнее к груди.

— Тише-тише, ты в безопасности, — на ухо шепчет он, затем целует в затылок и вновь обращается к Арману: — Похоже сегодня я останусь с вами.

Мучительные судороги, последствия от панической атаки, стихают только в объятиях Лико. Насильственная связь, образовавшаяся между нами, облегчает то, что со мной происходит. Сильнее прижимаясь к его груди, чувствую себя лучше, чувствую себя под защитой. А когда наступила ночь, не смогла отпустить. Без его тепла слишком холодно,

возвращаются кошмары и в горле вновь нарастает крик. В результате, оказались в одной постели, слишком холодно спать по одному.

Сжавшись комочком в его объятиях, наконец, немного придя в себя, задаю давно мучавший вопрос:

— Что произошло между тобой и Арманом?

— Почему ты думаешь, что я отвечу?

— Мы лежим под одним одеялом в его доме. Определённо между вами двумя что-то происходит. Как и между нами, — недолго помолчав, продолжила начатую мысль:

— Моя жизнь зависит от Армана. А он помогает только ради тебя. Ты ведь понимаешь это? Я ничего не знаю о вас. Не знаю, почему ты злишься на него, что случилось и что будет дальше. Я не могу уйти от вас, особенно сейчас, когда Кай рядом. Но и оставаться, терзаясь неизвестностью, тоже не могу.

Лико не сразу ответил. Я уже собиралась окликнуть его, когда парень заговорил:

— Мой отец разочарован мной. Я первенец. Из-за работы ему пришлось слишком долго жить в этом мире, а здесь выбор ограничен. В конце концов, он из знатного рода и мало кто достоин быть рядом с ним. Однако отец смог сформировать триаду. Ему пришлось присоединиться к паре: человеческая женщина и волк. И родился я — полукровка. Это не так страшно, как об этом говорят, волки часто освежают кровь через скрещивание с людьми, но знатные дома редко впускают в семьи человеческих женщин. На то есть объективные причины.

Он ненадолго замолчал, сильнее прижав меня к груди.

— Почти сразу после рождения отец вернулся в свой мир. Он навещал нас по мере сил, но затем моя мать умерла. Несчастный случай, автомобильная авария, в результате которой я лишился семьи. Из-за её смерти, мой отец-бета вернулся в мир волков и больше мы с ним не виделись. Особенность наследования. Мой отец-альфа устроил в местную семью, чтобы я рос среди своих. Не знаю почему он не забрал к себе домой. Наверное, всё дело в том, что я полукровка. Настало моё совершеннолетие и, как уже говорил, я оказался разочарованием для отца. Бета — не самое приятное продолжение рода. Поэтому отец придумал, как усилить род.

Лико замолчал и из-за того, что он держал меня в объятиях, почувствовала, как его сердце забилось сильнее. Перехватив его руку и сжав, попыталась передать свою поддержку, понимая, что в жизни каждого из нас есть события, травмирующие и убивающие. Те, о которых хочешь забыть, но не получается.

— Я рос в человеческом мире. Законы и порядки мира волков чужды мне. Природа наградила меня привлекательной внешностью и редким цветом глаз. Это то, что выделяло меня.

Лико вновь замолчал, а затем заговорил быстро, но очень тихо.

— Отец пытался отдать меня альфам других знатных домов, чтобы скорее появился сильный наследник. Осознав, чего именно он добивается, я сбежал и попал к Арману.

— Тебе же было всего тринадцать лет! — воскликнула, не выдержав его слов.

Я высвободилась из объятий и приподнялась над кроватью, чтобы посмотреть в глаза. В полной темноте видела только слабые очертания тела и тусклый голубой блеск. Он взял меня за руку и сжал её, переплетая наши пальцы.

— Арман поддержал и убедил отца повременить. С его помощью вернулся домой в этот мир. Он живёт и работает в России по указу короля, что-то связано с добычей ископаемых на

его землях. Наши миры связаны крепче, чем ты думаешь.

Он облизнул пересохшие губы и закрыл глаза.

— Что было дальше? — спросила его, не выдержав затянувшегося молчания.

— Арман заменил отца. Он стал наставником и научил пользоваться возросшей силой.

Помог справиться с гормональной перестройкой. Он многому научил меня, а затем всё разрушил, — Лико горько усмехнулся. — Это был их договор. Арман думал, что сможет изменить меня, перестроив под себя. Но не смог.

— Из-за триад ты ненавидишь свою волчью половину? Ненавидишь его?

— Я не ненавижу Армана. Я не принимаю такой вид отношений, он чужд для меня, но Арман не принимает отказа. Альфы не такие, как беты. Поэтому ты здесь.

— А что будет, когда он поймёт, что не получит тебя?

— Поверь, Арман может быть терпеливым. К тому моменту я что-нибудь придумаю. Не волнуйся — если он взял тебя под опеку, то не отдаст какому-то омеге. Это будет признаком слабости, а Арман не слабак.

— Это я уже поняла.

И в этот момент стало легче. То бьющее по нервам напряжение отступило и я расслабилась. И сразу возникла неловкость. Полуобнажённый мужчина в моей постели. Тот, кто являлся мне во снах. От которого мурашки бегут по телу и всё переворачивается внутри.

С его стороны послышался негромкий смех.

— Ты невозможна! — воскликнул он, выбираясь из кровати. — Не буду тебя смущать, из-за этого сам начинаю чувствовать, что делаю что-то не так.

В последний момент успела хватиться за его руку и остановить.

— Не уходи, пожалуйста, — тихо обратилась к нему, возвращая в постель и прижимаясь спиной, укутываясь в объятия, как в тёплое одеяло. — Мне слишком холодно без тебя.

Когда проснулась, Лико уже ушёл. Положив руку на место, где совсем недавно лежал парень, сжала пальцами простынь. Он смог успокоить меня. И то пугающее чувство падения ушло.

Перевернувшись на спину, уставилась в потолок, сложив руки на груди. Сквозь неплотно прикрытые занавески в комнату медленно заползают лучи солнца, готовые в любой момент добраться до постели. На часах половина седьмого, через полчаса вставать, но есть ли в этом смысл? Я не чувствую себя сильной. И каждое занятие лишь убеждает в том, что уйдут годы прежде чем научусь быть такой. У меня нет столько времени.

Откуда Кай узнал, где искать? Кто меня сдал? И знает ли этот человек, где я сейчас нахожусь?

От вопросов вернулось беспокойное чувство и я, не выдержав, отправилась прямиком в душ, надеясь смыть накатившую тревогу.

Покончив с утренним ритуалом, спустилась на первый этаж, зашла на кухню, где уже были повар Жанна и домработница Кристина. Они о чём-то перешёптывались, но при моём появлении замолчали, поздоровавшись и отметив, что сегодня будет прекрасный день. Вяло отреагировав на их приветствие, выпила стакан сока, а затем вышла из дома через двери, выходящие в сад, вставила в уши наушники и отправилась на любимую пробежку.

Повторение ритуалов здорово облегчает поток мыслей. Когда идёшь по накатанной дорожке, проще не думать о проблемах. Проще дышать. Я почти забыла обо всём, бег ровный, дыхание лёгкое, а мысли простые. По утрам люблю слушать классику, что-то

спокойное, чтобы сквозь музыку слышать окружающий мир. Дыхание ветра на листве, радостное пение птиц, хруст веточек, ломающихся под тяжестью моих ног. Всё вместе составляет идеальную картину мира, полная гармонии и спокойствия.

Поэтому, когда напали сзади, не успела и пикнуть. Наушники слетели при захвате, мужской локоть оказался прямо под подбородком, голову оттянули назад и из-за инерции потеряла равновесие, а когда отпустили, грохнулась оземь, сильно приложившись затылком. Солнце моментально ослепило, в ушах зазвенело, а дыхание сбилось. Проморгавшись, поставила руку перед собой, заслоняясь от света, пытаюсь разглядеть нападавшего. И увидела недовольного Армана.

— Плохо Елена, очень плохо! — раздражённо сказал он, наблюдая как я поднимаюсь. — Ты слишком медленно учишься. В тебе совсем нет тревожности? Чувства страха? Как ты могла дать так просто себя подловить?

— А что я должна была сделать? Ты поступил нечестно! — пробурчала зло, потирая горло.

— Ах я поступил нечестно! А что такое честно, Елена? Когда кто-то хочет причинить кому-то боль, он априори плевать хотел на это слово! И тебе должно быть плевать. Ты всегда должна быть настороже. Должна уметь постоять за себя. Но вместо этого наслаждаешься прекрасной погодой, пробежкой и музыкой. Как ни в чём не бывало!

— Но я не умею бояться так, как надо! Я пыталась делать то, что у меня получается. Ведь если буду думать о том, что сюда в любой момент может заявиться Кай — сойду с ума! Что ты сделаешь, когда это произойдёт?

— Его застрелят мои люди. Или я собственноручно его удавлю. Это моя территория и без моего разрешения сюда никто не войдёт. Если Кай и правда решится на это — он умрёт, — почти равнодушно ответил Арман. — Но речь не о нём. Ты не сможешь вечно прятаться за моей спиной, мне не нужны глупые девчонки. Лично Кай сюда не придёт, но он умный. И придумает что-то другое. Это вопрос даже не месяцев — дней, может недель, если повезёт. К этому моменту ты уже должна быть готова дать ему отпор. А значит пришла пора шоковой терапии, моя милая. Если ты конечно хочешь продолжить. Ты хочешь?..

Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Арман даже не представляет, насколько сильно Кай хочет меня заполучить после того, что сделала с ним.

За мои поступки он меня убьёт.

Кафельная плитка по высоте на уровне плеч, белая и вся в сколах и разнокалиберных пятнах, разводах и потёках. Выше серая краска, а над головой голые лампочки, тусклые, качающиеся на слабом сквозняке. Здесь холодно, темно и никого нет.

Арман привёз в небольшое здание, стоящее на отшибе маленького городка. Время вечернее, нет ни машин, ни людей. В сумерках читается будущий холод — небо затянуто тучами, скоро пойдёт дождь. От света фонарей удалось разобрать надпись на входе.

— Почему ты привёз меня сюда? — задала вопрос, резко остановившись.

— Не волнуйся, с тобой ничего плохо не случится. Если будешь делать то, что скажу — всё будет хорошо. Мы вместе вернёмся домой и Кай не доберётся до тебя. Если потребуется, я даже увезу тебя из России.

— А что будет, если не сделаю?

Арман мрачно посмотрел на меня.

— Тогда оставлю прямо здесь и ты пойдёшь своей дорогой. И мы больше никогда не

увидимся.

— А как же Лико?..

— Ты не первая у него. Просто зашла дальше других, но это ничего не значит. Кай найдёт тебя и придумает, как развязать с Лико. Но я верю, что до этого не дойдёт. В конце концов, всё, что мы делаем — делаем ради того, чтобы стать сильнее.

— И за какой же силой мы приехали в морг?!

— Идём и узнаешь.

Мы проходим мимо пустого стола, за которым должен был сидеть охранник, идём сквозь комнаты, прямо через двери «Служебный вход», направо, налево, прямо. Запах тяжёлый, химический, волнами меняющий свой аромат, знаменитый парфюм — господин Формалин. Мы молчим, когда заходим в очередную комнату.

Это небольшое помещение с работающим кондиционером, поддерживающим температуру не выше пятнадцати градусов. Справа холодильные установки, слева шкафчики с полупрозрачными дверцами, а в центре комнаты железный стол с крышкой, похожей на поддон со сливом. Не трудно догадаться для чего это.

На столе лежит тело, накрытое обычной простышкой в горошек. А рядом стоит невысокий подвижный человек в маленьких круглых очках.

— Арман, какую девочку ты ко мне привёл! Миленькая такая, что ей здесь делать?

Незнакомец с щербатой улыбкой, лицом, изъеденным сыпью, коричневого, прогорклого оттенка, с хитрыми, но уставшими глазами отошёл от стола и обменялся рукопожатием с Арманом. Его совершенно не смутило моё лицо, наоборот он только шире улыбнулся, запечатлев поцелуй на моей руке.

— Сударыня, очарован!

— Не трать моё время, Миша. Ты всё подготовил? — почти равнодушно задал вопрос Арман.

— Всё в лучшем виде! — уверенно и даже торжественно заявил мужчина, подмигнув мне. — Прощу!

Он вернулся к металлическому столу и, одёрнув ткань, продемонстрировал труп молодого юноши, не старше двадцати-двадцати пяти лет. Кудрявый, рыжий и когда-то конопатый. В комнате почти нет запаха, хоть тело и успело приобрести трупный грязно-серый цвет. Меня удивил красновато-розовый оттенок на спине и плечах мертвеца. Я не знала, что такое может быть.

Это не первый труп, который вижу. Более того, я видела, как убивают людей, видела, как их глаза угасают и сейчас внутренне порадовалась, что глаза этого мертвеца закрыты. Мои столкновения со смертью позволили сейчас сохранить максимальное спокойствие, чтобы Арман видел — я не боюсь мёртвых.

— Угорел бедолага. Ни семьи, ни друзей, ни родственников. Жилища тоже нет. Ничего нет. Идеальный вариант, как и говорил. Через пару дней похоронят в общей могиле, — прокомментировал Михаил.

— Ты свободен, — заявил Арман, кивнув и передав обычный конверт. — Помни — нас не должны беспокоить.

— Как можно, — ехидно ответил мужчина. — Пока, красавица!

И он ушёл.

Арман долгое время молчал, изучающе разглядывая меня. Когда это надоело, не выдержала и задала вопрос:

— Зачем мы здесь?

— Коснись его, — отвечая и не отвечая, сказал Арман.

— Я не собираюсь трогать труп, — заявила отрицательно, демонстративно скрещивая руки на груди.

— Нет, ты сделаешь это.

Арман подошёл и улыбнулся так, что его глаза почти засветились во тьме, едва-едва разгоняемой одной-единственной лампочкой, затем схватил за руку и подтащил к телу, держа жёстко, почти до синяков.

— Дотронься до него, Елена!

Он вытянул мою руку над телом так, что почти касалась холодной плоти.

И я опустила её. Моментально стало противно. Касаться мертвеца отвратительно и мерзко. Его кожа похожа на кусок несвежего, почти липкого мяса, только-только вынутого из холодильника. Тошнотворно. И сейчас в воздухе чувствуется пока совсем лёгкий запах гниения, забиваемый резким медицинским букетом.

Арман вновь обошёл стол и встал напротив. В руках у него оказался простой нож, сантиметров двадцать в длину. Он покрутил его в руках, пальцем проверяя остроту, а затем перевёл взгляд на меня.

— Видишь? Ничего страшного не случилось.

В комнате такая тишина стоит, только слышно, как в отдалении на улице проезжают машины, а здесь гудят холодильники и работает вентиляция, гоняя противный запах по комнате. Боже, как же холодно!

— Теперь послушай очень внимательно. Пожалуй, сейчас будет самый важный урок в твоей жизни. Смотри, слушай и запоминай, поняла?

Я убрала руку от тела и кивнула.

— Вот здесь располагается внутренняя ярёмная вена и сонная артерия. Ты должна нанести вот такие удары, чтобы проникнуть глубоко в шею и задеть их обеих. Чем глубже и шире, тем лучше, — Арман проводит ножом прямо под нижней челюстью, не касаясь тела, только демонстрируя, как и где нужно резать, а затем продолжает говорить:

— Бессознательное состояние наступает через несколько секунд, а через двенадцать человек потеряет столько крови, что это гарантирует его гибель. Будь готова искупаться в крови, это не должно стать для тебя шоком. Поняла? Идём дальше. Не вздумай бить в грудь, если твой противник волк. У нас кости крепче, чем у людей, сердце защищено гораздо лучше, из-за этого удар не принесёт ничего кроме проигрыша, а попав в кость можешь серьёзно травмировать своё запястье и потерять нож. Бей в живот, используй вот такой приём, чтобы как можно сильнее задеть внутренние органы, а также перерезать аорту или полую вену, идущие вдоль позвоночника, что неизбежно вызовет внутреннее кровотечение, а затем смерть... если речь идёт о человеке. При таких ранениях волк способен трансформироваться, что позволит затянуть раны, поэтому удар должен быть максимально широким, таким, чтобы кишки наружу полезли как при сепуку.

Арман полностью отбросил в сторону простынку, обнажив тело юноши. Я отвернулась, но он перегнулся через стол и заставил вновь посмотреть на тело.

— Смотри, Елена. Это важно.

Меня смущала неприглядность смерти. Эта уязвимость, беззащитность человека после гибели. Член парня опустился между ног, окружённый густыми кудрявыми волосами, спускающимися от пупка тонкой полоской. Он мёртв и больше никогда им не воспользуется.

Я вижу шрам от операции на животе, вижу родимое пятно размером с пятирублёвую монету возле мошонки. Всё это слишком для меня. Я не врач, не священник, не родственник. Посторонняя, чужая. Верь я в духов, назвала бы это кощунством.

Я не должна это видеть. Почему я здесь?

— Продолжим. Смотри, вот здесь располагаются бедренный нерв, артерии, вены и бедренно-половой нерв, — спокойно говорит он, указывая на внутреннюю сторону верхней части бедра, у сгиба, где бедро соединяется с туловищем. — Удар сюда приведёт к смерти буквально за несколько секунд. Главное бей именно в эту область, ближе к мошонке, не ниже. Поняла? Я сейчас показал три основных доступных места, в которые легко попасть, если ты подберёшься близко к врагу. Шея, живот и паховая область. Такие удары холодным оружием смертельны и выгодны.

— Держи, — он протягивает нож и я неохотно принимаю его. — Теперь покажи, что ты усвоила информацию.

Я подвожу нож к горлу покойника и начинаю повторять его слова, когда Арман резко перебивает:

— Нет! Не говори. Показывай.

Нерешительно замерла на месте.

— Ты хочешь, чтобы я порезала труп?

— Я хочу, чтобы ты почувствовала каково это — когда нож входит в тело человека. Я хочу, чтобы ты научилась наносить максимально глубокий порез, чтобы достать противника. Я хочу, чтобы ты стала сильнее. И если ты тоже этого хочешь — ты сделаешь это.

Мы смотрим друг на друга, и тишина сводит с ума. Мне становится жарко, чувствую, как бисеринки пота выступили на спине и подмышками. От напряжения движения скованные и я поудобнее перехватываю нож, а затем легко одной рукой, без усилий провожу надрез от шеи до паха, другой держась за край стола. Тошнота накатила единой волной, от напряжения сводит скулы и я слишком сильно прикусила нижнюю губу — выступила кровь.

Он продолжает молча смотреть и тогда меняю положение рукоятки и с замахом бью в живот трупа да так, что слышно, как нож врезается в поверхность стола. Теперь двумя руками веду надрез вправо. Меня почти выворачивает от поднявшейся вони, гниения трупа и жидкости, вытекающей из тела, капающей на стол. Выдернула нож из тела и глубоко вздохнула, вновь посмотрев на Армана. И по его взгляду поняла — ночь будет длинной.

Мы едем в машине домой. За окном почти рассвет, идёт дождь, а здесь тепло, работает печка и мы молчим. Слышу только как шумят дворники, туда-сюда скользящие по стеклу.

Вся одежда в крови и я сижу завёрнутая в простынку, чтобы не испачкать дорогую обивку автомобиля. Руки дрожат, а на лице застыла безучастная маска.

Я сделала то, о чём он просил и это было по-настоящему. Я резала, кромсала, рвала, оскверняла тело незнакомца и делала это снова и снова. А он стоял и смотрел. И его глаза сияли тёплым янтарным светом. И когда закончила, он подошёл ко мне, достал платок и стёр несколько капель крови с щёк, а затем нежно поцеловал в лоб.

— Я горжусь тобой, Елена.

Стою под струями горячей воды в душевой кабинке, прислонившись лбом к холодной плитке. Пару минут назад меня стошнило в унитаз и теперь я плачу, провожая очередную иллюзию, очередное эхо детства. Солёные слёзы смешиваются с водой, а дрожь утихает от горячей воды.

Где-то внутри меня есть сила, что-то такое, что не даёт кричать от ужаса или застыть соляным столбом с бешено колотящимся сердцем. Я реагирую, я чувствую, я «перевариваю» случившееся и иду дальше. Я усвоила этот урок, но в голове упорно держится воспоминание об обезображенном теле.

Это сделала я.

Почти отрезала голову, оскопила и разделала как мясо. Мои руки в крови и она тяжело отмывается. Под ногтями скопилась грязь и это не то, о чём сейчас должна думать.

Разворачиваясь и прислоняясь к стенке, немного запрокидываю голову, отдаляю лейку, чтобы вода не касалась лица. Открываю глаза и сквозь потоки вижу его.

Обнажённый Арман стоит напротив. Глаза мужчины светятся янтарным неоновым блеском. На свету выделяется рельефная структура мышц, поверх которых старые шрамы, а от мужского тела поднимается горячий пар. Идеальный хищник, он огромен в этом маленьком пространстве душевой комнаты. И всё его внимание сосредоточено на мне.

Я прохожу сквозь воду и замираю в полуметре от него, не прикрываясь, демонстрируя себя как это делает он сам. И тогда мужчина с лёгкостью толкает обратно и прижимает к стенке, зажимая одной рукой моё горло. Вода моментально покрывает тело волка своими бесконечными лентами, а её шум позволяет и дальше играть в молчанку.

Кто из нас двоих доминирует?..

Я перехватываю его руку и отвожу от своей шеи, поднимая выше, обхватываю губами его палец, слегка прикусив, от этого он зарычал на меня и впился в губы, одновременно захватывая руками мои бёдра и поднимая так, чтобы я была максимально близка к нему, удерживаемая только силой его тела. Мне нравится это чувство похоти, поднимающееся из глубины сердца. Это тот же адреналин, чувство порочности, толкнувшее когда-то в тот клуб. И оно требует продолжения.

Поцелуй превращается в невыносимо долгую пытку, что позволяет кое-что проверить. В свете лампочек блеснула сталь, оказавшаяся возле его шеи. Прямо у нижней челюсти. Острием отвожу Армана от себя, спускаясь вниз, продолжая держать тот самый нож.

— Ты ведь этому учил меня?

Он смеётся, довольный как кот.

— Не делай так больше.

И одним молниеносным движением выбивает нож из рук.

— Нужно сразу бить, иначе потеряешь преимущество.

Он прижимает к стенке, спускает руку вниз, пальцами касаясь меня изнутри. И шепчет на ухо:

— Я знаю, чего ты хочешь, Елена. Только кивни и мы продолжим.

Он массирует меня и от его движений тяжело дышать. Я облизнула пересохшие губы и закрыла глаза, запрокинув голову и прислонив её к мокрой плитке. Мужчина губами касается моего соска и в голове взрываются звёзды. Тихонько всхлипнула и всё резко оборвалось.

Открыв глаза, поняла, что осталась одна. Он ушёл и только вода продолжает шуметь, горячими струями оправдывая румянец на щеках. Разворачиваюсь и прислоняюсь лбом к стене, опуская руку вниз, чтобы закончить то, что он начал.

Облегчение убивает и стыд, и боль, и остатки горечи.

Ведь ты же сдашься без бою,

Не умея фартить в дурака.

Но зачем давать судьбу иную,

Коль эта так тебе сладка?

Бескрайнее степное поле колышется под напором ветра, шум мягок, он холодит и расслабляет. Контраст между тёмно-синим предгрозовым небом и жёлтым, насыщенным цветом полем, подсвеченным ещё не успевшим исчезнуть солнцем, невыносим, как и блеск травы, волнами, подобно морскому пейзажу, сверкающим в лучах, пробивающимся сквозь дыры в небесах. В отдалении стрекочут кузнечики, рядом летает одинокая белая бабочка и совсем близко по травинке ползёт божья коровка. Воздух трещит по швам, приближая звуки далёкого грома, вспышки молний, грозовой бой.

Я не человек. Моё обличие — волчье. Поднимаю голову с лап и смотрю на горизонт, где рождается буря. Она обманчиво далека, но знаю, что через пару минут дождь разобьёт яркие краски и всё потускнеет, вода пригладит поле, мир изменится.

Рядом, прижимаясь лоснящимся боком, лежит рыжий волк. Он спит и во сне поддёргивает задней лапой. Но сон скоро оборвётся ведь он, как и я, чувствует приближение ливня. Мы оба знаем, что с такой грозой приходят другие.

Мне не хочется тревожить его, однако всё равно поднимаюсь, аккуратно отползая в сторону. В этом теле столько нерастроченной энергии, и каждой клеточкой хочется сорваться с места и бежать, бежать, бежать без устали, без чувств.

Волк заворчал, открывая глаза. По его носу ползёт букашка, щекоча уязвимую часть, отчего возмущённо фыркает, мотает головой, стряхивая насекомое, а затем смотрит сначала на меня, потом в сторону свинцовых туч. Он поднимается, отряхивается и садится рядом.

Мы смотрим во тьму.

Ощущаю, как вместе с тучами надвигается кто-то ещё. Почти вижу его чёрную блестящую шкуру, янтарные глаза, оскал и тяжесть взгляда. Он мчится к нам и от его скорости шерсть встаёт дыбом.

Нетерпение нарастает, сердце стучится как бешеное, хвостом мотаю из стороны в сторону, а затем, не выдержав, срываюсь с места в тот же миг, как ветер стих и на землю упали первые тяжёлые капли.

Бегу так быстро, что кажется, будто лечу, лапами не касаясь земли. И рядом на полкорпуса позади бежит рыжий волк. Он следует за мной, а я веду нас навстречу черноте — мы покидаем остатки солнца и вступаем в тёмное поле, где уже идёт дождь, где уже мелькают вспышки молний и по небу проносятся раскаты грома, где капли дождя сбиваются в стаи, острыми линиями пронзая шкуры, попадая в глаза, ослепляя и лишая обоняния. И только внутреннее чутьё выводит на правильный путь. Сейчас, ещё немного, пара секунд и...

Чёрный выскакивает как из ниоткуда и бросается на рыжего — удар пришёлся в

воздухе, они падают на землю одним целым рычащим клубком плоти, крови и шерсти. Очередная вспышка в небе, выкрашивающая мир в чёрно-белый цвет, и прямо напротив остаётся один-единственный волк. Он отряхивает с чёрно-рыжей шкуры капли крови и смотрит разноцветными глазами: один янтарный, другой голубой.

В какой-то момент понимаешь, что всё, приехали. Достигнута точка невозврата и пришла пора оглянуться на всё, что делал раньше. Проанализировать все поступки и решения и понять, что всё, дальше обманываться нельзя.

Как могла довести свою жизнь до этого извращения? Как могла сделать с собой нечто подобное? За последние полтора года не было ни дня, чтобы чувствовала себя нормальной. Я мышка в лабораторном лабиринте, но теперь вижу стены и понимаю, что есть выход.

Однажды со мной сделали нечто ужасное и после этого потащило по течению да по камням, без возможности вздохнуть — я всё время была марионеткой. Разум запутался, ведь никогда прежде не приходилось сталкиваться с таким страхом и беспомощностью, раньше всегда могла обратиться за помощью к родным, но теперь это невозможно. Я опасна для них, а люди, что окружают, опасны для меня.

Меня используют. Меня принуждают ментально и физически. Меня ломают и переделывают. Насильно заставляют повзрослеть. Я никогда прежде не думала, чем отличается ребёнок от взрослого. Потеряв девственность, думала, что перестала быть ребёнком, считала, что этого достаточно, чтобы провести черту. О, как же я ошибалась. Потеря физической невинности ничто по сравнению с потерей ментальной. Увидев кровь, боль, испытав весь спектр страха, понимаешь, насколько хрупок повседневный мир. Насколько легко его можно разрушить. Мы все живём в стеклянном замке, а снаружи нас поджидают монстры.

Арман всегда завтракает в зелёной сочной комнате. Зелёные стены, зелёный шторы, зелёная скатерть на шоколадном столе. Фрукты в вазах, кофе в белой фарфоровой чашке, сервиз с выпуклым узором, столовые приборы из чистого серебра. Ноутбук, а возле окна стереосистема, из которой доносится тихая мелодия.

Мужчина читает новости, поглаживая поверхность стола. Он сознательно игнорирует меня и это сильнее заводит. Распалает раздражение, превращая его в нечто большее.

Подойдя к столу, вытащила из фруктовой композиции зелёную виноградину и положила себе в рот, села напротив него, скрестив руки на груди.

— Я ухожу.

Ноль эмоций.

— Я говорю серьёзно. Здесь нет ничего, что принадлежит мне, так что ухожу сразу после завтрака.

— Нет.

— Я пленница? — восклицаю сквозь зубы.

Он оторвался от светящегося экрана и внимательно посмотрел в глаза.

— Нет, Елена. Ты никуда не пойдёшь. Лучше придумай другое слово. Может быть всё-таки гостя?

— Давай будем откровенными друг с другом. Ты всё время говоришь о честности, так вот скажу правду — мне это не интересно. Я не собираюсь становиться частью триады, не собираюсь быть волчьей подстилкой и уж тем более не собираюсь быть футбольным

мячиком между тобой и Лико. У меня нет ни сил, ни опыта играть в такие игры, а быть снова куклой просто не хочу.

— Вчера ты была более активной, — он ухмыльнулся, совершенно не реагируя на резкие слова. — Елена, когда ты вошла в этот дом, то сразу поняла, что, принимая мою защиту, принимаешь и мои правила. Так вот — игра не закончена. И пока мы играем — ты остаёшься здесь. Кстати, в саду опять ждёт Лико. Кажется, ему есть, что сказать.

Я выразительно посмотрела на него, а затем выставила средний палец.

— Ты знала, что связанные способны чувствовать друг друга на расстоянии? — почти рассеянно спросил он и, не ожидая ответа, продолжил: — Наверное, поэтому среди нас почти нет измен. Мы чувствуем страсть и похоть и можем разделить эти чувства на троих.

Значит Лико почувствовал то, что произошло вчера ночью. Вот зачем Арман сделал это. Через меня, фигурально, он добрался до него. Мерзко.

— Арман, серьёзно — я устала. Это не по мне. Я не хочу лишиться... человечности. Ведь твоя игра — это сплошная ложь и принуждение. С меня хватит. Я хочу уйти. Пожалуйста, отпусти меня.

— Так значит ты не хочешь узнать, откуда этот шрам на твоём лице? — невозмутимо спросил он.

Но в глазах проявилось понимание. Кажется, Арман забеспокоился. Интересно, что он сделает? Запрёт или отпустит?

Забавно получается, именно в этом доме, впервые за долгие годы забыла, что отличаюсь от других. Смотрясь в зеркало, день за днём, видела шрам, но и не видела его. Он перестал доставлять неудобство и Арман поспособствовал этому. Хочу ли узнать, что со мной случилось, когда была маленькой? На меня действительно напал дикий волк? А знают ли об этом родители? Почему они скрыли правду?

— Думаю, смогу самостоятельно узнать об этом из первых уст. Родители лгали, но верю, что сейчас расскажут правду.

— И ты готова так рисковать? Кай наблюдает за твоей семьёй, если он заподозрит, что ты связывалась с ними — с лёгкостью выйдет на тебя. Или заберёт их, чтобы ты сама пришла к нему. Пока он не знает, где ты и что с тобой, ничего не сделает им.

Это были подлые, но правдивые слова.

Арман подошёл, прислонившись к столу достаточно близко, чтобы нависнуть надо мной всеми двумя метрами роста. От такой близости внутри всё перевернулось до щеки, но я постаралась не выдать себя.

— Я что-нибудь придумаю. Ведь именно этому ты меня здесь учил весь последний месяц. Думать.

— Всего лишь месяц! А должны быть годы. Хотя выживанию учатся в диких условиях, так что ты на верном пути. С одним лишь отличием — ты легко можешь погибнуть.

— Пока не попробую — не узнаю.

Я посмотрела на него с вызовом. Янтарные волчьи глаза глядели прямо в сердце, Арман проверял выдержку, давил, не говоря ни слова и я выдержала его давление.

— Ну хорошо, — неожиданно легко сказал он, отходя в сторону и забирая со стола зелёное яблоко. — Я подумаю над твоими словами. Вечером ещё раз всё обсудим, а пока встретиться с Лико. И не забудь сказать ему о своём решении. Надеюсь, он переубедит тебя.

— Отчасти именно из-за него и хочу уехать. Я больше не могу чувствовать к нему то, что чувствую и ничего не делать. Разумом понимаю, что это фальшь, чистая биология, но

глубоко внутри всё равно хочется быть с ним. Мне всё ещё снятся сны с его участием. Я устала от принуждения! — моментально взъярилась, вставая из-за стола.

Меня смутила лёгкость его решений. Он точно что-то задумал, но гадая, что именно, легко выйти из себя.

— Так и скажи ему.

Заканчивая разговор, Арман надкусил яблоко, подмигнул и вышел из комнаты.

После утреннего дождя на небе остались глубокие ватные облака, сквозь которые проступала истинная голубизна весны. Солнце то появлялось, то скрывалось за тучами, чередуя тепло и холод, а лёгкий ветер принуждал теплее кутаться в шаль. Апрель выдался ненастным, как и вся весна, с её переменчивой погодой, холодом и жарой. Я читала, что в Москве сейчас уже плюс пятнадцать градусов и к майским праздникам температура поднимется ещё выше. Как жаль, что о Питере такого сказать нельзя.

Лико ожидал в глубине парка подальше от любопытных ушей и глаз. Напряжённый, сжимающий руки в кулаках, он стоял в профиль ко мне, наблюдая за парой птиц, скачущих по веткам пока ещё голого дерева.

— Ты хотел видеть меня, — чувство вины ошпарило в ту же секунду, как он посмотрел мне в глаза.

Непривычно и чуждо. Злость поднялась из сердца, и я вызывающе вздёрнула подбородок, скрещивая руки на груди.

— Ты спала с Арманом.

— Знаешь, Лико, вот тебя это точно не касается. Мы не женаты и даже не пара, чтобы ты приходил и выставлял претензии, да ещё таким тоном!

— Я волнуюсь о тебе! А ты ведёшь себя как дура последняя! — зло выпалил он, разворачиваясь и подходя ближе. — Ты хоть понимаешь, кто он такой? Ему уже восемьдесят лет! И таких дур, как ты, он на завтрак жрёт, это в его натуре! Думаешь, он что-то почувствовал к тебе? Такой милой и беззащитной? Думаешь, он влюбился в тебя, раз раздвинула ноги перед ним?

Вместо ответа залепила пощёчину, а затем с силой пальцем нажала на его грудь, заставляя отступить.

— Не смей так разговаривать со мной! Не смей орать на меня! Не смей лезть в мои дела! Да кто ты вообще такой? Я не желаю тебя знать! Я не люблю тебя и никогда не полюблю! Боже, я уже жалею, что вообще связалась с тобой! — заорала в ответ, наступая на ошеломлённого Лико.

Он безропотно отступал, оглушённый злыми осиными словами и мне было приятно наконец-то выплеснуть всё, что накопилось.

— Ты обвинял Армана в том, что он принуждает тебя, что он пытается контролировать тебя, а сам точно так же поступаешь со мной! Ты влез в мою голову и не желаешь оставить меня в покое! Да пойми же уже наконец — **я не твоя!**

— Елена, пожалуйста, не говори так, — тихо ответил он, когда остановилась, готовясь выпалить очередную порцию эмоций. — Я беспокоюсь о тебе, я...

Всё произошло слишком быстро. Он обхватил за плечи и развернул с силой, что боль моментально вцепилась в кожу. Даже не успела ничего понять, как он стал заваливаться на меня и мы упали на холодную землю.

— Лико! — закричала, увидев, как парень теряет сознание.

От неожиданности зажмурилась и что-то липкое коснулось лица. Открыв глаза, увидела кровь, стекающую из его рта и сразу почувствовала, как что-то врезается в живот. Парень горячий, окровавленный, тяжёлый, мне с трудом удалось выбраться из-под него. И когда Лико перевернулся на спину, увидела, что случилось и закричала изо всех сил.

— Несите его в дом! Быстро!

Арман с группой поддержки появился спустя секунды после того, как всё случилось. Ему хватило мгновения, чтобы оценить ситуацию, а затем он резко поднял меня и уволок в дом, под защиту стен.

— Откуда стреляли? Проверить периметр! Ищите стрелка!

— Не убивайте его! Он нужен мне живым!

Они кричат, они действуют, а у меня на губах кровь, она стягивает кожу лица, она в волосах, на руках, в одежде. Столько крови, опять столько крови...

— Ты не ранена?

— Я вся в крови, — шепчу в ответ, рассматривая дрожащие пальцы.

Он обхватил моё лицо, чтобы перевела взгляд на него. Арман обеспокоен, он даже в гневе, но в глубине вижу и страх.

— Где Лико?

— Если ты сможешь, он выживет, — требовательно приказывает волк.

Словно выпала из реальности, как всё так быстро переместилось? Как провал в памяти, мы в доме... где Лико? Что происходит? Где же Лико?!

— Елена, сосредоточься! Ты должна помочь! Идём!

Арман тащит в обеденную комнату, и я вижу Лико. Он на столе на боку и из его груди торчит наконечник стрелы. Кто-то раздел парня по пояс, разрезанные вещи валяются на полу, а его держат несколько мужчин-охранников, чтобы не вырвался.

— Вытащи стрелу, Елена, — шепчет на ухо Арман. — Ему будет так больно, что ты и представить себе не можешь, но мы его удержим, а ты избавишь от страданий.

— Ему нужно в больницу! — воскликнула, отталкивая Армана в сторону. — Что ты такое говоришь?!

— Живо, Елена, дважды просить не буду! — зло кричит мужчина, вставая позади Лико и обхватывая парня за плечи.

Один из охранников всучил садовые ножницы со словами:

— Стрела деревянная, ты легко сможешь обрезать наконечник, чтобы вытащить древко. Сделай всё быстро, — очень спокойно закончил он, занимая позицию возле Лико.

Подойдя к раненому, увидела, что он уже не без сознания, но всё равно — разум сумрачен, он что-то бормочет, периодически пытаюсь вырваться из рук мужчин.

— Тише-тише, Лико, я здесь, — касаюсь плеча, он вздрагивает от прикосновения, а услышав мой голос замер, переставая сопротивляться.

Я поймала взгляд Армана, он кивнул, показывая, что всё правильно делаю.

— Разве не нужно обработать место ранения? Спирт или...

— Нет времени, живо вытаскивай чёртову стрелу! — выпалил Арман и его глаза сверкнули янтарным злобным огнём.

Я прикусила губу и крепче перехватила ножницы. Меня поразил вид стрелы, торчащей из груди Лико, нечто чужеродное, нереальное, как в фильме, так не бывает, у людей из груди ничего не должно торчать! И почему так мало крови? Ненастоящее, не

взаправду, как постановка, но пальцы всё равно дрожат.

Покрепче перехватила ножницы, сделала несколько щелчков в воздухе, а затем одним движением обрезала наконечник. Лико взвыл от боли, и я отпрянула в сторону.

— Не останавливайся! — крикнул Арман.

Охранники поменяли позиции, чтобы освободить место у спины раненного. По щекам побежали слёзы, они смешиваются с кровью, неприятно щипля и застилая взор. Вытирая лицо, обхожу стол и встаю совсем близко от Армана, занимая удобную стойку, чтобы воспользоваться всем корпусом и как можно быстрее достать то, что осталось от стрелы.

— Сейчас будет больнее, — прошептал Арман. — Но ты справишься, слышишь? Одним движением — быстро и легко. Кивни, когда начнёшь.

— Хорошо.

Поудобнее обхватываю оперение, ловя напряжённый взгляд Армана, а затем киваю и выдёргиваю с противным звуком древко.

И вновь Лико забился в агонии, крик острой осколочной волной разнёсся над комнатой, и он с невероятной силой отбросил в сторону одного из охранников, поднимаясь над столом. От неожиданности оступилась, почти падая, но успела удержаться, мельком заметив рассыпавшиеся под ногами яблоки.

— Лико! — закричала, прижимая руки ко рту, и он обернулся на мой возглас.

Его глаза, мутные, пустые, словно их посыпали серым порошком, парень вновь рванулся и вывернулся из рук оставшихся охранников, с небывалой лёгкостью отбросив даже Армана.

— Беги, Елена! — зарычал мужчина, моментально вскакивая на ноги.

Но я не смогла даже пошевелиться, пригвождённая к месту немигающим взглядом волка. Его трансформация застряла на полпути. Верхняя часть туловища изменилась, обросла шерстью, он раздался в плечах, челюсть выступила вперёд, с глухим стуком выпали зубы, а на их месте выросли клыки, руки вытянулись, став непропорционально длинными, кажущимися неуклюжими, с тонкими пальцами, а вместо ногтей — чёрные когти. Волк ссутулился, волосы на голове превратились в косматую шевелюру, уши заострились и сдвинулись наверх, а нос вдался в череп, почернев, обнажились ноздри.

Гротескная морда, в лучших традициях классических фильмов про оборотней. Ничего общего с грациозной оконченной формой, что доводилось видеть раньше. Но и этого хватило, чтобы рана на теле затянулась, оставив после себя странный фиолетово-зелёный след, расплывающийся по покрывающейся шерстью груди волка.

— Лико, — прошептала едва слышно.

И он набросился на меня, повалив на пол и зарывав. Обнажив клыки, уткнулся в волосы, шумно втягивая мой запах.

— Не шевелись! — негромко приказал Арман.

Краем глаза увидела его, подбирающегося с правой стороны вместе с одним из охранников, а два других подходили с другой.

— Молчи! — отрезал мужчина, услышав всхлип, когда Лико начал слизывать кровь с моих щёк.

От близости звериной морды вся одеревенела, нарочно не смотря ему в глаза, но чувствуя, как жадно он смотрит на меня, словно я деликатес. Рукой, увенчанной когтями, он царапает одежду, добираясь до кожи, а затем сильнее прижался пахом, начиная двигаться, чтобы почувствовала его. Волк шумно дышит, горячее дыхание опалает и от этого бросает в дрожь.

Следующее, что почувствовала — холод. Лико оторвали от меня, отбросили в сторону и он зарычал как раненный зверь. Хриплый и разочарованный вой пронёсся по комнате, а затем заскулил от боли.

Приподнявшись над полом увидела, как он превращается обратно в человека и из его рта на землю падает слюна с пеной, глаза закатились, волчья мощь опала и после превращения ссохся, а сквозь синюшную кожу проступили рёбра, след от ранения расползся по груди, как раковая опухоль, как яд. И если до этого момента парень сопротивлялся, то теперь обмяк в руках охранников, опять теряя сознание.

Я подтянула к себе ноги, сжимаясь в комочек. Слезы облегчения и усталости потекли из глаз.

— Отнесите его в комнату, немедленно! — приказал Арман, быстро обследовав тело Лико.

— Лэрд, это... — нерешительно начал один из охранников, но волк оборвал его.

— Я знаю, что это! Исполняйте приказ!

— И свяжите руки и ноги! — крикнул вдогонку, опускаясь на единственный уцелевший стул.

Арман наклонил голову вперёд, с силой провёл руками по волосам, а затем откинулся на спинку кресла, устало закатив глаза.

Только сейчас увидела, что от комнаты почти ничего не осталось. В зале витает сильный аромат давленных фруктов, цитрусовый от лимона, лайма и апельсинов. Прямо передо мной лежит чудом уцелевшее яблоко, покрытое каплями крови. Зелёное сочное яблоко, от которого во рту образовалась солёная слюна.

— Ты как?

В затянувшейся тишине голос Армана прозвучал необычно громко, вытащив из полусонного состояния.

— Что это было? — спрашиваю устало, запрокинув голову.

Мне жарко, щёки пылают огнём, а внутренности крутит так сильно, что напрягала все мышцы, чтобы удержать себя на месте.

— Стрела отравлена. Это яд из моего мира. Он когда-то было культивирован в вашем и назван *Aconitum*.

— То есть Аконит, — закончила за него мысль. — Волкобой или Борец.

— Да, именно, — подтвердил Арман. — Тот, кто смазал стрелу ядом, точно знал, какой вид из этого рода опасен для нас.

— Что будет с Лико?

— Я не ожидал, что отравка так быстро подействует. То, что он полукровка, ускоряет действие яда, но у нас есть шанс. Эльза может достать противоядие.

Я непонимающе нахмурилась.

— Просто поверь мне — она его достанет.

В комнату зашёл один из охранников, по его лицу ясно — новости плохие.

— Мы не нашли стрелка, — доложил он. — Прошли по всему периметру, нашли место, откуда стрелял. Стрелок хорошо знал территорию и расположение системы видеонаблюдения. По оставленным следам вышли к просёлочной дороге и смогли определить марку машины, а по камерам дорожного движения отследили автомобиль до ближайшего посёлка, где он бросил её и покинул станцию на электричке. Его след потерялся, но мы будем искать дальше.

— По камерам было видно, кто это?

— Нет, лэрд. Он надел бейсбольную кепку и солнцезащитные очки. Телосложение стандартное и он не высокого роста.

— Ищите дальше, — приказал Арман, жестом отпуская охранника.

— Елена, тебе нужно принять душ, — с минуту помолчав, раздумывая о дальнейших действиях, выдал он. — Во избежание вспышек агрессии, тебе лучше сейчас не приближаться к Лико. Вымойся, смой с себя кровь и пот, смени одежду, поешь, отдохни. Я свяжусь с Эльзой, думаю, она быстро примчится.

— Сколько у Лико осталось времени? — спрашиваю очень и очень тихо, опуская взгляд.

— Не знаю. Может час, может два, а может и сутки. Неизвестно, какая концентрация яда была в стреле.

Медленно встав, наклонилась вперёд, чувствуя, как онемели ноги и как сильно болит затылок, которым приложилась о напольную плитку. Иду к выходу из комнаты, всё больше и больше погружаясь в нервное отчаяние, когда есть только одно желание — кричать от внутренней боли и страха. На пороге меня остановил голос волка.

— Елена, ты должна знать, что это было не просто покушение. Это ритуал мести. Древко стрелы сделано из омелы, наконечник смазан волчьим ядом, а оперение — крыло чёрного ворона. Так убивают из-за любви. Отверженные.

Я склонила голову, а затем быстро вышла из комнаты.

Арман не знал, что Лико защитил меня, не знал, что я сделала с Каем, но он всё понял правильно. Стрелок хотел убить меня из-за любви.

Глава 9. Шоудаун

Клокочет сердце, в венах бушует кровь.

Немного жаль — не я сыграла эту роль.

Была фальшивой и улыбка, смех,

Мой арлекин, творец ночных чудес.

Тебе вверяю жалкую судьбу.

Теперь услышь мою мольбу!

Оставь же, наконец, проклятую игру!

Он нависает надо мной заслоняя свет. Яркие голубые глаза пожирают окружающий мир, притягивают магнитом да так, что от них невозможно оторваться, невозможно скрыться, вижу в них собственное остолбеневшее отражение, кровь, покрывающую волосы и лицо, в них же вижу свою погибель.

С оскаленных получеловеческих-полузвериных клыков капает кровавая слюна, а сам волк замер, не двигается, только дышит, шумно-шумно. И всё вокруг отделилось, как будто в вакууме, а звуки проходят словно сквозь плотные слои ваты, сплошная неподвижность, слишком тихо. В такт его дыхания слышу, как сильно бьётся сердце, как я сама прерывисто дышу.

А затем когти вонзаются в грудную клетку, смыкаются над сердцем и вытягивают его, приподнимая следом так, что лицо оказалось в паре сантиметров от его клыков.

И он раскрывает пасть.

Мне не впервой просыпаться с криком. Не впервой чувствовать фантомные боли, не впервой ощущать жар воспалённого разума, но кровь на простынях настоящая, как и ноющая боль ниже живота, ломота в костях, всё как в мареве, жарком безумии.

Со стоном поднимаясь из постели, стягиваю простынь и наволочку, бросаю в ванной комнате в корзину для белья, туда же летит ночнушка и нижнее бельё. А сама залезаю под горячий душ, смывая с себя остатки крови.

Мне противно видеть отражение в зеркале. Я смотрю на себя и вижу кровь. Это видение посещало ещё когда была под кайфом. Кровь на лице, кровь на теле, в волосах, на стенах позади и на самом зеркале. Всё в крови.

Это началось почти год назад после того, что сделала вместе с Каем. После охоты. После убийств, после того, как сама чуть не стала убийцей.

Я хотела убивать и только Кай помешал сделать это. Он говорил, что я не готова. Что не осознаю смерть, по-настоящему не прочувствую какво это — держать человеческую жизнь в своих руках. Его желания спасли от клейма убийцы. Но не соучастницы.

Обхватив себя за плечи, с силой сжала их, ощущая дрожь и озноб. Я слабая. Но выносливая. Каждая боль оставляет после себя зарубки на душе. И после вчерашнего не только царапины украсили тело, но и гораздо более глубокие вещи затронули мою суть.

Вернувшись в комнату, стеля новый комплект белья, услышала далёкие голоса в доме. На часах половина четвёртого ночи, поэтому, не смотря на усталость, решила спуститься вниз и выяснить, кто не спит.

— Почему ты ещё не избавился от неё?

Я замерла возле дверей, ведущих в кухню, сразу, как только голоса стали разборчивыми, поняв, что речь идёт обо мне.

— Она опасна! Ты видишь, до чего всё дошло? Как ты мог это допустить?!

— О, вот только не надо притворяться, что заботишься о моих чувствах! Думаешь, не знаю, что за игру ты затеяла? Не считай меня глупее себя! Ты чуть ли не за руку притащила её ко мне в надежде, что избавлюсь от неё, как раньше избавился от других... и от тебя!

Голос Армана звучал укоризненно и почти игриво, так он говорил со мной, когда я несла чушь, будучи уверенной в своей правоте. Эльза ступала по тонкому льду — её упорство могло привести к тому, что он разозлится.

— А кто здесь говорит о тебе? Лико так и не стал твоим, а значит ещё не всё потеряно, — уверенно заявила она.

За дверью раздался громкий щелчок и почти сразу потянуло едким сигаретным запахом, от которого разболелась голова и я прислонилась к стене, чтобы не потерять равновесие от долгого стояния в неподвижной форме.

— Арман, почему она? Что в ней такого особенного, что ты решил оставить её у себя? Да ещё столько вкладывать в девчонку, которая только и умеет, что стонать от страха и страдать?

— Завидовать плохо, Лиззи, — мягко ответил Арман. — А то ты не знаешь почему. Эта девочка приняла его метку, они связаны крепче, чем все остальные вместе взятые. Более того, эта связь оказалась так крепка, что он не убил её вчера во время приступа, хотя в таком состоянии это обязательно должно было произойти!

— Как и его ранение! После того, как Алхимик узнал, что она в Питере, ему не потребовалось много времени, чтобы найти её здесь. Найти и напасть. Лико пострадал из-за неё! Что будет, когда Кай узнает, что они связаны? Лучший способ разорвать эту связь — убить одного из них, — обвиняюще заговорила Эльза. — Она проблема! Ты это понимаешь?

— Значит для тебя она уже бесполезна? Так быстро? — почти искренне удивился Арман.

— Да! Она пустое место, в её крови нет ничего, что указывало бы на иммунитет от яда. Она не противоядие, более того, есть вероятность, что Елена может снова стать зависимой, если примет неон.

После этих слов зажала рот руками, чтобы ни звука не вырвалось наружу. Ни единого стоны или крика. От напряжения побелели пальцы, а в голове задыхающимися рыбами билась мысли: «Нет-нет! Только не опять, только не снова, нет, я не смогу, я не хочу, пожалуйста, нет, только не это!»

А с другой стороны, острейшая тоска прокатилась по телу, воскрешая воспоминания о небывалой лёгкости. О том, как просто было жить. Насколько воздушными были мысли и желания. Насколько приятно было чувствовать любовь и сопричастность к чему-то великому. К чему-то настоящему. Я отчаянно хотела вернуться и также отчаянно мечтала

забыть всё, что чувствовала, находясь под кайфом.

Борясь с собственными мыслями, пропустила часть беседы и следующие слова подсказали, что Эльза и Арман когда-то были близки.

— Она что в постели лучше меня? Что может знать о сексе двадцатилетняя девчонка, чего не знаю я? — высокомерно говорила Эльза. — Ты готов сражаться за неё против Алхимика?

— Алхимик — омега, он слабее меня, а ты — дура, раз считаешь, что можешь задеть меня своим глупым бредом. Ты жалкая баба, которая таскается за Лико как сука, не имеющая ни капли уважения к себе. Пойми же наконец — он никогда не будет твоим!

Раздался громкий звук, но я не поняла — пощёчина это или же что-то другое, а следующие слова напрягли больше всего, что она говорила до этого:

— Кай может и омега, но он бывший фаворит твоего короля. И именно Демьян направил Кая в этот мир создавать этот наркотик. Интересно, что скажет король, узнав, что ты идёшь против течения? Что он скажет, когда догадается, что ты нашёл способ выйти из стаи, но при этом не стать омегой? — почти ласково заговорила Эльза.

— Убирайся! — рявкнул Арман, а она засмеялась в ответ.

— Мне всегда так просто удавалось разозлить тебя, — промурлыкала девушка. — Я уйду, но ещё вернусь. Вдруг Лико потребует новая доза противоядия. В конце концов, Алхимик мог что-то добавить в яд. Мне следует понаблюдать за раненым.

— Не зли меня, Эльза. Ты всего лишь человек. Мне достаточно слегка напрячь пальцы, чтобы сломать твоё горло, со мной не стоит шутить, — грубо ответил Арман. — А теперь скройся с глаз моих, пока не исполнил угрозу!

После этих слов на цыпочках пересекла гостиную и поднялась по лестнице на второй этаж, боясь быть обнаруженной.

Сердце билось как бешеное, а в голове крутились совсем не весёлые мысли. Нужно бежать. Бежать как можно дальше и как можно быстрее. В этом доме нет друзей. Только те, кто хочет использовать меня тем или иным способом. Я не обладаю силой, чтобы играть в эти игры на равных с остальными игроками, а ценным призом быть не хочу.

В этот момент стоит спросить саму себя — способна ли дать отпор? Есть ли во мне противовес опасности? Кто я — жалкая овечка или волк?

Сначала собиралась отправиться прямо в комнату, надеть новую пижаму, зарыться в мягкое одеяло и заснуть глубоким сном без сновидений, но желание проведать Лико оказалось сильнее. Это такое естественное чувство, что очень быстро оказалась в дверях одной из гостевых комнат. Даже не поняв, как узнала где он.

Ему становится легче.

В комнате всё во тьме, только из-за штор виднеются далёкие фонари из парка, их света достаточно, чтобы видела очертания мебели и могла спокойно подойти к кровати, ничего не сбив по пути и не разбудив спящего.

Здесь слишком темно, чтобы видеть лицо Лико, но его дыхание, завораживающе-лёгкое и глубокое, почти гипнотизировало. Не знаю, сколько простояла на месте, всё не решаясь взять его за руку или поправить сползшее одеяло.

В этой тишине вернулось неповторимое чувство покоя, разбитое в тот миг, когда Лико пронзила насквозь отравленная стрела. Всё это время не могла найти себе места, постоянно хотелось быть рядом с ним, хотелось сделать что-то такое, что всё исправит.

Как оказалось — мне ничего не нужно делать. Мне вообще не нужно быть, чтобы всё было хорошо. Лико чуть не умер именно из-за **меня**. Как скоро Кай найдёт другой способ добраться до меня? И сколько близких пострадает тогда?

Я почувствовала движение позади, а обернувшись, увидела силуэт Армана в дверях. Жестом он попросил следовать за собой и я, всё-таки подтянув одеяло, ненароком коснувшись Лико, вышла из комнаты.

Молча следуя за мужчиной, вернулась в кухню, где он достал из холодильника контейнеры с едой. Хотела задать вопрос, но он взглядом осадил меня, разогревая в микроволновке то, что должны были подать на ужин.

— Ты за весь день съела лишь гроздь винограда, а сейчас теряешь кровь. Ослабеешь — не сможешь думать адекватно, — сухо сказал он, ставя передо мной тарелку. — И подслушивать нехорошо.

Смутившись, залившись краской, склонилась вперёд, закрывая лицо волосами.

— Ешь, позже поговорим в моём кабинете, — приказал он, выходя из кухни.

Закусив губу, взяла вилку с ножом и приступила к трапезе.

— Что ты сделала ему? — угрюмо спросил Арман, когда, постучавшись, зашла в его кабинет.

В этой части дома раньше не бывала, это личные владения волка, в которые могли входить только горничные и его особые гости.

Меня удивила простота и даже некий минимализм в обстановке. Мебель, картины, ковёр — всё в серых, тусклых тонах в противовес светлым стенам, потолку, занавескам и белоснежному полу. Несколько стеллажей с книгами, чёрный стол, напротив два неудобных, но стильных стула для гостей, с правой стороны кожаный диван с журнальным столиком, а на стенах картины того самого фотографа, на чью выставку попала больше месяца назад. Мрачные пейзажи зимнего леса.

В этой комнате под ярким светом люминесцентных ламп нет комфорта. И, заметив мою неуверенность, Арман, не вставая, выключил верхний свет, оставив гореть только лампу на столе. Плотнее запахнув халат, присела на один из стульев, скрестив руки перед собой и мрачно посмотрев на Армана.

— Я ушла, — отвечаю успокоившись, выразительно качнув головой.

— Елена, не делай из меня идиота! — глубоко вздохнув, высказался Арман, выходя из-за стола и подходя к окну.

Раздвинув занавески, он задрал голову и уставился на полную луну, жёлтым кругом пробивающуюся сквозь голые ветви деревьев. Лампа на столе слишком тусклая и из-за этого видела только черты фигуры мужчины, волосы, подсвеченный жёлтым светом фонарей и далёким спутником Земли.

Он не человек. Человек не может так долго стоять неподвижно и быть таким терпеливым. Молча, сжав руки в кулак за спиной, он не двигается, неотрывно смотря на луну.

За этот месяц узнала лишь часть этого волка, но и этого было достаточно, чтобы понять — он привык получать то, что хочет. А ещё может быть милосердным. Может быть заботливым, добрым, любящим. Он умеет шутить. Смотрит на этот мир через призму иронии и чёрного юмора.

Он очень много знает о жизни. О людях, о войне и спокойствие, о добре и зле и о том,

что этот мир не белый и не чёрный, а справедливость здесь не частый гость. Арманом невозможно манипулировать, он ненавидит ложь и презирает пресмыкающихся перед ним. Наверное, именно поэтому так долго продержалась в этом доме — я никогда не встала перед ним на колени и никогда ни о чём не просила. Я показала свою слабость, но он не использовал её против меня.

Это то, из-за чего должна довериться ему? Хватит ли этого, чтобы рассказать о том, что сделала?

От напряжения прикусила губу и вытянула руки, сжатые в кулаки. Внутри всё ныло и болело, мне плохо, от усталости и недосыпа кружится голова, но я понимаю, что не уйду из этой комнаты, не дав ответов, поэтому начала говорить:

— В начале лета он взял меня на охоту. Игра на выживание. Зброшенная военная база в Сибири и десять ребят в возрасте от шестнадцать до двадцати лет. Я была среди них. Мы проснулись в казарме на рассвете. Частичная амнезия — никто не помнил, как попал туда. А на закате пришёл он и началась бойня. Кай убивал по одному, утаскивая жертв в лес, пока остальные искали выход. Но как выбраться с базы глубоко в лесу, не имея ни автомобиля, ни единого средства связи? В конце концов, нас осталось трое — мальчик и девочка, кажется они готовы были влюбиться... и я. Мы заперлись в ангаре, где парень отчаянно пытался наладить радиопередатчик.

Я замолчала, вновь вспоминая, что сделала. Подняв голову, увидела, что Арман развернулся и теперь немигающе смотрит на меня. В темноте глаза едва светятся янтарным блеском, он сложил руки на груди, ожидая, что скажу дальше.

— А затем я **впустила его**.

«Не открывай дверь, Елена! Нет, не надо! Пожалуйста, Елена, стой!»

— Волк набросился на парня, а девушка даже не пыталась бежать. Она съёжилась в сторонке и просто рыдала. Она обмочилась от страха. Я помню всё, как будто это было вчера. Помню, как взяла нож и направилась к ней, намереваясь убить девушку. Она бы не сопротивлялась. Что-то сломалось в ней, когда она увидела, как мальчика пожирает живьём огромное животное с оскаленной пастью и яркими неоновыми голубыми глазами. Я уже собиралась сделать это, когда Кай набросился и перегрыз глотку девчонки одним движением. А затем он трахнул меня и мне это понравилось.

Голос сорвался и я уставилась на свои руки. Перевернув их ладонями вверх, обратила внимание на то, как мелко дрожат пальцы. В полутьме тени настолько глубокие, словно чёрной кровью измазаны руки. Нервно сглотнув, повернула голову и вновь посмотрела на Армана. Он ничего не сказал, поэтому решила продолжить говорить.

— Кай изменился после охоты. Он начал задавать вопросы, на которые у меня не было ответов. Кажется, он стал понимать, что я «девочка на шарнирах». Он осознал, что на самом деле, я не убийца, не чокнутая, как он сам, и всё, что делаю — делаю ради него, как и другие члены семьи. И он захотел это изменить, — я покачала головой, вспоминая, что он делал со мной. — Он начал играть в любовь и жертвенность. Он экспериментировал с дозировками неона, а потом взбесился, когда понял, что всё это не работает. Он стал срывать на мне. С этого начался тот день. Он орал, как и всегда, а я не знала, куда деться. Я так хотела стать такой, как он хочет! Так хотела угодить ему! Боже, никогда в жизни не испытывала подобных эмоций! Никогда прежде во мне не было столько желаний... А потом он сказал: «Не возвращайся, пока не станешь нормальной!»

Слова эхом отозвались в воспоминаниях. Перед глазами восстала картинка:

разгневанный Кай, разбитая ваза, удар по лицу, а потом он уходит в свой кабинет и я остаюсь одна.

— И я ушла. Это всё, что знает Эльза и Лико о том дне.

— Что было дальше? — спросил Арман, когда вновь замолчала, боясь продолжить говорить.

— Ну... он же сказал не возвращаться, пока не стану нормальной, — криво улыбнувшись, ответила ему. — Все эмоции достигли пика и я взорвалась изнутри. Уйдя из дома, начала меняться. Все настоящие чувства проснулись, проснулась я и закричала, как младенец, впервые выбравшийся из утробы матери! Кажется, такое сравнение будет максимально близким к тому, что чувствовала в тот момент. А потом осознала, что со мной случилось, и поняла, что делать дальше. Я знала, что без наркотика не проживу и дня, поэтому вернулась к нему. Кай увидел, что я изменилась, он поверил мне. Поверил, что вернулась, потому что кроме него, у меня никого нет. Поверил, что действительно его люблю и когда мы занялись сексом, он не ожидал, что прямо в сердце вколю яд — тот самый аконит, который стащила из лаборатории. Он не думал, что я способна на это.

«Что ты наделала, Елена?»

Я замолчала, вновь и вновь переживая то, что сделала. Момент истины, когда обнажённый волк, лежащий подо мной, осознаёт, что его предали. Осознаёт, что яд уже бежит по венам, что он уже в его сердце.

Арман подошёл и встал за спиной, положив руки на плечи. Слегка сжав их, он наклонился и прошептал на ухо:

— Скажи мне эти слова, Елена. Давай. Просто скажи, что ты умеешь делать лучше всего и сразу станет легче.

— Я умею выживать, — ответила едва слышно, понимая, что выдержала очередную проверку.

Было понятно, что на этом разговор не окончен, что остались вещи, которые следует обсудить, но не сейчас. Не после того, через что прошли прошлым днём.

Вернувшись в свою комнату, подготовила постель ко сну и вошла в ванную, чтобы почистить зубы. А закончив процедуры, замерла, убрав волосы и обнажив лицо. В особые дни шрам всегда казался больше, казалось, что он пульсирует, что он живой.

Как-то Арман сказал, что я счастливица. Дикие волки ядовиты, их укусы почти всегда смертельны для человека и крайне болезненны для обычных волков. Я вошла в число выживших. А шрам так выглядит и так выпирает из-за яда, оставшегося внутри. И поэтому его невероятно сложно скрыть даже с помощью грима, а пластическая операция может убить меня.

Я провела пальцами вдоль линии, а затем спустилась ниже, осторожно коснувшись другой метки. Она была тёплой, мягкой, почти шёлковой. Задумчиво постучав по ней, развернулась и выключила свет.

Весь остаток ночи снилась погоня. Среди болотистых лесов, наполненных влажным спёртым воздухом, зелёным туманом, светом неземных светлячков, в полной темноте, где деревья подсвечены едва очерченной кромкой новорождённого месяца, а трава под ногами словно сама по себе серебрится.

Я летала призраком, бесплотным духом, следующим за пёстрой стаей, охотящейся

неизвестно на кого. В этот раз сон прервался прежде, чем увидела цель волков. Наверное, это и к лучшему. Мне не хотелось вновь чувствовать кровь на губах.

В последнее время часто думаю о том, что со мной не так. Нет сомнений — я не вполне обычный человек. Сны об охоте всегда со мной. Как и моя странная свободная вторая половина. Так кто же я такая? Шизофреничка или же во мне есть что-то особенное?

Иногда думаю о том, что я такая же, как и Лико — полукровка. Однако это невозможно. Мои родители люди, а вторая ипостась через укусы или царапины не передаётся. Таким образом можно только родиться. И родителей однозначно должно быть трое.

Были и другие вопросы. Как выжил Кай? Я всадила яд прямо в сердце, сложно было промазать. Как ему удалось побороть аконит?

Что на самом деле связывает Армана и Эльзу? Явно нечто больше, чем постель, которая осталась в далёком прошлом.

Что теперь будет со мной? А с Лико? Что ещё придумает Кай?

Что будет с моей семьёй? Знают ли они, что я жива? Думают ли обо мне?

И самый страшный вопрос — что будет, если приму неон? Я... вернусь в семью?

Проснувшись как от толчка, сразу выбралась из постели, накинула халат и почти выбежала из комнаты. С первого этажа доносились посторонние голоса, слышен стук молотков и шум дрели. Ремонтируют столовую. Я напрямик направилась к Лико, словно заранее зная, что он только что пришёл в себя.

— Елена, — с радостью в голосе воскликнул он, когда оказалась на пороге комнаты. — Мне снилось, что ты приходила ко мне.

В горле моментально запершило, и я вымученно улыбнулась, подходя к постели и присаживаясь на её край.

— Это был не сон. Как ты себя чувствуешь?

— Стрела была отравлена, ведь так?

— Да. Но не волнуйся, Эльза приносила лекарство. Ты уже идёшь на поправку.

Лико выглядел значительно лучше, чем я думала. Прошло меньше суток, а у него румянец играет на щеках, глаза блестят и нет той землистой бледности, что так напугала вчера. Все следы незаконченного обращения сошли и он вновь выглядит как человек. Его грудь плотно обмотана бинтами, он подсоединён к капельнице, которую вчера ночью не заметила.

А как он смотрит на меня! С такой теплотой, такой... любовью.

Страшно думать о том, где же здесь правда, ведь нам обоим так хорошо рядом друг с другом. Я взяла его за руку и переплела пальцы, слегка сжав.

— Ты спас меня.

— Разве мог поступить иначе? — тихо и почти укоряюще спросил он.

— Мой долг перед тобой растёт в геометрической прогрессии...

— Между нами никогда не будет долгов, — Лико прервал начало заготовленной речи.

Он убрал руку. В глазах мелькнуло разочарование и это вернуло меня на землю.

— Лико, то, что мы оба чувствуем — ненастоящее. Это действие метки, — заговорила мягко и убедительно, стараясь поймать его взгляд.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Вместо ответа он неожиданно резко подался вперёд, обхватив лицо руками, а затем накрыл мои губы жарким обжигающим поцелуем. Я попыталась вырваться, с гневом

разорвать объятия, но самой так хотелось целовать его! Быть рядом с ним! Поддаться, проиграть в этой глупой игре, потому что это так приятно — быть любимой в ответ!

Мы не заметили, как в комнату вошёл Арман и на его возглас отпрянули как нашкодившие щенки, вытирая губы, пряча глаза.

— Чего вы смущаетесь, голубки? Жаркое примирение не должно быть таким скромным! — лукаво заговорил он.

Арман подхватил один из свободных стульев и поставил возле постели, чтобы мы все оказались достаточно близко друг от друга. Довольный великан ласково шурится, глядя на нас. Ему определённо нравится видеть то, что происходит между нами двумя.

— Однако я пришёл не ради зрелищ. Нам троим есть что обсудить.

— Да, определённо есть! — резко ответил Лико, ложась обратно на приподнятую подушку.

Сразу стало видно, что он ещё не совсем оправился.

— Откуда Алхимик узнал о том, где Елена? Как он смог подобраться так близко? — хрипло и с вызовом вновь заговорил парень, глядя прямо на безмятежного Армана.

— Я думаю следует начать с того момента, откуда он вообще узнал, что Елена в Питере. Любопытно, не правда ли?

— Елена чуть не погибла, а тебе любопытно?! — у Лико будто голос пропал, настолько вкрадчиво переспросил он.

— Может стоит подумать о том, что делать дальше? — спрашиваю тихо у Армана. — Он знает, где я. Сколько ему потребуется времени, чтобы сделать следующий шаг? И каким он будет?

— Сокрушительным, моя дорогая, сногшибательным, моя голубка, — очаровательно улыбнувшись, ответил Арман. — У него на руках все карты, он может пойти с любой и не проиграет. Поэтому пришла пора изменить правила игры.

— О чём ты?

— Прости, моя милая, я думал, что у нас будет больше времени. Что твоя передышка продлится чуть дольше, но ждать нельзя.

У меня не было сил даже на колкости, настолько чётко понимала, что сейчас всё изменится. Переводя взгляд с Лико на Армана, видела и вину, и раскаяние, и чёртову тучу других эмоций, от которых по коже побежали мурашки.

— Что ты хочешь сказать, Арман?

— Он хочет сказать, что пришло время поговорить с твоими родителями, — вместо Армана ответил Лико.

Глава 10. Смена игрового поля

Когда до глубины души вскипает злость,

Обязуюсь вспомнить с чего всё началось.

С какой простой игры мы стартовали,

Но постепенно ставки возрастали!

Дойдём ли до победного финала?

И в ком из нас двоих любовь выиграла?

— Более того, скоро ты к ним отправишься, — добавил Арман, очаровательно улыбнувшись.

— В смысле отправлюсь? Ты утверждал, что это слишком опасно, что изменилось? — переспрашиваю настороженно, переводя взгляд с одного волка на другого.

По Лико видно — он не в курсе плана Армана, а значит происходит что-то новенькое.

— Нападения на мой дом. Кай решил, что может тягаться со мной, значит пришло время действовать, — уравновешенно отвечает мужчина. — Я не могу открыто убить его, придётся действовать иначе. А ты недостаточно сильна, чтобы быть рядом.

— Так что будет лучше, если ты исчезнешь, — мрачно закончил мысль Армана Лико. — Я поеду с тобой.

— Исключено, — отрицательно качнул головой Арман, поднимаясь со стула и отходя к окну, чтобы раздвинуть шторы и впустить солнечный свет.

— Ты будешь выделяться, мой милый. Ты волк, она нет, как и её семья. Сразу после нападения, связался со своими людьми и твоих родителей, Елена, вывезли из страны. Они были против ровно до того момента, как увидели твои фотографии. Сегодня с ними поговоришь и через пару дней отправишься к ним.

— Фотографии? Мои родители? Ты впутал моих родителей?! Куда ты их увёз? Какого чёрта, Арман? Почему я об этом узнаю только сейчас?!

Я потрясённо уставилась на него. Меньше всего ожидала, что он решится так поступить со мной. Вроде договорились об открытости, доверии, честности, но в результате он всё решил за моей спиной. Более того, сделал то единственное, что делать было категорически нельзя. Поднявшись на ноги, подошла вплотную, задрал подбородок, и из-за яркого солнца слепо уставилась на него.

— С какого перепугу ты решил, что можешь так поступать?! — медленно процедила сквозь зубы.

— Ты сама мне дала на это право, как только **добровольно** вошла в мой дом, — резко высказался волк. — Имей совести не быть дурой, девочка, всё, что делаю — делаю в **наших** интересах!

Он смотрел на меня как на щенка, посмеявшегося вдруг дерзить взрослому. Это больно

резануло, я ступала и отошла в сторону. Мне как будто показалось, что я не имею право что-то решать и о чём-то думать. Глупый, глупый щенок!

— Арман, Елену возмутило то, что ты не предупредил её, — мягко заговорил Лико, заметив мою реакцию. — Ты вломился в жизнь её семьи, которая до этого момента ничего не знала о том, что происходит. Что они должны думать? Узнав правду, как они отреагируют на неё?

— Адекватно, если они волнуются о дочери.

— Моя сестра.

Я опустила обратно на постель, сложив руки на коленях и демонстративно не смотря на волков. Внимание заострилось на мелких порезах от стекла, оставшихся после помутнения рассудка у Лико. Так трудно сдержать это беспомощное детское чувство обиды и непонимания!

— О, ты заметила, — с мрачной иронией в голосе воскликнул Арман. — Прежде чем начнёшь говорить глупости, подумай дважды, хорошо? Твоя сестра в Москве.

Кажется, ещё секунда и у меня начнёт дёргаться глаз. Я сжала руки в кулаки так сильно, что ногти впились в кожу. Боль отрезвляет, но желание ненавидеть с каждой секундой становится сильнее.

— Елена.

Лико осторожно сжал моё плечо. Обернувшись, наткнулась на участливый взгляд виноватого парня, а не мужчины.

Гадины. Они оба стоят друг друга. Теперь всё складывается как дважды два. Меня водят за нос. Меня обманывают, мной манипулируют, играют как с плюшевой игрушкой. А теперь видимо труба, раз играть перестали и поставили перед фактом. Я ни черта не знаю о том, что происходит за жёлтыми обоями.

— Не трогай меня, — прошипела сквозь зубы, сбрасывая его руку и вновь поднимаясь.

Отойдя от постели, остановилась перед окном рядом с Арманом, подчёркнуто не реагируя на его присутствие.

Яркий полдень наполнен сильными порывами ветра. Деревья клонятся к земле, а по небу несутся наперегонки шершавые грубые белые облака, то заслоняющие, то обнажающие полуденное солнце. В земле уже поднимается трава, разбавляя грязь и жухлые листья, оставшиеся с прошлого лета.

Я уже ненавижу эту весну.

— Скажи мы сразу, что она осталась в Москве, ты бы помчалась туда и погибла! — воскликнул Лико, не выдержав моего молчания.

Вместо ответа грязно выругалась, а затем обхватила себя за плечи и выругалась опять. Они даже не попытались поговорить со мной. Решили всё за меня, как будто меня и вовсе нет. Словно я пустое место.

Я не знала, что сказать им. Как мне следует отреагировать на подобное предательство? На подлый обман? Моя сестра в Москве, каковы шансы, что Кай не использует её, как использовал меня? Каковы шансы, что она осталась собой? Наши родители не оставили бы её там после того, что случилось со мной, а значит она пошла против их воли. Моя сестра своенравна, но не в такой ситуации.

— Нет никаких доказательств, что она связана с Каем, — вступил Арман. — Она поступила в МАРХИ, если тебя это интересует. Не знаю, в курсе ли ты, но она досрочно сдала экзамены прошлой весной, отдала документы, а результаты пришли в июле. Это был

сюрприз. Инга чувствовала, что ты отдаляешь и повременила с новостями. Потом ты пропала. И она приехала с родителями, чтобы разыскать тебя. Не добившись новостей, они уехали, а она осталась. МАРХИ для провинциалки — это как выиграть в лотерею. Инга просто не могла упустить свой шанс.

— Она всегда мечтала о большем. Она с самого детства ходила в дом творчества и рисовала, рисовала, рисовала... Иголка очень талантливая художница, — от воспоминаний в горле запершило, поэтому закрыла шею холодными ладонями.

И я всё ещё смотрела в окно, не в силах обернуться и встретиться с ними взглядом.

— С того момента, как ты приехала сюда, установил наблюдение за твоей сестрой. За этот месяц рядом с ней не было никого из известных членов семьи. С Каем она также не пересекалась. По сути девушка ведёт обычную жизнь первокурсницы. Много учится, работает в кафетерии по вечерам. Единственное, она переехала из общежития к подруге, с которой познакомилась в институте, в остальном ничего особенного. Ни с кем не встречается. Только учёба. Учитывая специальность — не удивительно.

— Это ничего не значит и ничего не меняет! — выпалила, резко развернувшись. — Ни один из вас не счёл нужным поставить меня в известность! Вы скрыли это от меня, будто я маленький ребёнок, и, чёрт бы меня подрал, если когда-нибудь прошу вас за это!

— Поражаюсь твоей выдержке.

Арман ведёт по лестнице на первый этаж в конференц-зал, где состоится разговор с родителями. Мы проходим по разрушенной столовой мимо ремонтников, охранников и уборщиков. Атмосфера полна агрессии — все смотрят на меня. Они знают, в кого на самом деле целился стрелок.

— Да неужели? — пробурчал под нос, когда мы перешли в дальнее крыло дома и остались одни.

— Вчера Лико чуть не изнасиловал тебя, а сегодня ты была не против сделать это добровольно.

Была готова вlepить пощёчину, но не хватило запала, чтобы сделать это, поэтому проигнорировала его слова. Нельзя реагировать на провокации. Нельзя поддаваться гневу, иначе он захлестнёт огненной волной и потеряешь контроль. Это его же слова.

Небольшая тёмная комната, в центре длинный стол, много стульев, а на стене напротив, от включённого проектора, на белом полотне виден рабочий стол ноутбука. Арман быстро настроил резкость картинки, контраст и запустил программу видеосвязи.

— Ты готова? — подняв голову от экрана спросил он.

— Я сама свяжусь с ними, — отвечаю резче, чем хотела, а затем смягчилась. — Пожалуйста, я хочу поговорить с ними наедине.

— Нет проблем, — легко согласился мужчина, неуместно подмигнув, будто между нами всё в порядке.

Мышкой показав на нужный контакт, он отошёл от стола и направился к выходу.

— Арман! — не оборачиваясь, окликнула его. — Если узнаю, что ты подслушивал... это будет конец всему.

— Я понял.

И он ушёл из комнаты, плотно закрыв за собой двери.

Оставшись одна, присела на один из стульев, сложила руки на столе в замок и уставилась на них. С силой сжимая пальцы, понаблюдала за тем, как они побелели, а затем

расслабила мышцы.

Что сказать?

Папа, мама, меня посадили на наркоту последователи волчьего культа? Я чуть не умерла, а спас меня полукровка, связав какими-то стрёмными триадными узами, оставив шрам на шее? И сейчас живу в доме другого волка, который хочет создать шведскую семью, этакий волчий тройничок, а уйти не могу потому что волк, с которым трахалась под наркотой, хочет убить меня из-за того, что пыталась убить его? И что моя сестра, вероятно, находится сейчас в его руках, а я ничего не сделала, чтобы предупредить вас о том, что в Москве опасно? Или же сразу начать с того момента, в котором обвиняю их во лжи? Ведь я уже почти не сомневаюсь в том, что они солгали.

Встав из-за стола, подошла к ноутбуку и набрала вызов.

Они постарели. Боже! Как же они постарели!

Мама всегда была крепкой женщиной. Не смотря на хрупкую внешность, в ней заключён особенный стержень силы, гибкий и выносливый. Когда уезжала в Москву, мамины волосы были чёрными и длинными, лицо свежее, морщинки только-только накрыли его слабой сеткой, а уголки губ всегда были готовы подняться вверх. Она любила улыбаться и у неё это здорово получалось.

Мама берегла молодость и всегда была примером для подражания. Ухоженная, сильная, не смотря на простой сельский быт, обязательно находила время и на себя.

А мой папа — рослый мужчина, крупный, настоящий богатырь с рыжими кудрявыми волосами. В детстве обожала книжку, посвящённую ирландскому фольклору, которая какими-то неведомыми путями попала в школьную библиотеку, из-за неё частенько называла отца лепреконом. Ведь он так внешне похож на рыжих бородатых хранителей золота. А сколько силы было в его ручищах! Он запросто утихомиривал распоясавшихся пациентов-алкоголиков, которые думали, что могут шутки шутить. Я всегда восхищалась его силой и умением правильно ею распоряжаться.

Я гордилась своими родителями. Гордилась, какие они сильные по сравнению с родителями других одноклассников. И сейчас, глядя через экран, просто не верилось в то, что видела.

Больно видеть седые волосы матери и глубокие, старческие морщины отца. Больно видеть, как сильно они могут плакать, просто глядя на меня. Больно осознавать, как сильный и выносливый мужчина всего за какой-то год может превратиться в старика, а красавица-мать в старуху с потухшим взглядом. Словно прошёл не год, а тридцать лет.

Прижав руку к груди, почувствовала с какой болью бьётся сердце, как тяжело и как медленно оно стучится. Мне невыносимо даже смотреть на них, и все слова потерялись. Как им объяснить, что произошло? В моём арсенале нет ни единого слова, которое смогло бы безболезненно объяснить случившееся. Незнание состарило их, а знание попросту убьёт. Поэтому придётся лгать, вилить и молчать обо всём.

Невольно поменялась местами с Лико и Арманом.

— Елена, — плача, прошептала мама, и её сильнее за плечи обхватил отец. — Доченька, родная, солнышко. Господи, да что же это!

Слёзы моментально выступили на глазах, а в горле образовался узел. Сжав пальцы, поджав губы, запрокинула голову, удерживаю всё в себе. Лишь бы не сорваться, лишь бы не показать насколько больно было всё это время! Как одиноко и страшно без них, без их тепла и любви...

— Мама, папа, — заговорила не сразу, и только тогда, когда убедилась, что они внимательно слушают. — Я не могу сказать, что случилось. Это небезопасно. Я не знаю, сколько вам рассказали, прежде чем увезли в это место, просто хочу, чтобы вы знали — со мной всё в порядке. Вас забрали потому, что есть люди, которые могут причинить вам вред только потому, что вы мои родители...

— Елена! Что ты такое говоришь?! Что с тобой случилось? Во что ты влезла? — резко заговорил отец, прижимая голову жены к груди. — Дочь, объясни толком, что происходит? Ты же знаешь, что всегда можешь...

— Я не могу, — перебиваю нервно, вновь скрещивая руки в замок и опуская взгляд, а затем резко смотрю на него, чтобы он точно понял мои слова:

— Будет лучше, если останетесь в неведении. Так безопаснее для вас» Я не хочу, чтобы вы страдали больше, чем сейчас. Есть только одна причина, из-за которой выхожу на связь с вами. Шрам. Вы должны рассказать, что со мной случилось.

Всё изменилось за какую-то жалкую секунду. По их испуганным лицам сразу ясно — они знают, о чём спрашиваю. И это тот секрет, о котором лучше не вспоминать.

— Как ты узнала? — облизнув губы, осторожно спросила мама.

— Он нашёл тебя, да? — тихо спросил отец. — Как это произошло?

— О чём вы говорите? — переспрашиваю в тон их голосов. — Кто меня искал?

Нерешительно переглянувшись, они, поддерживая друг друга, обнялись, сильнее сплотились, как это делали всегда, когда случалось что-то страшное или непонятное.

— Твой отец, — ответила мама. — Твой... настоящий отец.

И после из их уст слова полились нескончаемым потоком — настолько невыносимо больно было нести этот груз в себе столько лет.

— Мы не могли зачать ребёнка. Пытались, но у нас ничего не выходило. Что мы только не перепробовали. Даже к гадалке ходили, но и это не помогло. Тогда стали думать об усыновлении, когда в больницу в новогоднюю ночь привезли молодую девушку с младенцем на руках. Неизвестная, израненная, покусанная... при смерти. А у ребёнка длинная рана на лице как от когтей крупного хищника. Решили, что на них напали волки, вот только я был рядом с девушкой, когда она пришла в себя и заговорила. Она словно знала, что её раны смертельны, что уже началось заражение и органы задеты так сильно, что удивительно, как она ещё продолжает дышать и говорить. Девушка умоляла спрятать её ребёнка. Она, несомненно в бреду, заявила, что всё это сделал её муж, отец девочки. Что он не человек, а волк, и он найдёт их, чтобы закончить начатое. Она говорила и говорила, одно и то же, а я думал о малышке, которую определяют в детдом, а ещё думал о том, что можно подменить ребёнка. Накануне привозили труп младенца, найденного в контейнере. Его должны были кремировать на следующий день, но... в новогоднюю ночь есть варианты. Никто ничего не узнает, если действовать быстро, если действовать прямо сейчас. И я сделал это. Я подменил ребёнка, подделал документы, а малышку отвёз жене. Я знал, что это не последнее, что нам придётся сделать, чтобы ты стала нашей дочерью. У меня было много пациентов и среди них нашлись те, кто помог выправить документы, по которым получалось, что ты наша дочь.

В ушах зазвенело. Я как в воду нырнула, а сердце тук-тук, тук-тук. И шрам на лице заныл да так противно, что машинально провела рукой по нему, словно пытаюсь стереть, бездумно веря — не будь его, всё это было бы не правдой.

— Что стало с матерью? — наконец, спросила его.

— Она умерла в ту же ночь. Но... — родители вновь переглянулись. — На этом всё не

закончилось. На следующий день в больницу пришёл мужчина. У него было странное имя и не менее странный интерес к погибшей женщине...

— Лука Горике, — вступила мама, пока отец пытался вспомнить как звали чужака.

— Да, именно так. Он не сказал, почему интересуется, он не был мужем погибшей. На самом деле его больше интересовала ты.

— Как он выглядел?

— Это было давно. Единственное, что запомнил — это его глаза. Необычный цвет. Такой яркий, холодный, голубой. Даже лазурный. Я никогда не встречал людей с таким цветом глаз.

А я встречала.

— Когда он узнал, что ты тоже умерла, то показалось, что мужчина рад этому. Несколько раз переспрашивал, пытался добиться разрешения увидеть тело, а узнав, что ребёнка кремировали, как-то по странному улыбнулся, а затем ушёл.

— Мы переехали в другой город подальше от всех, кого знали. Мы боялись. Шрам на твоём лице слишком заметен. Мы так боялись, что этот человек найдёт тебя, — почти заискивающе заговорила мать.

— Вы думаете это был мой... отец?

— Он плохой человек, Елена, — твёрдо сказал мой папа. — Я не знаю, что случилось с тобой и твоей мамой, но что бы это ни было, этот человек опасен для тебя.

Я не знала, как реагировать на их слова. До этого, всё, что у меня было, это дурные предчувствия и глубокое понимание тайны. На самом деле раньше всегда казалось, что родители что-то скрывают. Но о таком и подумать не могла.

Благодаря этой тайне, удалось вскользь связать прошлое и настоящее, не вдаваясь в подробности. Также не стала упоминать об Инге. Родители говорили, что недавно связывались с ней и она была в полном порядке. Пришлось пообещать, что люди, которые спрятали их, привезут и её, как только появится такая возможность.

Я костыми лягу, но вытащу сестру из Москвы. Ведь она их единственная родная дочь.

В ту ночь почти не спала.

Снились жуткие видения из детства, в которых на меня и на женщину без лица напал полуволок, похожий на Лико во время приступа. Я постоянно вскакивала с криком, покрытая холодным потом и кровью. Мне было слишком больно, от этого начинала без конца плакать. Не с кем поговорить. Некому признаться в том, насколько тяжело узнать, что твои родители тебе не родные. Что возможно настоящий отец убийца и он убил мою настоящую мать. Что он чуть не убил меня саму.

Я не могла пойти с этим ни к Лико, ни к Арману. Они не должны узнать. Я человек. Я просто не могу быть такой, как они. Это невозможно.

Близится рассвет. На потолке проступают, движущиеся от слабого ветра, тени деревьев за окном. Уже погасли фонари, антрацитовые оттенки ночи сменяются тёмно-синими, затем дымчатыми, проступают цветные очертания мебели, а снаружи доносится пение рассветных птиц. Я бережно вырисовываю бессмысленные узоры по сатиновой ткани пододеяльника, находясь в таком сумрачном, далёком состоянии, благодаря которому могу немного передохнуть, не проваливаясь в очередную ловушку сна.

Под конец ночи кошмары сменились чувством падения, смешанным с предчувствием нападения. Как будто падаю вниз в пропасть и одновременно на меня прыгает зверь. Это

чувство в рекурсии, следует одно за другим, повторяясь циклом. Даже кажется, что ничего нет кроме адреналина, бесконечного ужаса и страха.

Как же хорошо в итоге выбраться из кольца, оказаться в реальности, осознавая и не осознавая себя. Небольшой отдых перед завтрашним днём. Завтра предстоит лгать. Много лжи, мало правды и совсем никаких страхов. Никто не должен узнать о том, что узнала я. Это необходимо, чтобы вытащить Ингу из Москвы.

Для Армана я маленькая девочка, почти щенок. Не стоит со мной считаться, мной надо управлять и тогда не будет никаких проблем. Сложно признаться, но в глубине души мне это нравится. Хочется быть слабой девочкой, за которую решают другие. Никакой ответственности, ничего не надо решать. Всё просто и есть на кого свалить вину. Вот только это неправильно. Это путь неона. Путь безволия. А я слишком хорошо помню, чем такой путь закончился в прошлый раз. Я должна научиться сама принимать решения и брать ответственность за свою жизнь. **Иначе нельзя.**

Придётся обратиться к Эльзе за помощью, ведь только она имеет связи в Москве и какие-то способы или идеи, как снять человека с крючка неона.

Вопрос только в том, захочет ли она помогать?

Кажется, я всё-таки заснула, потому что в следующий момент, когда открыла глаза, то увидела яркие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь раскрытые почти настежь занавески. Утро безжалостно сбежало вслед за ночью — часы на тумбочке отбивают одиннадцатый час.

Страшно выходить из комнаты. Страшно лгать.

Но я одеваюсь, умываюсь и иду, потому что **иначе нельзя**. Сегодня приезжает Эльза, значит сегодня должна убедить её помочь мне.

Спустившись вниз, на кухне столкнулась с Жанной. Женщина вымученно улыбнулась, убирая со стола остатки от готовки. В поместье кроме меня есть ещё три женщины. Жанна, Кристина и Олеся. Повар, домработница, а Олеся, будучи единственной полукровкой, прибывшей вместе с Арманом из мира волков, убирает его личные комнаты.

Все обитатели поместья знают на кого работают. Волков среди них нет, кроме Олеси, в охране работает ещё двое полукровок, которые никогда не вернутся назад. Всё это как-то связано с властью королевского альфы. Что только аристократы могут безболезненно путешествовать между мирами, а для обычного волка это закончится превращением в омегу. Любопытный факт, как и то, что несколько человек также прибыли сюда вместе с Арманом.

Для меня это довольно необычно — узнать, что люди живут и в других мирах. Конечно, судя по книгам и словам Лико и Армана, они не такие как здесь. Более... раболепные? Между людьми и волками сложные отношения, простые волки относятся к людям пренебрежительно, а вот знать, **лэрды** земель, имеют право убить человека, просто если он им не понравится. И взять девушку, если она им приглянулась. Другое дело, что к этому почти никогда не прибегают, но почему так сложилось, так и не поняла.

Взяв из холодильника кефир и несколько яблок, устроилась на табуретке, скинув домашние балетки и подтянув ноги к груди, наблюдая за шустрой работой Жанны. Иногда хотелось поговорить с ней или с Кристиной, но мне нельзя говорить о том, через что прошла и с чем столкнулась. Я знаю, что за спиной ходят слухи обо мне, Армане и Лико. Это естественно, как и то, что эти слухи ходят среди местных. Остальные спокойнее отнеслись к моему появлению, даже более того — они довольны, что у их лэрда образуется триада. Как бы дико это не звучало.

— Ты поздно встала, — не выдержав моего молчания, спросила Жанна. — Хочешь, я что-нибудь приготовлю для тебя?

— Нет, но спасибо, — отвечаю вежливо, а затем вгрызаюсь в сочное яблоко, подставляя руки, чтобы сок не потёк по подбородку. — А где все?

— Господин уехал по делам, — сухо отвечает повар, возвращаясь к работе. — А к его гостю приехала молодая женщина.

— Эльза?! — восклицаю удивлённо.

— Да, кажется её так зовут, — согласно кивнула она.

— Спасибо!

Залпом осушив кислый напиток и выбросила огрызок в мусорное ведро. Вытерев лицо, направилась в комнату к Лико. Всё складывается удачно. Армана нет, а значит он не влезет в разговор. Ведь чётко понимаю — мужчина не отпустит меня в Москву после того, что случилось. А к родителям не могу ехать без сестры. Особенно после всего, что узнала.

К чёрту.

Я опять стою возле закрытых дверей и подслушиваю. Дурная привычка, но такая соблазнительная! Замерев, прислушиваюсь к негромкой речи. Из-за дальности почти не слышно, о чём они говорят, но отдельные слова намекали на то, что Эльза хочет увезти Лико отсюда. Она хочет увезти его подальше от меня.

— Лико, ты едва не погиб из-за неё! В следующий раз это может быть нож или когти, клыки, да что угодно — она опасна для тебя! — закричала Эльза так громко, что я отпрянула от двери.

И в этот момент они открылись, залив затенённый коридор ярким солнечным светом. Эльза не сразу заметила меня, она выходила, глядя назад, на Лико. А когда увидела, кто стоит перед ней, то в глазах загорелся и погас нехороший огонёк.

— Нам нужно поговорить, — заявила уверенно, мельком глянув в комнату на раздосадованного Лико.

— И правда стоит, — процедила девушка, доставая из миниатюрной сумочки сигареты.

— Арман не разрешает здесь курить.

— Да пошёл он, — выпустив струю дыма, заявила она.

— Елена, — позвал Лико из комнаты.

Я переглянулась с Эльзой, и та кивнула:

— Буду ждать тебя в гостиной. Но недолго.

Зайдя в комнату, заметила исчезновение капельницы и неповторимого аптечного запаха. Гостевая обезличена, такие комнаты есть в любом отеле, с ванной и туалетом, небольшим гардеробом, с двуспальной кроватью, тумбочками, однотонными занавесками, картинами, ковром, ламинатом, комодом, столиком, сухими цветами на широком подоконнике, лампой плоской и квадратной формой. И всё выполнено в таких безликих серо-голубых тонах, где только цветы в вазах имеют траурный болезненный жёлтый цвет. Только присутствие Лико делало эту комнату живой. Я обратила внимание на стопку вещей, лежащих на стуле, новые ботинки в открытой коробке возле постели, поднос с остатками от завтрака и на румянец, проступивший на щеках Лико.

Значит они более близки, чем думала ранее. Она привезла новые вещи и накормила его. Она говорила с ним обо мне и не считала это странным. Впервые подумала, что, возможно, не только я оказалась в ловушке этих странных отношений. Может между ними что-то было?

И этому помешал Арман, хотя Эльза явно была не против триады?

Вопросы, вопросы, одни вопросы...

За ними скрывается какая-то история и мне совершенно не хочется в неё влезать.

— Завтра я уйду, — заявил Лико, внимательно глядя в глаза.

— Хорошо, — согласно кивнула, скрестив руки на груди. — Я рада, что ты так быстро поправился.

— Идём со мной, — тем же спокойным голосом предложил он. — Давай уедем отсюда, подальше от Армана и Алхимика, волков и наркотиков, подальше от этого мира.

Это как официант предлагает стакан воды прежде чем принять заказ. Так же сухо и обезличено. Скорее для проформы.

— Если хочешь — уезжай, но без меня, — отвечаю раздражённо. — Мне есть ради чего оставаться. У Армана мои родители, а у Кая, скорее всего, моя сестра. Я не могу уехать.

— Но хотела бы? — парень подался вперёд, сжимая в кулаках одеяло. — Ты бы поехала со мной, если бы не они?

Он дважды повторил вопрос, но я так и не смогла дать ответ. Его слова эхом возвращались ко мне пока шла к Эльзе. Я хотела бы уехать с ним или нет? А с Арманом?..

Эльза удобно расположилась на мягком и широком кожаном диване. Она сбросила туфли на пол, перетянула юбку, обнажив колени, вытянула ноги, головой опираясь о разноцветные подушки. Её волосы, распущенные из тугого пучка, волнами растрепались по плечам и одежде. Глядя в потолок, женщина выпускала дымную струю, в одной руке держа сигарету, а в другой полупустой бокал красного вина.

Я не виделась с ней почти два месяца и уже успела забыть насколько шикарно она может выглядеть. Расслабленная и свободная, элегантная, ухоженная женщина, которая чётко знает, чего хочет.

Заметив меня, девушка выпрямилась, спустила ноги вниз и скрестила их. Поставив бокал на полупрозрачный кофейный столик, стряхнула пепел в небольшую импровизированную пепельницу из декоративной каменной шкатулки и затушила сигарету.

— Ты хотела поговорить со мной. Так говори, — вкрадчиво и с вызовом в голосе намекнула она, видя мою неуверенность.

— Помоги забрать сестру из Москвы.

Несколько секунд Эльза просто таращилась на меня, выразительно приподняв правую бровь. А затем расхохоталась, откинувшись на спинку дивана. И сквозь смех, с издёвкой заговорила:

— Вот умора! Я с тебя просто балдею, девчонка! — сомкнув руки, она приложила их к губам, умилено улыбаясь. — После всего, что сделала, ты решила просить помощи у меня?!

Исподлобья глядя на неё, упрямо мотнула головой.

— Ты не была честна со мной, Эльза. Неудивительно, что я ушла.

— Нет, — резко успокоилась она, показывая наигранность смеха. — Ты сбежала с волком просто потому что захотела. А я позволила уйти, уже зная насколько ты бесполезна. Восемь месяцев исследований и ничего. Твоя кровь пустышка, ты ничто. Но думаешь, что что-то из себя представляешь. Наивная.

— Ты ведь всё знаешь! — вспомнился подслушанный ночной разговор и меня осенило. — Ты догадалась, что я обращусь за помощью. И раз ты здесь, значит есть что-то, что тебе нужно в обмен. Скажи что!

Она залпом осушила бокал вина, подняла ноги на диван, занимая удобное положение, и раскурила новую сигарету. Её взгляд бегал по мне, как будто перед ней стоит новая увлекательная игрушка и она пока ещё не решила с какой стороны взяться за меня. Но идеи есть. Она страстно желает их исполнения.

— Ты ведь понимаешь, что твоя сестра, скорее всего, находится под воздействием неона? — почти сочувственно высказалась она.

— Понимаю. Как и то, что у твоей организации есть способы достать неон. Я ведь говорила, рано или поздно, неонизированный перестанет употребляться каждый день. Организм сам начнёт вырабатывать наркотик, таков прогноз Кая. Через пару лет Инга достигнет предела и будет принимать его всего пару раз в месяц. И к тому моменту вы найдёте противоядие, — я обворожительно улыбнулась.

— Всё предусмотрела значит. Ну-ну, — она покачала головой, затягиваясь очередной сигаретой. — Да, я достану неон. Помогу тебе с сестрой. И даже вывезу из страны подальше от волков. Подальше от **всех** волков, — с нажимом добавила она.

— Я знаю, что всё дело в Лико, — тушуюсь под её взглядом, смотря в пол и опять скрещивая руки на груди.

— Да. Потребуется не меньше года прежде чем метка начнёт слабеть. И ещё год прежде чем она полностью исчезнет. И только после этого будем в расчёте.

— Мои родители?

— Как только Арман поймёт, что ты не вернёшься, он их отпустит. Даже более того, мы обставим всё так, что он решит, что ты струсила. При таких обстоятельствах не станет тебя искать, — кривая ухмылка нарисовалась на её лице, Эльза прищурилась, делая очередную затяжку. — Мы договорились?

Глава 11. Ах этот блеф!

Как мимолётен счастья миг.

Всего лишь взгляд -

И сердца стук поник.

Не потревожит, не возопит

Не очарует более, увы.

А канет в лету.

Любви надежды луч,

Как только волчий яд

В меня проник, исчез.

Всё растворилось в темноте

Тепла отныне нет

Нигде.

Я заключила с ней сделку. Моя очередная сделка. Храните меня боги, надеюсь это не напрасно. Хоть раз хочется поступить правильно, и чтобы это шло от сердца.

Серенький человечек — это про меня. Никогда не думала о других, никогда не стремилась никому помогать. Нет во мне всеобъемлющего милосердия, тепла и доброты. Всё хорошее, что во мне было, вытоптали в школе, оставив после себя серость. Тяжело тянутся к людям, которые пытаются тебя сломать.

И теперь на любое зло отвечаю: я маленький человек, что я могу?

Многие хорошие люди пытаются что-то изменить, но ничего не меняется. Мир несправедлив и было бы честно признаться хотя бы себе в том, что мне на это плевать.

Я везучая. Я выжила. Но это не послужило для меня примером. В голове не загорелись огоньки справедливости, я осталась собой. Попытавшись убить Кая, действовала скорее из мести. Хотелось уничтожить его за то, что **он** сделал **со мной**. А потом просто двигалась по инерции и дошла до сегодняшнего дня. До момента, когда это коснулось сестры. И сразу всё кардинально изменилось. Это личное. Это другое.

Я не хороший человек. Но и не плохой. Всегда ставлю свои интересы и свою жизнь выше интересов общества. Я не готова рисковать всем ради незнакомцев и мой ответ на известную загадку: «Если случится пожар, кого вы спасёте: родную сестру или пятерых

незнакомцев?» Я отвечаю — сестру.

Следующий день провела за компьютером, детально изучая социальные сети, пытаюсь найти упоминания о сестре. Она закрыла личную страницу и полностью прекратила вести дневники, что явно на неё не похоже. Так справляется с горем или же это влияние неона? Под его воздействием больше не нужно чьё-то одобрение. У тебя есть всё, что нужно для счастья — семья.

Ближе к вечеру заглянула Кристина. Она передала, что сегодня состоится прощальный ужин, но не сказала кого и с кем. Просто передала слова Армана, а также принесла серебряное платье: скрытый корсаж, красиво приподнимающий грудь, длинный подол расхлывшийся у самых бёдер. Ткань наряда на ощупь напоминала кашемир, однако серебрилась как шёлк и была необычайно легка.

Это открытый бессловесный намёк Армана. Мы переходим на следующий уровень игры.

Домработница помогла уложить волосы, сделала вечерний макияж, слегка скрывающий шрам и выгодно оттеняющий цвет глаз. Глядя на себя в зеркало вспомнился страдающий призрак Оперы. Его лицо, обезображенное с одной стороны и прекрасное с другой.

Мне повезло больше.

Сегодня я ведущий игрок. Двойной, если быть точным. И это мой единственный шанс сделать что-то правильное. Необходимо быть настолько убедительной, чтобы они **оба** поверили мне. Арман должен считать, что играю в его команде, когда на самом деле играю только ради своей цели. Если всё пройдёт гладко — побег состоится. Моё предательство будет абсолютным, а падение долгим.

Перед уходом Эльза передала небольшой пакет, показывая, что давно предугадала мои планы, и спросила, стоя в дверях:

— Ты сможешь согрешить с Арманом и Лико? Елена, на что ты готова пойти ради сестры?

Первый раз был на выпускном. Это сделал парень, закончивший мою школу на два года раньше меня и пришедший на праздник в качестве звукооператора, поскольку немного разобрался в технике, а в той глуши, где жила, этого было достаточно.

Он был нескладным подростком с белёсым пушком над верхней губой, с небольшим количеством прыщей, субтильного телосложения и с длинными волосами, которые он отращивал, подражая солисту какой-то рок-группы. Его звали Артур, но все обращались к нему как Лист из-за фамилии. Станный, но хороший парень. Один из немногих, кто не чурался и не дразнил меня.

Это сделала она. А он не смог сказать нет.

Всё случилось слишком быстро, так что даже ничего не почувствовала и не поняла, что произошло. Потребовалось время, прежде чем разобралась что к чему и научилась получать удовольствие от секса. Но первые разы были ужасны. Ужасны и потому, что это был Артур. Скромный и замкнутый, очень одинокий парень. Я ведь использовала его, а он, в результате, влюбился. Получается, я ничуть не лучше тех, кто издевался надо мной. Им удалось сломать эту часть меня.

Помню то щемящее чувство на перроне, когда он провожал в Москву. Лист так хотел поехать просто ради того, чтобы **быть** со мной! Это разрывало сердце, но выкуривая очередную сигарету, чётко расставила все приоритеты и высказала всё, что хотела. Он

должен был забыть меня, ведь его забыла ровно в тот момент, как села в поезд.

Тяжело понимать, что, на самом деле, никогда и никого не любила. Иногда даже кажется, что вовсе не способна на это чувство. А потом вспоминаю их. И становится ещё больнее от осознания, что любовью невозможно управлять.

Спускаюсь по лестнице касаясь ладонью покрытых лаком деревянных перил. Чувствую, как внутри поднимается жар, что-то глубокое и необычное, первозданное. Значит будет легче. Просыпается вторая я. Она сделает всё как надо, но оставит после себя глубокие шрамы на душах трёх людей.

Ужин накрыт в отреставрированной столовой. Рабочие днём закончили ремонт и в воздухе ещё витал запах краски и лака. Стол сервирован на троих и Лико с Арманом уже стоят возле своих кресел. Моё появление произвело вежливый фурор и довольны ухмылку мужчины. Его янтарные глаза особенно ярко светятся при тусклом, вечернем свете настенных ламп. На правах хозяина дома, он отодвинул передо мной стул и разлил по бокалам холодную воду из высокого графина. С кухни потянуло приятным мясным ароматом, что-то с розмарином и тимьяном, кажется свинина? Барашек? Всё равно.

— Что на ужин? — мой голос, немного хриплый и низкий, разбил атмосферу тишины.

Лико оторвал взгляд от потолка и вяло улыбнулся. Он необычайно задумчив сегодня. Мысли парня витают далеко отсюда, но то, как смотрит на меня, выдаёт его с головой. Я знаю, что его сердце принадлежит мне.

— Кажется это свинина.

— У тебя хороший нюх, — не преминул влезть Арман. — Сегодня ужин праздничный, но простой.

— Прощальный, — воскликнула, допивая стакан воды. — Интересно, свидимся ли мы вновь?

— Я приеду за тобой, как только появится такая возможность! — горячо заговорил Лико, не обращая внимание на негромкое смешливое покашливание Армана.

Уже жалею, что в стакане вода, а не вино. Уровень неловкости поднялся ещё выше и простой водой его не смыть. Придётся импровизировать.

— Арман! — сказала громко, не выдержав очередного затянувшейся паузы. — Раз у нас сегодня день прощания, хочу задать тебе один вопрос.

Мужчина скрестил руки на столе и выжидающе посмотрел на меня.

— Я весь внимание.

— Какой была твоя первая любовь?

Лико, тянувшийся за водой неожиданно поперхнулся, неловко задев бокал, отчего тот опрокинулся, разлив жидкость по столу. Салфетками промокнув поверхность, парень сосредоточился на своих действиях, чтобы не выдать себя. Но кончики ушей, торчащие из кудрявых волос, всё равно покраснели, выдав сильное смущение.

— Интересный вопрос, — Арман изумлённо покачал головой, а затем откинулся на спинку стула и очаровательно улыбнулся, пристально наблюдая за красным Лико. — Скоротечной.

— Блестящий ответ! А подробности? Это была женщина или мужчина?

— Мужчина, — спокойно ответил он, продолжая гипнотизировать парня, который очень плотно сжал кулаки, не отрывая взгляда от стола. — Он был старше меня более чем на сто лет. Опытный и сильный. Ему захотелось освежить свою триаду, добавить немного огня

и он нашёл меня.

— То есть помимо этого мужчины были ещё двое?

— Нет. Только он. Но... через него и остальные два. Помнишь? Я об этом говорил — триада чувствует такие вещи.

Лико гневно уставился на Армана, но ничего не сказал — помешали слуги. Они принесли первые блюда. Салаты, закуски, новые кувшины с водой, в которых плавали дольки лимона и лайма. Ненадолго прервавшись на трапезу, вскоре вернулись к диалогу. Хотелось разговаривать с Арманом, а через него и Лико. Хотелось заставить их обоих признаться, но сама не знала, в чём именно. Мысли кружились, а щёки краснели, будто вместо воды, пью терпкое и густое как кровь вино.

— И чем всё закончилось?

— Я чуть не убил их женщину, после чего меня сочли слишком импульсивным и сослали в дальние пределы, — равнодушно ответил Арман.

Нахмурившись, перевела взгляд на Лико, и он пояснил слова мужчины.

— Дальние пределы — это крепости на границы земель нашего короля. Они сдерживают диких волков и... чудищ, обитающих в Вечных лесах.

— Вечные леса?

— Одна из границ земель Демьяновых проходит по кромке Вечных лесов, которые распростёрлись на сотни, а то и тысячи километров, в чаще которых обитают чудовища, мутанты волчьего мира. Мамонты, саблезубые тигры, кабаны весом в несколько тонн. И многие другие создания, вымахавшие до невероятных размеров и обладающие жгучим нравом. И я не говорю о настоящих монстрах, машинах для убийств, которые думают только о крови. Чтобы вся эта пакость не лезла на территории волков, были созданы дальние пределы, обитатели которых следят за лесами и убивают монстров, если те вылезают из своих нор. Это последствия Дикой охоты. Если верить легендам, конечно.

— Туда обычно отправляют непокорных, своевольных, сильных, но глупых. Чтобы вправить мозги и направить в нужное русло, — мрачно добавил Арман.

— Как увлекательно, — покачала головой, выпивая очередной стакан воды.

Меня мучила необъяснимая жажда и вода никак не могла её погасить.

— Лико? Кого ты полюбил? И какой была твоя любовь?

— Это грустная история. Любовь не взаимна, нечего рассказывать, — невесело ответил Лико, старательно не смотря на нас обоих.

Будто деревянная поверхность внезапно может быть невероятно интересной.

— С чего ты решил? Расскажи поподробнее. Мне кажется, сегодня подходящий вечер для признаний.

Он ухмыльнулся, а затем тяжело вздохнул.

— У неё очаровательная улыбка и бесподобные глаза. Впервые поймав её взгляд, подумал, что на этом моя свобода закончилась. Так вышло, что оказались связаны работой и я долгое время был рядом. Но не делал ничего, чтобы сблизиться, ведь она ненавидит таких как я. Не хотел окончательно её потерять.

— Какие глупости, — протянула расстроено, а затем добавила: — И чем же всё закончилось?

Он уставился на меня с такой ясностью во взоре, что она граничила почти с ненавистью.

— Она ушла к другому, и, думаю, я упустил свой шанс. Мне не хватило смелости

признаться ей в своих чувствах.

— Ты говоришь в настоящем времени, Лико, — заметил Арман. — И ты говоришь о Елене и обо мне.

Взглядом была готова придушить волка. Не всегда полезно резать по живому.

— Арман, не порти вечер! Лико, не говори глупости! Сегодня мы не будем говорить о нас. Сегодня будем есть, пить, вспоминать прошлое, рассказывать смешные истории, болтать и развлекаться. Мы не будем выяснять отношения, грустить, ссориться или думать о будущем. Мне выпал последний шанс провести приятный вечер в компании галантных мужчин, и я не хочу, чтобы его испортить. Вы согласны со мной?

В ответ натуженные улыбки, ещё больше неловкости, которую не сразу, но удалось преодолеть. Это была наша первая полноценная беседа. Раньше мы никогда не разговаривали втроем. Только ссорились и спорили.

Подали жаркое из свинины. А спустя час пришёл черёд сладкого — фисташковое мороженое с шоколадным топпингом и вафельной трубочкой.

— Это было изумительно! Жанна превзошла саму себя! — блаженно поглаживая живот, негромко воскликнула, прикрыв глаза.

— У Жанны выходной. Еду доставили из ресторана, — обрубил восторг Арман. — Однако ужин и правда удался.

— Не можешь без колкостей! — мягко пожурела его.

Затем мы перебрались в гостевую комнату, где Арман разлил по бокалам с длинной ножкой сладкую настойку из черноплодки, густую, бордовую, плотную, почти как кровь. Её сладость пьянила и будоражила чувства. Казалось, что в комнате потух свет и остались гореть лишь свечи.

В молчании допиваем божественный напиток и неотрывно смотрим друг на друга.

Я вижу, как в почти полной темноте горят волчьи глаза. От этого даже зябко, но, под таким пристальным надзором, чувствую, как сбилось дыхание, как ускорило свой бег сердце и как затвердели соски под чересчур откровенным платьем. Задумчиво провела пальцами по ляжке, нежно выводя невидимую линию чуть выше груди, переводя взгляд с одного мужчины на другого.

— Это начало или конец? — тихо сказала, как будто обращаясь и не к ним.

Поднявшись с небольшого диванчика, поставила пустой бокал на кофейный столик, а затем встала так, чтобы быть на одинаковом расстоянии от них обоих.

Мне нужно решиться. Я так хочу этого! Больше не могу терпеть этого жаркого полдня, бесконечного солнца, пламени, опаляющей, сжигающей всё изнутри. Я должна ощутить **их обоих**. Об остальном подумаю завтра.

Мне хочется отвлечься от всего, что случилось. Хочется почувствовать себя желанной женщиной. Женщиной, которую любят и которую хотят.

Чувствуя дикость каждой клеточкой своего тела, чувствую и желание поиграть. Нежно улыбнувшись, быстро облизнув верхнюю губу, подошла к музыкальному центру и среди обширной коллекции дисков нашла один подходящий.

Музыка должна быть дикой, но медленной. Страстной, но мелодичной. С боем барабанов, ритмом, напоминающим биение сердца. Мужским сладким баритоном и женским дыханием. Такая музыка увлекает, делает движения более сочными, более красными, более плотными и щекочущими нутро.

Запрокинув голову, слегка наклонилась назад, прикрыв глаза, чувствуя неподвижность

волков. Я не видела их, но они как магниты, горящие огнём, притягивали к себе, маня и вызывая к дикой сущности.

Покачивая бёдрами в такт музыки, развернулась и посмотрела на них. Напряжённые, почти злые, они знают, чего хочу, но не знают, **как именно** я хочу. Большая разница.

И тогда пошла вперёд, неотрывно глядя на Армана. В глазах альфы мелькнула довольная искра победителя. В этой игре каждое движение — намёк, интрига, сказка. И как будто ходишь по острым осколкам да босиком, обнажённая, израненная, но живая.

Он взглядом приглашает меня. Зовёт, почти тянет, молча, лишь взглядом, но и этого достаточно, чтобы жар прошёлся по каждой клеточке души. От него веет песком и пламенем, сухим костром и далёкими грозами. Он так близко и одновременно так далеко! Он альфа, я готова ему покориться.

Но шагаю в сторону, отворачиваясь и устремляясь к Лико. К моему Лико. В какой момент это произошло? Когда заменила злость, усталость, раздражение и обиду на чувства причастности, почти любви и тепла? Мы связаны сотнями красных нитей, мы чувствуем друг друга на расстоянии, словно у нас одно тело на двоих и это до чёртиков пугает обоих. Но мы на одной орбите, кружимся друг вокруг друга, сталкиваемся, ругаемся, миримся и сближаемся до точки невозврата.

Подхожу совсем близко, слегка наклоняя голову набок, а затем решительно задираю платье высоко-высоко до бёдер и медленно сажусь к нему на колени, мельком глянув на Армана, который как грозовая туча, следит за моими действиями, сжимая руки в кулаки.

Я позволяю Лико вытащить заколки из волос, чтобы они опали густой шелковистой волной, распространяя по комнате запах жасмина и пряностей. Наклоняясь к нему, осторожно целую в губы, совсем бережно касаясь пальцами его лица. Тихо-тихо, чтобы не спугнуть, чтобы не разрушить то маленькое чудо, что просыпается внутри нас.

Лико обхватывает обнажённые бёдра, заводит руки назад, чтобы обнять, чтобы приблизить, чтобы не дать уйти.

Но всё равно выskalываю из объятий, ловя губами разочарованный вздох. Поворачиваюсь спиной, глядя только на Армана, а затем медленно, очень медленно растёгиваю платье и сбрасываю с себя, оставаясь в одном нижнем белье.

Движения вызывают в них такой сильный отклик, что всё внутри расцветает, и кажется, что краски так невозможно сочны, а музыка льётся бесконечными струями воды, и ритм, о этот божественный ритм! Пульсация в венах, острые волны в разгорячённом разуме. Кажется, что теряю рассудок, память, человечность, оставляя только звериную истину.

Медленно выхожу из гостевой, зная, что они последуют за мной. Обязательно последуют.

В своей комнате терпеливо зажигаю свечи. Удивительно, этот дом доверху набит электроникой, полон света и тепла, но почти в каждой комнате есть и камин, и свечи, и лампочки с фонариками. Словно Арман боится темноты. Словно он, янтарный зверь, нуждающийся в свете, чтобы сиять, чтобы гореть, чтобы **быть**.

Замираю в центре. Кто из них придёт первым? Арман, как альфа, решительный, нуждающийся в подтверждении своей силы, или Лико, стремящийся доказать свою любовь?

От открывшейся двери огонь свечей дёрнулся в разные стороны. По комнате пронёсся мускусный резкий аромат, грозовое чувство тяжести, влажности, сладости. Арман с силой схватил за горло, оттащил к стене, вжав в неё, приподняв над полом так, что касаюсь лишь

пальцами ног. Наказывает за навязывание своего поля игры.

Не сопротивляясь, приоткрыла рот и медленно обвела языком губы, приглашая поиграть. Руками прикасаясь к рубашке, расстёгиваю её, а затем едва дотрагиваясь спускаюсь ниже, к поясу. И тогда он отпускает меня, одновременно перехватывая мои руки и резко прижимая их к стене над головой. Из его груди доносится рычание, глухое, вибрирующее, тёмное, а глаза, невозможные яркие янтарные глаза распалются, взрывают меня пламенем и огнём.

Вновь вижу пустыню. Вновь вижу молнии, гром и вспышки света. Чувствую горячий ветер на губах — он целует с такой пылкостью, с такой жадностью, с такой невозможностью, что внутри взрывается вселенная, взрывается сверхновая, рождается янтарная звезда.

Запрокинув голову, подставляю шею, мечтая об одном — **принадлежность**. Триада. И покорность. Хочу родиться рядом с ним вновь и вновь. Хочу быть под ним. Хочу быть частью его. Быть его.

А он подхватывает на руки, относит в постель и оставляет там, отходя в сторону, наблюдая за моими действиями.

Потянувшись всем телом, ложусь на живот, как кошка, подгибая колени и вытягивая руки. Волосами скрывая лицо, выгибаюсь, разминая каждую косточку, а затем закрываю глаза в ожидании.

Откуда знаю, что делать? Откуда во мне это предчувствие чего-то долгожданного? Вещи и предметы ускользают прочь, но ясность разбирает каждое движение на составные. Сегодня точно знаю, чего хочу.

От сквозняка сдвинулся свет, свечи разбросали рыжие лучи по комнате, на грани слуха слышится шипение фитилей, потрескивание огня, капает расплавленный воск, а в воздухе усилился аромат корицы, сквозь который явственно пробивается более сильный запах парафина.

Зажмурилась от нетерпения. Мурашки холода оголили кожу, сделав меня более восприимчивой к прикосновениям. Прямо надо мной от затылка вдоль позвоночника, не касаясь, спускается мужская рука, жаром опалая, растопляя лёд, вновь пробуждая сердце. А затем он касается меня и я непроизвольно вздрагиваю от неожиданности.

Он положил руку на талию, слегка поглаживая, а затем, демонстрируя власть, резко намотал волосы на кулак и медленно запрокинул мою голову назад. Встретившись взглядом с янтарными глазами, не посмела улыбнуться, не посмела засмеяться или вырваться. Я позволила оранжевому блеску вновь затянуть на дно и медный привкус его поцелуя обжёг внутренности пламенем.

Падая на постель, увлекаю за собой, острыми ногтями царапая спину до крови, прижимаясь ногами к нему, словно стремясь поглотить, вобрать в себя каждую частицу его тела. Он позволяет мне делать всё, что хотела делать последние месяцы, недели, дни.

Чёртовы девичьи запястья! Он обхватывает их одной рукой и прижимает к моему телу ниже груди, подавляя, почти принуждая. Я полностью раскрыта перед ним, покорная, но готовая в любой момент обратно перехватить контроль и мы понимаем, что я сделаю это. Если захочу.

И тогда же, как тень, позади нас появляется Лико. Вихрастый, непростительно серьёзный, даже злой, он тёмный в противовес пламени свечей. Но сквозь его открытые желания проступает нечто более первородное, нечто волчье, нечто дикое.

Я опрокидываю Армана на лопатки и «седлаю» его сверху, глядя только на Лико. Делаю то, что когда-то обещала сделать, но не зная, что именно обещаю. Я действительно вступила в игру и она подходит к своей кульминации.

Ногтем нажимая на грудь волка, с силой провожу линию и тотчас выступает кровь, а за ней недовольный, почти обескураженный рык Армана. Его глаза разгорелись в темноте, а по телу прошла жаркая волна предвестника трансформации. Я пробую зверя на вкус, а затем бью его по щекам, сильнее сдавливая бёдрами. Мы всего лишь играем на публику, играем перед нашим единственным зрителем, чьи льдистые глаза холодом обдают наши сердца.

Притворный вздох, запрокинутая голова, жаркий поцелуй, пьянящее чувство свободы и наслаждения. Арман подхватывает меня, поднимая вверх, и я знаю, чем это закончится. Знаю и чувствую, как к нам приближается Лико. Одним движением он разворачивает меня, впиваясь в губы почти выгрызая из объятий Армана.

Это похоже на войну, похоже на наркотик, на последний кайф, когда тебя держат двое мужчин, когда запахи в комнате настолько остры, а капли пота выступают из каждой клеточки оголённых электричеством пор. Когда всё яркое, жёлтое, красное, как шёлк, как шерсть, как сама природа, играющая в игры любви и ненависти.

Мне видятся снег и горы, белоснежные шапки, горные ручьи, а за ними пустыня с корягами, ящерицами и змеями. Видится бой барабанов, белое пламя костра, крики мужчин, потрясающих костями убитых зверей. Видится как шумна потрескавшаяся от невыносимого пекла земля, слышится сухой гром и молнии вспарывающие землю и я знаю, что за горизонтом дремлет нечто невообразимо древнее, мрачное, но тёплое, окружённое непроходимыми чащобами, лесами и горами.

— Вернись, Елена, — едва слышный шёпот.

И я возвращаюсь в комнату, возвращаюсь к своим мужчинам, пробираясь сквозь фантазмагии, сквозь фату-моргану, обратно к ним, в их объятия. Меня не покидает невыносимый жар обнажённой пустыни.

Я вбираю их в себя, зная, как легко можно потеряться в тройке, как легко можно лишиться своего я и как необходимо сделать это именно сейчас.

Стать частью триады, частью семьи. И тогда каждое движение как амброзия, как истина в последней инстанции — здесь нет ничего обозлённого, постыдного, плохого.

Нас трое, а кажется, что только один.

О чём думала, выбираясь из постели в четыре утра и подхватывая заранее спрятанную сумку? О чём думала, глядя на спящих мужчин, чьи напитки были отравлены моей собственной рукой?

Эльза обо всём позаботилась, они проснуться только когда уже буду в поезде. Мы всё сделали правильно, никто ничего не заподозрил. Я загримировала лицо, спрятав шрам, изменив причёску, выбрав неброскую одежду. Всё, как учили, почти по учебнику. А выйдя из комнаты направилась на кухню, так быстрее дойти до гаража.

Ненадолго замираю перед зеркалом в шаге от открытых дверей кухни. Ещё есть время остановиться. Вернуться к ним.

Взгляд цепляется за трещину, идущую вертикально, зазмеившуюся другими царапинами, рубящей лицо надвое. Даже сейчас, под толстым слоем штукатурки чувствую отражение этой рваной раны зеркала, последний след безумия Лико.

Я поступаю подло? Я плохой человек? Рука метнулась к шее и разочарованно опала

вниз. Только один шрам. Только один.

Поджав губы, отворачиваюсь и иду прямо... к ней. К милой женщине. К Жанне.

Она сидит спиной ко входу, гордая осанка, рука, положенная на стол рядом со стаканом молока, печеньем и огромным двадцатисантиметровым ножом с гладкой и блестящей, чёрной рукояткой. Её волосы убраны в пучок, а при слабом свете небольших ламп кажется, что она вообще не движется, настолько неподвижно женщина сидит на стуле.

Одним движением врубаю верхний свет, но Жанна даже не шевельнулась, не вздрогнула. Только медленно повернула голову, а заметив меня, широко, почти безумно улыбнулась, развернулась корпусом и встала из-за стола.

— Елена!

Даже голос женщины изменился. С негромкого, почтительного и почти грудного, он поднялся на несколько октав, приобрёл пугающую мелодичность, почти кукольную театральность. Она выглядела совершенно счастливой. Жутко счастливой. Невозможно счастливой и невероятно хорошо. Как будто помолодела на десяток лет, плечи расправились, волосы завились, морщинки ушли. И в глазах проявился голубой отблеск, на грани видимости, на грани яркости. Она совсем недавно приняла неон и стала частью семьи.

— Жанна, — говорю утвердительно, показывая, что знаю, что с ней.

Она демонстрирует голливудскую улыбку, а затем разводит руки в стороны.

— Ранний завтрак или поздний ужин? Не желаешь стакан молока с печеньем? Я сама испекла! Овсяное с шоколадными крошками!

— Нет, мне не нужно печенье. И молоко тоже не нужно, — выдавила из себя, выпуская из рук дорожную сумку и она грохнулась об пол.

Взгляд Жанны из безумно-счастливого сделался просто безумным и она облизнула губы.

— Ну и сучка же ты, — резко заявила она. — Он ведь тебя действительно любит. Бескорыстно. Целиком и полностью.

— Он не знает, что такое любовь, — отвечаю очень осторожно, чувствуя, как начинают дрожать пальцы. — Жанна...

— Возвращайся в семью, Елена, — хрипло продолжила она, безучастно глядя сквозь меня. — Возвращайся домой, мы ждём тебя. Мы скучаем по тебе. Мы любим тебя.

— Я...

— Твоя сестра болеет по тебе, Елена. Но она перестанет страдать, как только присоединиться к нам, — в голосе Жанны послышалась угроза и она сфокусировалась на мне. — Меня приняли в семью ради тебя. Из-за тебя. Всё ради тебя. Ты наполнила мою жизнь смыслом.

— Что они сделали с моей сестрой?! — сорвалась на крик и Жанна дёрнулась, её зрачки расширились и она побледнела.

Её лицо заблестело, покрывшись каплями пота. Измученная лихорадочная красота, боль и трепет. Страдания, которых быть не должно. Это вселяло истинный ужас, будто в кухне, кроме нас двоих, есть и он.

— Я должна передать тебе слова, — проямлила она, вновь потеряв концентрацию.

Из женщины словно воздух выпустили, она перестала выглядеть цельной, словно разом лишилась безумного стержня. Она провела рукой по столешнице, а затем резко ударила себя по голове. И ещё раз в висок.

— Сосредоточься! — прошипела она, опираясь о стол.

Я не понимаю, что с ней происходит. На неё так влияет наркотик? Его отсутствие? Что с ней такое? Может она сопротивляется? Разве можно сопротивляться неону?

— Ты должна вернуться в Москву к нему, иначе он заберёт твою сестру вместо тебя. Возвращайся одна. Немедленно. Прямо сейчас! — в конце Жанна сорвалась на крик и гневно уставилась на меня.

— Но я...

— Сука, — разом успокоившись, просто заключила женщина.

А затем взяла нож со стола, криво усмехнувшись, увидев, как я дёрнулась.

— Всё ради семьи, Елена. Всё ради него, — почти умиротворённо прошептала она и улыбнулась.

Улыбка не сходила с лица и тогда, когда Жанна одним движением перерезала себе горло.

Глава 12. Выход из игры

Когда за окном метель и пурга,

Приди же ко мне дорогая весна.

Слёзы мои с лица ты сотри,

Как будто бы не было этой зимы.

Закричали стены. Воздух, взрезанный, выкрашенный в монотонный тяжёлый цвет, исчез из лёгких, как и движение, как и крик. Бросаю своё тело вперёд, перелетая через массивную столешницу, сбивая стакан молока, отдалённо слыша скрип и звон, почти хрустальный, почти настоящий. Падаю на пол и сразу же, неуклюже, ползу к ней, обхватывая тонкую шею руками, сжимая с такой силой, что наверняка побелели пальцы. А кровь бьётся, как рыбы подо льдом, выбивается из-под фаланг, такая густая, такая сочная и яркая на белом кафельном полу, она повсюду, она уже везде.

— Нет-нет-нет! — запричитала, закричала, завопила шёпотом, а затем сжала зубы до скрипа, до рези, до боли, всматриваясь в её глаза.

Боже, у неё такие невозможные, красивые глаза! Зелёные, насыщенные, живые. Она смотрит безучастно, устало. Вижу, как быстро всё уходит. Как исчезает жизнь.

— Не умирай! Чёрт бы тебя подрал, только не умирай!

На её щеку приземлилась первая капля — моя слеза скатилась к уху и в ответ её глаза наполнились влагой.

Жанна умерла, даже не попытавшись что-то сказать. Она ушла легко и быстро, а кровь всё ещё просачивалась сквозь ослабевшие пальцы. Я отпустила её, прижимая руки к лицу, не скрывая рыданий, не скрывая свою боль.

Прислонившись к ножке стола, плакала, смешивая кровь со слезами и видя, как быстро под телом женщины расплзается лужа, поглощая и мою обувь, и разбитый стакан, и пролитое молоко с печеньем.

Повсюду кровь, одна лишь кровь и в её отражении вижу **всю** кровь, что видела ранее. Всё, что делала сама, что делали другие, что было рядом.

Нет ничего кроме крови. Весь мир — одна лишь кровь.

Чтобы смыть грязь, кровь, пот и слёзы потребовался жалкий час. Примерно столько же ушло, чтобы наложить новый грим и переодеться. Я покидала поместье на рассвете, окружённая густым туманом и утренним пением птиц. Почти пасторальная картинка, наполненная нежно-розовыми и голубыми оттенками, запахом росы, свежести и хвои. Такие контрасты больше всего выбивают из колеи. Как может быть так красиво, когда внутри обрываются натянутые струны?..

Из всего обширного автопарка выбрала самую неприметную машину стального цвета отечественного автопрома, рассчитывая с ней расстаться на ближайшей станции, там пересесть на электричку, приехать в города, а уже оттуда тронуться в Москву.

В голову пришла мысль — я невольно повторяю путь неизвестного стрелка. И как он оставляю после себя боль и кровь.

Выезжая за пределы территории, смогла немного перевести дух. Самый сложный момент пройден — охранники и не думали меня останавливать. Я взглянула на своё отражение в зеркале заднего вида. На мне широкие солнцезащитные мужские очки, а на голове капюшон, прикрывающий лоб. Нужно быть как можно более незаметной, почти серой невидимкой. Взгляд должен скользить мимо, будто меня и вовсе нет.

Что теперь делать? Что мне теперь делать?

Наш уговор с Эльзой не подходит к нынешней ситуации.

Меня ждут люди Эльзы в том самом полузаброшенном пионерском лагере. Они помогут связаться с сестрой и если она заражена, то попробуют разорвать связь с Алхимиком и обеспечат запасом неона, которого должно хватить на несколько лет. А дальше остаётся надеяться, что найдётся лекарство и её вылечат.

Всё спланировано. Все варианты предусмотрены.

Но Кай опередил меня. Вновь чувствую тень волка над собой. Чувствую, как он касается меня, шепчет на ухо свои дикие желания. Чувствую слабость, беспомощность, ледяное желание сдаться.

Только-только перестали сниться кошмары-воспоминания о прошлом. Только-только вновь начала улыбаться и думать о будущем. Стрела с ядом аконит разрушила всё. Пострадал Лико. Сестра в опасности, а Жанна мертва.

Он вновь влез ко мне в голову. Словно опять падаю в невесомость. Вся моя жизнь — сплошное падение в пропасть.

Визг тормозных колодок, резкий правый поворот, крик и я чуть не въезжаю в дерево. Ремень, выбив воздух из лёгких, удержал от соприкосновения с рулём. Глубоко дыша, повернулась влево и уставилась на огромного серого волка почти метровой высоты в холке, неподвижного, широкоплечего, массивного зверя.

Он неотрывно смотрит, а затем задирает голову и громко воет. Оборвав жутко-красивую песню, вновь смотрит в мою сторону, а затем медленно уходит в лес на той стороне дороги.

— Так не бывает, — поражённо сказала вслух.

Встретить волка именно сейчас показалось дурным знаком. Это как будто ожили волчьи сны.

Я бросила машину неподалёку от станции, купила билет на поезд, натянула капюшон пониже и, прислонившись головой к стеклу, попыталась поспать. Сегодня первое мая, поэтому в вагоне всего несколько человек. А колёса стучат, голову неудобно держать, постоянно ударяюсь о стенку. Поменяв положение, запрокинулась и уставившись в потолок. Серый, в разводах от пыли и грязи.

В оконное стекло бьётся муха, она то ползает вверх-вниз, то начинает прорываться наружу. Лёгкий ветер лохматит волосы и немного прохаживается по лицу, чуть-чуть освежая его после бессонной ночи.

Здесь всё так меланхолично-тихо. И привычно-спокойно. Даже не верится, что совсем недавно всё было иным. Я была иной.

Посмотрев на руки, убедилась, что они больше не дрожат. А поднеся к носу, уловила едва ощутимый аромат железа и кожи. Без медного привкуса.

Чуть спустившись вниз, скрестила руки на груди и вновь отвернулась к окну, за которым

проносились сельская пастораль. Берёзки, сосенки, дубки, поля, какие-то озёра, речки, вон церковь золотится на горизонте, а вот и пустая остановка, мимо которой, не снижая скорости, проносится наш поезд. И всё по новой.

Небо нахмурилось, приделось густыми тёмно-серыми облаками, деревья гнутся, гуляет ветер, солнце только успело выбраться из-за горизонта, как уже умудрилось скрыться за тучами, погрузив ранний весенний пейзаж почти в осеннюю картинку.

Моя первая и последняя весна в Санкт-Петербурге.

Больше не вернусь в этот город, как бы не сложилась моя судьба. Мне нечем бить карты. Кая, он будет сторожить сестру как настоящий цербер, а значит шанс попасться весьма велик. И чем всё закончится? Неужели вновь стану зависимой? Или же у меня выработался иммунитет? А он, заполучив меня, действительно отпустит сестру?

Мы с Ингой никогда не были близки. Слишком разные как по характеру, так и внешне. Она пошла в отца, в детстве была солнечным зайчиком, рыжей-рыжей и кудрявой. Потом, с возрастом, рыжина успокоилась, перешла в стойкий каштан, а волосы из-за длины перестали так отчаянно виться и выпрямились.

Мы с ней — огонь и лёд. Я чёрная, она светлая. Если Инга как солнышко, добрая, общительная и весёлая, то я всю жизнь была молчаливой, осторожной, внимательной, а иногда даже злой. Разница в характере не делала нас врагами, но подругами никогда не были и частенько в детстве ссорились по пустякам. Раньше думала, что родители любят её больше потому что она младшенькая, так ведь бывает в семьях. Но теперь знаю почему всё так сложилось.

И от этого ещё больнее. Из-за меня, девчонки, которую уберegli от страшной судьбы, их родная дочь оказалась в большой опасности. Я магнит для неприятностей.

Поезд остановился и в вагон зашли новые пассажиры. Небольшая компания молодых ребят с рюкзаками и сумками, что-то бурно обсуждали, устраиваясь неподалёку. Весёлые, немного сонные, но абсолютно довольные жизнью походники-студенты.

Интересно, как сложилась моя жизнь, если бы пошла с Женькой? Я бы не привлекла внимание Артёма, не переспала бы с ним, не было бы похищения и встречи с Каем. Нормальная жизнь? Или судьбу не обманешь?..

Тогда не встретила бы их. И не было бы сегодняшней ночи. Никогда не почувствовала то, что почувствовала. Не испытала бы такой ясности, искренности, тепла.

От воспоминаний поёжилась. Холод между лопаток. Я сделала нечто плохое. Бросила их, оставив Жанну на грязном полу кухни. Кто найдёт её? Кристина? Олеся? Или Лико. Арман? Поймут ли, что с ней случилось? И что она покончила с собой?

Напротив шумно упала сумка, следом за ней молодой парень с огромным родимым пятном на щеке.

— Не возражаешь? — хрипло спросил он, заметив мой взгляд.

Отрицательно мотнула головой, стараясь не пялиться на его лицо.

Однако парень всё равно поджал губы, а затем надел огромные наушники и включил плеер, на максимум выкрутив громкость, заглушая окружающий мир чересчур громкими басами.

Интересно, как он живёт с такой внешностью? По виду и не скажешь, что скрывается от мира. Яркие кислотные шмотки, волосы ёжиком, во все стороны торчат, жестикуляция активная и открытая. Похоже парень совсем не стесняется, хотя видно, что ему неприятны чужие взгляды. Он борется со своими страхами здоровым пофигизмом и наплевательством.

Возможно так даже лучше. В своё время я так не смогла.

Безумно захотелось проверить, как лежит грим, не проступили ли очертания шрама, не испачкала ли капюшон тональным кремом, но сдержалась, отвернувшись к окну. Совсем скоро приеду в Питер, а там Московский вокзал, очередной поезд, дорога и, наконец, Москва.

Выбрасываю сигарету в урну, переступаю порог вытянутого в длину здания, полностью, с головой, окунаясь в шум, ловя обрывки чужих разговоров. Взгляды незнакомцев равнодушно скользят по лицу, а над залом проносится звонкий, но неразборчивый голос диспетчера. Высоко над нами пролетают голуби, меня чуть не сбили крупным чемоданом, дважды наступили на ногу, обругали злобно, но никто, совершенно никто меня не увидел!

Я, вместе со своим небольшим рюкзаком, органично влилась в утреннюю сутолоку, лавируя между прибывшими, уезжающими и просто скупающими. При покупке билета потребовалось всё моё мужество — паспорт поддельный. Я впервые пользуюсь фальшивкой, тем самым открыто нарушая закон. Спина взмокла от волнения, руки влажные, улыбка нервная, а женщина за стойкой сонная, так что всё прошло быстро и как по маслу.

Пожелав лёгкой дороги, она выдала билет, чек и вернула паспорт. «Следующий!»

Выйдя на перрон, немного поблуждала, нашла закуток курильщиков, выкурила ещё одну сигарету, мысленно собирая себя по кусочкам, а затем, найдя нужный поезд и вагон, загрузилась в своё купе, порадовавшись, что койка верхняя: собираюсь проспать все восемь часов пути.

Запрокинув голову, уставилась на облупившуюся стенку, на которой по-английски накарябана странная фраза: «We will find you». Задумчиво проведя пальцем по шершавой поверхности, быстро утратила интерес, мысленно настраиваясь на сон. Если не посплю сейчас, то уже никогда не смогу выспаться.

Интересное слово «никогда». Оно довольно часто стало возникать в моём лексиконе. Я больше никогда не буду безмятежно спать. Никогда не расслаблюсь. Никогда не доверюсь никому. Никогда не вернусь домой.

Последняя мысль оказалась такой острой, что невольно открыла глаза, сдерживая себя, стараясь не раскиснуть. Наши желания сбываются иногда так причудливо-пугающе.

— Ну здравствуй, Елена.

Скосив глаза, увидела довольного Армана и мне моментально расхотелось спать. Более того, идея исчезнуть или провалиться сквозь землю показалась необычайно заманчивой. Вот уж действительно: «Мы тебя найдём»!

Одетый в стильный демисезонный плащ, под которым скрывалась белоснежная рубашка и чёрные брюки, немного взъерошенный, немного сердитый. Но в глазах не видно, что он действительно зол. Прислонившись к дверце купе, мужчина поправлял часы на запястье, с хитрой улыбкой рассматривая в упор.

— Уже пора начинать бояться? Как ты меня нашёл? — не выдержав затянувшейся паузы, спросила, приподнимаясь на локтях.

— По паспорту, — лаконично ответил он. — Связаться с Эльзой была не лучшая твоя идея.

— Значит она сразу сдала меня? — спокойно переспросила, хотя мысли быстро наполнились гневом.

— Елена! — укоризненно воскликнул Арман. — Эльза умная женщина — когда два

волка припёрли её к стенке, она быстро сообразила, в какие игры играть не стоит.

— Но как...

— Ты слишком плохо шифруешься. Лико сразу догадался, зачем ты вчера разговаривала с Эльзой. А она просто хотела отвадить тебя от Лико. Неважно каким способом.

— Я не вернусь в поместье! — заявила с вызовом.

Вместо ответа, Арман за два шага оказался возле меня, заставляя отпрянуть к стенке. Он был таким высоким, что мы почти на одном уровне. Мужчина положил руку мне на живот и слегка сжал, а затем провёл ею по телу до лица, особенно нежно касаясь губ.

— Мы оба знаем, что эта часть наших взаимоотношений закончилась, — шёпотом заявил он, отступая и отворачиваясь к окну.

— Что теперь будет? — колючий холод прошёл по местам, где только что была его рука.

Стало зябко и я подтянула к груди колени.

— Единственная причина, по которой ты так ломанулась в Москву, это твоя сестра. Жанна была неонезированна. Значит Кай вышел на контакт и Инга у него в руках, — издали начал он. — Я исполню ваш с Эльзой план, а потом ты исчезнешь.

— Лико...

— Он ждёт нас в купе первого класса. Не волнуйся, у меня уже есть пара вариантов, как вас развязать.

— Я рада, что прошлая ночь была...

— Особенной, — Арман развернулся, окатив ледяным взглядом. — Но ты человек. Я не хочу мучить нас троих. Я никогда по-настоящему не рассматривал тебя как часть триады. Триединство — это навсегда, а ты, даже под воздействием укусов, состаришься слишком быстро. Этот союз принесёт слишком много боли нам всем, так что будет лучше, если мы на этом остановимся. Помнишь нашу сделку? Ты выполнила свою часть, теперь моя очередь.

— Да. Всё так. Именно это я и хотела сказать, — вымученно улыбнувшись, кивнула его словам. — Тогда вперёд, на Москву!

Спрыгнув с верхней койки, расправила одежду и быстрым шагом вышла в тамбур. Мне не хотелось, чтобы он увидел, как пытаюсь сдержать боль, прорывавшуюся сквозь грудную клетку.

По глазам Лико ясно — он ни о чём не догадывается. И его обвинения тоже выглядели вполне настоящими. Он действительно переживал, ему действительно больно от того, что сбежала, добавив снотворное в их напитки. Единственное, о чём не сожалел — наша близость прошлой ночью. Та связь, что есть между нами, показывала ему, что всё было искренне и по-настоящему.

Именно поэтому мои слова для Армана оказались такими жалкими — он знает, что я лгу. Знает, что чувствую. И от этого больнее всего.

Потребовалось время, чтобы успокоиться и осмыслить то, что случилось. Наша игра с Арманом вышла на новый уровень, и я так устала играть, будучи новичком. Я делаю ход, а он делает десять. Как уж тут выиграть?..

В результате всю дорогу до Москвы проспала рядом с Лико. Присутствие волков почему-то расслабило меня. Поместье быстро стало моей зоной комфорта и, покинув его, всё время была в дичайшем напряжении, боясь всего и вся. Словно весь мир против меня. Только рядом с волками, под их защитой, смогла успокоиться и даже поспать.

С поезда сошли раньше, так как появляться на Ленинградском вокзале в высшей степени глупо. Арман раскритиковал мой образ, сказав, что хоть я и спрятала шрам, но моя внешность всё равно привлекает внимание. Они знают, как я выгляжу. Мне стоило хотя бы надеть парик или перекрасить волосы.

Наступила ночь и солнце скрылось за горизонтом. На станции, кроме нас, было всего несколько человек. Арман ушёл подыскивать такси, а мы с Лико остановились в небольшой придорожной забегаловке с клетчатыми красными клеёнками, слишком ярким светом от потолочных ламп и громким телевизором. Крупная официантка меланхолично приняла наш объёмный заказ, слегка постукивая ручкой по засаленному блокноту, а пара дальнобойщиков, сидящих в отдалении, шумно обсуждала только что закончившийся матч.

— Ты как? — спросил Лико, устало откинувшись на спинку стула.

— Не отказалась бы всё забыть и вернуться домой.

— Твои родители волнуются о тебе и Инге, — слегка нахмурившись, сказал он. — Арман как мог успокоил их, но они всё равно переживают. Ты ушла, мы не знали где ты, что случилось, Жанна в луже крови, охрана, заявившая, что ты совершенно спокойно покинула поместье...

— Я же извинилась! Что мне ещё сказать? Кай предупредил через Жанну, что будет, если приеду не одна! — мне не хватало твёрдости в голосе и Лико видел это.

— Мы справимся с Каем, если будем действовать вместе. А будучи одной — ты вновь стала бы членом семьи, — Лико наклонился вперёд и обхватил мои руки, слегка сжав и проникновенно уставившись в глаза.

В его невозможно красивых голубых глазах читалась мягкость, теплота и любовь. Я осторожно высвободилась и, спрятав руки подмышками, облокотилась о стул.

Парень разочарованно вздохнул, ненадолго уставившись в потолок.

— Я понимаю.

— Дело не в тебе. И не в нём. Всё дело во мне, — отвечаю осторожно, тщательно подбирая слова. — Я не готова к такому. Я должна вернуть Ингу родителям, а потом хочу забыть всё, как страшный сон. У меня просто нет сил.

— Елена, ты боец, хоть и не хочешь признавать это. Тебе хочется играть слабость, хотя на самом деле в тебе больше силы, чем во мне или Армане. Иногда эта сила прорывается и тогда ты поступаешь так, как действительно хочешь поступать, но потом, осознав, сколько смелости в тебе есть, прячешься обратно в раковину и словно засыпаешь. Прошедшей ночью ты была великолепна. Я увидел в тебе волчицу...

— Не говори так! — резко оборвала его, потирая руки.

Не хочу, чтобы он говорил о ней.

На громкую реплику обернулся один из мужчин, заметив, что всё в порядке, вернулся к экрану телевизора, вновь поглощая огромную кружку пива. В тот же момент официантка по имени «Марианна» принесла еду и напитки. Посмотрев за окно, перевела взгляд на часы, а затем обратно на улицу. Арман задерживается, от этого начинаю нервничать.

— Лико, скажи, а все волки в первый раз обращаются в подростковом возрасте?

Прежде чем ответить, он разложил приборы и разлил по чашкам горячий чай. Только после этого посмотрел на меня, показывая, как неприятна эта тема.

— Да, — односложно ответил парень, приступая к трапезе.

Мы поели в молчании, оба наблюдая за соседним столиком, где дальнобойщики, не стесняясь в выражениях, обсуждали проигрыш любимой команды.

— Как это происходит? Как это было с тобой?

— Откуда такая любознательность? — раздражённо проворчал Лико, отставляя пустую тарелку в сторону. — Это просто происходит со всеми, в ком есть волчья кровь!

— Двое мужчин и одна женщина, я права? — продолжаю гнуть свою линию.

— Ну да, только так.

— А ты можешь быть только с человеком? В смысле будут ли от этого союза дети? Какими они будут?

Лико смутился и отвёл взгляд. Несколько раз кашлянув, протёр губы салфеткой, выигрывая время, подбирая подходящие слова.

— Я дам пример, чтобы ты поняла, как это работает. Наш ребёнок родится человеком. У тебя с Арманом никто не родится. Ребёнок в триаде родится волком. Но для того, чтобы обратиться, ему необходимо вернуться на родину.

— Что?

Сердце пропустило удар. Кажется, нащупала то, что искала. Однако Лико неправильно понял мой вопрос.

— Если мы уедем, то сможем прожить нормальную человеческую жизнь. Я смогу сдерживать в себе волка, Елена. Я всё изменю ради тебя. Ведь без превращений, я обычный человек. И проживу не дольше чем ты.

Он вновь потянулся ко мне и в этот раз не стала отворачиваться. Во мне билась одна мысль. Мир волков. Что будет, если окажусь в мире волков? Действительно ли во мне течёт волчья кровь? Поэтому удалось избавиться от влияния неона? Поэтому иногда веду себя как волчица? Вопросы сыпались как из рога изобилия, я настолько в них погрузилась, что пропустила начало разговора Лико по телефону.

— Да, хорошо. Тогда так и поступим. Увидимся завтра, — твёрдо проговорил Лико, отстраняясь и немного нахмутив брови.

— Что такое? — сразу всполошилась, вновь обращая внимание на время.

Арман всё ещё не пришёл.

— На улице ждёт такси. Арман присоединится завтра.

— Что случилось?

— У него есть идея, как вытащить твою сестру. Завтра он всё расскажет.

Лико вышел из-за стола и подошёл к кассе, чтобы расплатиться за ужин. Оставшись одна, уставилась на руки, подмечая вновь нервную дрожь пальцев. Всё происходящее — как нырнуть в бассейн без дна с акулами и пираньями. Безумное погружение.

Вновь глядя за окно, замечаю двух молодых девушек, пересекающих площадь перед станцией. Они совсем юные, в коротких платьицах и расстёгнутых куртках. Одна что-то с жаром втолковывает другой, а та смеётся без остановки. И по тому, как они двигаются, как говорят, ясно, они близки — лучшие подружки, почти семья.

Я завидую им. Всё, с чем столкнутся, понятно и пройдено сотнями подростков до них. Никаких неожиданностей. Рядом всегда будут те, кто поможет, кто объяснит, что делать. Есть пути, куда идти, есть будущее.

А есть ли оно у меня? Закончится ли этот марафон боли? Что останется от меня, когда всё закончится?

Смотрю на них, когда проходят прямо перед окнами кафе. И тогда перехватываю взгляд одной из них. И вижу тот самый, голубой отблеск в глазах. Эта девочка принимает неон.

Глава 13. Белый флаг

Мне бы смелости набраться,
Выпить яд до дна — мой аконит.
Но не сгинуть, не потеряться,
Став до кончиков когтей другой...
А под странный бесконечный
волчий злобный вой -
Не страдая, не мечтая,
О любви большой желая,
Жить, и только так, как хочет сердце,
Глупое, невинное, моё.

Когда Лико выбежал на улицу, они уже скрылись за поворотом. Теперь не поймёшь — узнала она меня или нет? Хорошо, что я чувствую их, а они меня нет. Эта односторонняя связь прекрасно действует, как будто у меня есть суперсила. Лико предупредил, что в Москве неонезированнах больше, так как здесь располагается завод по производству неона, скрытый известным названием какой-то фармы.

В небольшой стильной гостинице неподалёку от метро Маяковская, нас ожидал шикарный двухместный номер, горячий душ, поздний кофе и сонный разговор ни о чём. Несмотря на то, что удалось поспать в поезде, мягкая постель быстро расправилась с ложной бодростью и я вырубилась как младенец. Завтра будет новый день.

Завтра мы спасём Ингу.

Сон начинается с того, что вновь сбегая из поместья, только никто не идёт за мной и я приезжаю в Москву одна, прямиком на Цветной бульвар. Теперь там роскошный косметический центр. Вежливые девушки, приятные доктора, косметологи. Они вертятся вокруг, как птицы. Сбивают с толку, слова не дают сказать:

— Вам жизненно необходим полный комплекс процедур! Ваша кожа нуждается в воздухе, а волосы в свежести! И этот шрам, его нужно убрать! Стереть, вычистить, удалить! И пилинг! И как же без маникюра/педикюра? Всё, никаких возражений! Глубокая эпиляция, шугаринг, но сначала пластика — шрам в первую очередь! И нос поправим! И цвет глаз сменить на голубой! Серые — как у мышки — тоскливо, а голубой — ультрамодный! Неоновый!

Пытаюсь вставить хоть слова, постоянно перебивают и легко-легко, но цепко, тащат вглубь здания. Повсюду белый, голубой и фиолетовый цвет, всё сверкает прозрачностью и простором, высокие лампы слепят глаза, в воздухе витают нежные лиловые ароматы, среди которых затесался и хищный вкус полевых цветов.

Повсюду мерещится неуловимый среди иных запахов аконит. Фотографии фиолетового цветка открыто висят на стенах, а на каждой удобной поверхности вазы, забитые под завязку этим растением. Чуть сосредоточившись, вижу, как из них на пол льётся вода.

Я как не в фокусе, всё вновь потеряло чёткость, только вода льётся водопадами, шумно, громко, мокро, волосы от влаги потяжелели, прилипли к спине, лезут в рот, в глаза, ещё больше путая. Мы идём быстро, и чавкающий звук от ног, погружающихся в очень мокрый ковёр, звучит всё громче и громче. Вода поднимается, она уже по щиколотку, но никто этого не видит.

— Здесь повсюду вода! — почти кричу, но они улыбаются.

Белоснежные зубы, очаровательные улыбки, нет-нет, да и мелькнут волчьи клыки, а голубые ясные глаза окрасятся в желтизну и вместо смеха раздаётся негромкое утробное рычание. Моргнёшь и всё в порядке.

— Моя сестра...

— Прошу сюда! — восклицает секретарша, открывая двери и вталкивая внутрь...

Внутри операционной. Наслоение — я уже лежу на столе, связанная, зафиксированная, чтобы не дай бог шевельнулась! Такую операцию, разумеется — к сожалению, проводят без наркоза. Печальным голосом заявляется ассистентка хирурга. И добавляет, что он скоро будет здесь.

Почему не удивлена, что это Кай?

Вся комната — красно-чёрная. Красные стены, чёрный пол. Красная форма врачей, чёрное покрывало на мне. Красный потолок, чёрная жижа стекает из вентиляции, капает невидимыми из-за обилия чёрного цвета каплями на пол. Капает на лицо, грудь, живот, попадает в рот и чувствую — это кровь. Чёрная, как смоль, солёная как море, кровь.

Грянула музыка. Пронзительно-торжественное, вызывающе-злое, под такую мелодию следует убивать. Или устраивать кровавые свадьбы.

— Я позабочусь о тебе, Елена, — шепчет на ухо Кай, а ассистент стирает тампоном кровь с лица, обеззараживая для будущей операции. — Ты будешь такой же красивой, как и я!

Его лицо, скрытое маской, удлиняется и я вижу, что на руках с зажатым скальпелем, появляется шерсть. Пытаюсь закричать, но рот сам по себе стягивается толстыми стяжками, отчего раздаются лишь стоны боли, тихие, невыразительные. Вновь слышится рычание и я вижу повсюду волчьи морды. Все присутствующие здесь — волки. Они скалятся и веселятся. Начинается операция.

Если бы могла — кричала бы от боли, срывая стяжки, выдирая нитки, но нет возможности даже вздохнуть. Задыхаюсь, а Кай с бешеным взглядом вскрывает лицо скальпелем, приговаривая:

— Скоро ты станешь такой красивой!

И в тот момент, когда кажется, что схожу с ума, всё заканчивается.

Просыпаюсь в белоснежной палате, заставленной чёрными вазами, забитыми фиолетовыми насыщенными цветами, разносящими по комнате острый отравляющий аромат. Не узнать это растение невозможно — это вновь аконит, мой спутник, мой

любимый яд.

Я скрыта серой простынёй, только правая рука наружу — на сгибе локтя под кожей игла, закреплённая лейкопластырем. Слышится пиликанье аппарата, фиксирующего жизненные показатели, кроме этого звука, ничто не разбивает холодной, ледяной тишины. Не слышен шум города за окнами, не доносится ни голоска за дверьми комнаты. Абсолютная тишина и прерывистое дыхание, глухое из-за бинтов, скрывающих лицо. Сердце спокойно, я сонная, поэтому не сразу вспоминаю, что произошло. Какой странный сон приснился. Я попала в аварию? Поэтому так трудно двигаться?

Удаётся вырвать из руки иголку, шатаясь, выбраться из постели и дойти до зеркала. Так и есть — вся голова забинтована, остались лишь щели для глаз. Разматывая бинты, начинаю срывать их с себя и вместе с тем кричать. Мой крик доходит до ультразвука и зеркало разбивается на крупные осколки — в каждом из которых моё отражение — волчья морда.

Вскакиваю с криком, сжимая горло, задыхаясь, не сразу понимая, что только теперь по-настоящему проснулась. Лико, сидящий за ноутбуком, смотрит встревоженно, а затем подскакивает и в два шага оказывается рядом.

— Елена?

— Боже! — выдохнула, пытаясь отдышаться. — Это просто дурной сон. Всего лишь сон!

— Уверена? Ты так кричала...

— Обычный кошмар, ничего большего, — отвечаю резко, отползая в сторону и отрицательно замахав руками.

Не знаю, о чём думал Арман, заказывая этот номер и эту гостиницу. Одна кровать: неловкость и смущение размером с трёхлитровую банку. Крошечный диван выручил, но напряжение как искры, чиркни спичкой, вспыхнет пламя. А каким оно будет — никто из нас двоих не знает. Вот и отстраняюсь, не желая даже случайно коснуться. Это какое-то бесконечное хождение по ленте Мёбиуса — сближаемся и отдаляемся, а конца не видно.

Выбравшись из постели, натянула поверх пижамы белоснежный халат, потянулась.

— Всё так и закончится, да? Ты уйдёшь, как и собиралась. Без меня.

— Вот давай не сейчас! — вспыхнула, моментально развернувшись. — Моя сестра в опасности, а ты решил выяснять отношения? Серьёзно?!

— Прости, — ступешался Лико, отводя взгляд. — У нас никогда не бывает времени, чтобы поговорить.

А затем он усмехнулся, взъерошил волосы и посмотрел с такой улыбкой, как будто ему всё нипочём. Его прекрасные холодные голубые глаза наполнились теплотой и даже любовью, отчего тесно в груди.

— Как быстро всё изменилось, да? — под маской гнева скрывалась печаль, проявившаяся в голосе. — Раньше думала: я знаю, что такое любовь. Казалось, что испытываю это чувство. Но ведь это ложь! Я только-только начинаю жить и понимать, что живу. Интересно, я когда-нибудь пойму, что такое любовь?

— Нет, — он мягко улыбается. — Любовь нельзя понять, Елена. Её можно только **чувствовать**.

Времени совсем немного, скоро приедет Арман.

Быстро приняв душ и высушив волосы феном, переделалась в простые джинсы и длинный растянутый лёгкий свитер. В Москве весна, но всё ещё недостаточно тепло для

маек и футболок. Выйдя из ванной комнаты, надела уличные ботинки и собрала вещи в сумку. Как сказал Лико, мы здесь только на одну ночь.

В дверь постучали и парень, перехватив вопросительный взгляд, сказал:

— Заказал завтрак в номер.

— Ты просто душка, — заявила довольно, подходя к входной двери.

Потянувшись к ручке, замерла, увидев дрожь, охватившую правую руку. Проклятые нервы! Как у неврастенички, и почему в голове спокойна, но тело изображает страх?

Опустив руку, уставилась в глазок и увидела в коридоре столик на колёсиках с белой скатертью, заставленный подносами и даже с небольшой вазочкой, в которую поставили белую розу, как символ этого отеля. И улыбчивый официант, вежливый молодой человек, немного стеснённо выглядящий в стандартной одежде, но не вызывающий подозрений — его глаза чисты, он не принимает наркотик.

— Ты чего встала? — раздался голос позади, а в дверь вновь постучали.

И я потянула на себя ручку.

Всё случилось быстро. Официант с такой силой толкнул тележку, что я упала на подносы, а затем отбросило назад вместе с посудой, напитками и столовыми приборами. Длинная скатерть, свисавшая до пола, прикрыла от нападавшего, но и перекрыла обзор. Справа появляется Лико, чьё лицо обезображено частичной трансформацией, он бросается вперёд, настигая нападавшего, валит на пол, впиваясь клыками в глотку.

Выбираясь из импровизированного укрытия, вижу второго широкоплечего мужчину, входящего в комнату, он достаёт необычный пистолет, такие не заряжают патронами, и наставляет его на Лико. Мой крик пропадает вместе с щелчками — дротики впиваются в спину Лико и он отрывается от мёртвого официанта, злой рык проносится над комнатой. Приподнимаясь, готовится к прыжку, но затем падает, когда в шею впиваются ещё несколько дротиков.

Я действую инстинктивно, не раздумывая, бросаю в нападавшего вазу, просто чтобы отвлечь от Лико, а затем бегу в сторону кровати, падаю на неё, краем глаза замечая ещё один дротик, вонзившийся прямо надо мной в стену, и слышу быстрые шаги. Только добираюсь до подушек, а меня тянут уже за ноги, стаскивая с постели. Разворачиваюсь, выкручивая ноги из рук нападавшего, и вонзаю найденный нож в грудную клетку мужчины. Это даже не рана, так, царапина, но её достаточно, чтобы он пошатнулся и отступил, потеряв равновесие.

В глазах незнакомца растерянность, страх и гнев. Он вновь надвигается на меня и тогда бью раскрытой ладонью прямо в горло так, как учили всего несколько недель назад. Что-то изменилось, появилась сила и уверенность, и движение вышло быстрым, чётким и сильным. Мужчина попятился, упираясь в стенку и тогда уже я набрасываюсь на него, вновь хватая за шею и ударяя его о стену. Несколько ударов свалили нападавшего с ног, бью по горлу ногой, а затем по животу и в пах столько раз, пока не поняла, что он без сознания.

И только теперь вздохнула полной грудью. Перед глазами от невыносимого напряжения всё потемнело, концентрация нарушена, словно выкачали из комнаты весь воздух. Я упала на постель, ненадолго спрятав голову между коленями. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Всё заняло минуты две, может три, а кажется прошла секунда. Сквозь расстёгнутое пальто на белом свитере нападавшего проступили красные следы, его лицо превратилось в окровавленное месиво и это сделала я. Отвернувшись, увидела труп второго. Лже-официант умер с выражением ужаса в застывших глазах.

Они не знали, против кого идут.

Лико лежал лицом вниз, без движения, но даже издали видно, что он дышит. Спустившись с кровати, быстро пересекла комнату и опустилась рядом, вытаскивая из спины и шеи парня дротики. По комнате пошёл тот самый запах из снов. Резкий, мучительно-горький аромат аконита.

— Лико?

С трудом удалось перевернуть его на живот. Лицо парня сгладилось, обратная трансформация оставила только кровь вокруг рта — последствия нападения. Кровь оказалась и на свитере, вокруг тела: брызги на стене подобны полотну сюрреалиста, в них угадывается мощь, с которой клыки Лико сомкнулись вокруг шеи лже-официанта.

Медленно переведя взгляд, посмотрела на труп и тотчас отвернулась — мне почудилось другое тело, а в голове вновь раздались женские крики. Всё повторяется, всё опять происходит со мной.

— Лико? — в который раз обращаюсь к нему, но он не двигается, только слышно, как медленно дышит волк.

Попытки разбудить его не увенчались успехом. Пора признать — я без понятия, что делать дальше. Ведь если разбужу, он может превратиться в монстра, если оставлю как есть — яд рано или поздно подействует и мой Лико умрёт.

А позади лежит наёмник, которого пришлось связать разорванными простынками и заткнуть рот импровизированным кляпом. Но что делать, когда нападавший очнётся?

Я должна связаться с Арманом. Он точно разберётся в сложившейся ситуации. Чёрт, он должен быть уже здесь! А что если эти парни пришли не одни? Почему администрация всё ещё никого не прислала? Стоял такой шум, неужели никто не слышал, что происходит? Соседи не могли пропустить звериный рык.

Углубившись в свои мысли, не сразу услышала постепенно нарастающую мелодию вызова. Совершенно глупая песня, чересчур жизнерадостная, слащавая, приторная и назойливая. С трудом верится, что она звучит из кармана пальто наёмника.

You might think I'm crazy

But all I want is you and it's so hard to take

There's no escape without a scrape

You kept it going till the sun fell down...

Я привязала мужчину к спинке кровати, предварительно сняв верхнюю одежду и повесив на стул. Мне не пришло в голову её проверить, а зря. Достав стильный смартфон, увидела на заставке улыбающееся лицо сестры. Рыжие веснушки осыпали щёки и курносый нос. Она выглядела счастливой.

— Да? — голос не дрогнул, но внутри всё замерло.

— Хочешь увидеть сестру? — раздался из динамика незнакомый мужской голос.

— Да! — закричала и в ответ услышала отдалённый крик Инги. — Что с ней? Где моя сестра?

— Приезжай туда, где всё началось, Елена. Приезжай одна, — в голосе послышалась усмешка. — Поторопись, иначе она станет одной из нас.

Связь оборвалась и телефон выпал из рук. Приложив пальцы к губам, сдержала

всхлипывания.

— Не делай этого.

Обернувшись, увидела бледного, покрытого холодным потом, Лико. Он прислонился к стене, прижимая руки к животу. Всё тело парня сотрясала мелкая дрожь, переходившая в волны едва сдерживаемой трансформации. И над всей этой невыносимой болью его лицо, его взгляд, его душа. Всё, о чём думает — я. Всё, что волнует — я. И это убивало меня изнутри.

— Я не могу бросить её, — прошептала измученно.

— Арман, — едва слышно прохрипел он, — поможет тебе. Вызови его. Елена, не ходи сама — это ловушка.

Я закивала головой, развернулась и, найдя телефон Лико, набрала Армана. Долгие гудки сменились негромким голосом:

— Да?

— На нас напали, — выпалила с ходу, неотрывно глядя на парня. — В Лико стреляли дротиками с аконитом, он плохо выглядит...

— А нападавшие? — сухо и собрано спрашивает мужчина.

— Один мёртв, второго связала, он без сознания. Арман...

— Вы в безопасности?

— Я не знаю! — прикладываю руку ко рту, пытаюсь сдержаться. — Арман, я не могу остаться. Я должна найти сестру. Они сказали, что она у них, я слышала крики, её крики, Арман, пожалуйста, я не могу, я...

— Елена!

Он оборвал меня и я заткнулась.

— Дождись меня, Елена. Если ты сейчас бросишь Лико...

Лико полулежал, прислонившись головой к стене и закрыв глаза. Дрожь утихла, трансформация сошла на нет. Вторая стадия ещё не началась, значит концентрация яда минимальна, она должна была только вырубить волка. Он справится. Обязан справиться.

Он заснул. Его сон лёгок и безмятежен. Там нет меня. Проклятой меня, что пришла и разрушила его жизнь.

Арман всё говорил и говорил, но я не слушала, раскручивая спираль событий в голове, понимая, что собираюсь совершить самый глупый поступок в своей жизни.

— Я не могу поступить иначе, — заговорила невпопад и облегчение накрыло с головой. — Прости Арман, но я не могу остаться.

На том конце трубки раздался протяжный вздох, а затем тишина. И уж было подумала, что оборвал связь, когда Арман заговорил:

— Ты помнишь главную фразу, Елена? Что мы делаем, когда наступает ночь?

— Выживаем.

— Так постарайся выжить, Елена Прекрасная, иначе я буду очень разочарован.

Выходя из такси и вставая напротив недостроенного здания, приложила руку к глазам, заслоняя их от неожиданно жаркого весеннего солнца. На градуснике плюс двадцать. Май в столице выдался тёплым, почки на деревьях уже набухли, готовые буквально за один день раскрыться яркими салатовыми молодыми листочками. Мимо проезжают машины, люди на велосипедах, дети и взрослые, пёстрые подростки, собаки, кошки, птицы. Шум города, праздничный день в самом разгаре.

Так странно смотреть на это здание, совершенно непохожее на то, каким снилось всего несколько часов назад. Оно выглядит именно так, как запомнила по прошлым визитам. С Артёмом частенько здесь развлекались, заманивая интересных Алхимику людей. Забавно, что никого не потребовалось мучить как когда-то меня.

Собравшись с духом, обошла здание со стороны автострады, дождалась, когда прохожих останется всего несколько человек и перелезла через забор. Поначалу хотела забраться ночью, чтобы иметь хотя бы призрачный шанс найти и вытащить сестру. Но после утренних событий всё изменилось. Фактически выбрасываю белый флаг и сдаюсь. Теперь игра продолжится внутри поля и я не знаю, что он сделает.

Накачает наркотиком? Убьёт сестру в назидании? Убьёт меня? Что он придумает, чтобы отомстить?..

Двери без привычных замков как неприкрытое приглашение — открыты нараспашку. Внутри гуляет ветер, с места на место перелетают сизые голуби, шелест крыльев эхом проносится по залу, а сквозняк выдувает из разбитых окон причудливые трубные стоны. Здесь холодно, стыло и зябко. От плиточного пола тянет влагой и сыростью, серый цвет, разбавленный солнечными лучами, сливает всё в единую массу, в которой сложно разобраться.

Сердце колотится так громко, что ничего не слышу и не вижу, только сжимаю и разжимаю ладони, представляя себе бескрайние леса, тишину, спокойствие и безмятежность. Пытаюсь вспомнить, что скрывается за такими словами, но в памяти почти ничего не осталось.

Я на открытом пространстве как подарок, раскрытые ладонями вверх руки показывают, что в них ничего нет. Но никто не идёт навстречу. Будто здесь, кроме птиц и ветра, никого нет.

Не дождавшись ответа, успокоившись и раз сто обшарив взглядом комплекс, направилась к лестнице. Возможно ждут... в той комнате? В той самой комнате, где когда-то сковали наручниками и где когда-то переспала с Артёмом. Там меня лишили будущего. Там умерла моя юность.

Поднимаясь по лестнице без перил, с провалами, в которых виднелись железки, арматура и нижние пролёты, всё думала, что же будет дальше. Что ещё должно случиться, чтобы я действительно сломалась и сдалась? Ведь сейчас я как эта лестница, вся разбитая, изломанная, искорёженная, но всё ещё каменная. Сколько потребуется времени на то, чтобы рухнуть вниз?..

Последний пролёт, а вот и дощечка. Новая, чуть шире прежней.

— Ты так всех девушек испытываешь или только мою смелость проверяешь?..

И в этот раз не задумываясь быстро пересекаю её и оказываюсь на последнем этаже. Здесь пусто, как и везде, а дверь в ту комнату приоткрыта, видна стенка с граффити, в котором зашифровано слово неон. Это место пережило много обращений, став чем-то вроде святилища для неонизированных. Боже, какое жуткое слово.

Толкаю дверь, а там она.

— Инга! — вырывается из горла радостный вопль и я врываюсь внутрь.

Девушка привязана наручниками к стулу, голова опущена вперёд, волосы скрывают лицо, кажется, что она спит или без сознания. Падаю перед ней на колени, обхватываю за плечи, приподнимая голову, повторяя как мантру:

— Инга! Боже, что они с тобой сделали?!

Она просыпается, качает головой, а затем открывает глаза. Моя безумная надежда исчезла как дым. Время встало, отдалённо слышу, как что-то падает на землю, а затем сестра быстрым и резким движением всаживает инсулиновый шприц мне в шею. Не сопротивляюсь, просто смотрю на неё, вижу мрачное торжество в её глазах, вижу чуждое, злое, вижу **его**.

И когда содержимое шприца начинает действовать, сестра кладёт мою голову к себе на колени, приговаривая:

— Добро пожаловать домой, Елена. Мы все так скучали по тебе!

Глава 14. Ход конём

О камни острые разбиться,

Спрыгнув в пропасть.

И не тебе решать — жить

И сдаться без борьбы.

Иль биться за свободу,

Как бьются на арене — рабы.

Я — не твоя, злодей. Прости.

Со всех сторон надвигается шёпот. Как тени по стенам ползают отражения душ. В полной темноте, только брызги в разные стороны и эхо возвращается снова и снова. А голоса то тише, то громче, но слов всё ещё не разобрать. Только интонации. Требовательные, мучительные, жёсткие, как по костям ножом, разрезать сухожилия, взрезать кожу. Добраться до основ. И вновь, и вновь, по кругу и опять.

— Елена, Елена, Елена...

Напрягаясь изо всех сил слышу теперь отчётливо... собственное имя. На разные лады, на разные мотивы, на разные порывы. А затем шёпот сменяется криком и это уже как вопль банши — слишком громко, слишком страшно, слишком близко. До глубины.

— Елена, Елена, Елена!

Я падаю в воду.

И просыпаюсь в выстуженной из-за открытых окон комнате. От боли в голове всё вокруг белоснежное, до самой кромки ножей, острое, ледяное, потерявшее цвет. Белый отступает, превращаясь в серый. Казённая мебель: покрытая уже облупившейся краской кровать, прикроватная тумбочка, гранёный стакан, доверху наполненный водой, под потолком, в углах которого свисает паутина, лампочка без абажура, напольная плитка, серо-белая по грудь покрыла стены, местами битая, местами заменённая на голубую и зелёную. В углу умывальник, рама с остатками от зеркала — и не увидать отражения, только грязь, а рядом унитаз без сиденья, с другой стороны стойка с металлическими вешалками. И окно, большое-большое, зарешёченное, а за ним — горы.

Это не Москва.

От холода поёжилась, попыталась укутаться потеплее. На мне всё ещё мои вещи. Серая майка, джинсы, носки, нет толстовки с капюшоном, но возле кровати стоят кроссовки. Постельное бельё совсем куцее, тонюсенькое одеяльце, матрас с комками и без простынки, дырявая наволочка, из которой торчат в разные стороны перья. Стиранное сотни раз — до потёртостей и серости.

Замёрзла, от голода тошнит, вода, выпитая залпом, лишь раздражила аппетит, но немного помогла проснуться. Зашнуровав кроссы, дрожа от холода, подошла сначала к двери, чтобы убедиться, что она закрыта, а затем к окну, с удивлением рассматривая деревья на горной возвышенности, забор с колючей проволокой и отчётливо слыша шум реки. Чуть высунувшись, с правой стороны, увидела почти полностью скрытый деревьями пешеходный мост, а на той стороне, среди высоких сосен, кажется видна усадьба или особняк, издали не разглядеть.

Меня вывезли из Москвы и увезли куда-то очень далеко. Я осталась одна. Что мне делать?

— Елена.

Обернувшись, никого не увидела, но почувствовала невидимое касание волос.

— Елена.

— Кто здесь?

Дыхание щекочет кожу, разбрасывая в разные стороны мурашки, сползающие вниз к ключице.

— Соберись, Прекрасная Елена. Тебе так много нужно успеть сделать.

Я в комнате одна и не одна. Этот голос — голос Армана. Он внутри меня. Он часть меня. Это мой внутренний голос и я знаю, что нужно делать.

Глубокий вдох, медленный выдох, глаза закрыты, руки по швам, тело расслабленно, максимальная тишина в голове. А затем иду к стойке, забираю вешалку и вытягиваю её в длинную линию с острым концом. Потом разрезаю постельное бельё. Ещё раз осмотревшись и убедившись, что здесь больше нет ничего полезного, встаю позади входной двери. Рано или поздно, но за мной придут и нужно подготовиться.

— Помни Елена, что мы умеем делать лучше всего?..

Когда дверь открывается, не мешкаю. Вспарываю острым концом бок вошедшего мужчины, а затем набрасываю на голову наволочку, максимально затягивая её. Дверь позади нас закрывается, мужчина хрипит, руки устают, больно, тяжело. Мышцы сводит судорога от напряжения и тогда увлекаю массой своего тела на пол и несколько раз бью его голову об плитку. Руки мужчины ослабли, тело обмякло, но пульс прощупывается.

Стягивая наволочку, вижу, что ему не больше двадцати-двадцати пяти лет. Повезло.

— Не время расслабляться!

Кажется, что если обернусь, то обязательно увижу его. Но вместо этого, заранее приготовленными кусками ткани связываю парня, попутно перевязав рану от проволоки и затыкаю рот, чтобы он не смог позвать на помощь. Выигрываю всего минут двадцать. Жаль, что у него не было при себе ничего полезного.

— Помни, нет ничего важнее выживания! — вновь шепчет на ухо Арман.

Затыкаю за пояс импровизированное оружие и выхожу из комнаты в коридор. Неуютный, со множеством окон и приоткрытых дверей. Повсюду плитка, деревянные двери, разошедшиеся, со старой краской, батареи с отрезанными трубами, гуляет ветер меж открытых нараспашку ставней. Не слышны голоса людей, только бесконечная тоскливая нота сквозняка. Потирая руки от холода, решила идти направо — с левой стороны есть пыльные следы от обуви. Значит туда идти не следует.

Шугаясь каждой дверцы, медленно дошла до конца коридора. На стене жирной краской написана цифра два и повешен свежий план эвакуации из здания с ярко-красной галкой — местом, где нахожусь. Удивительная предусмотрительность. Быстро спустившись по грязной

лестнице вниз, замерла перед выходом — только проём, дверь вообще отсутствует. На площадке перед зданием клумбы со свежей землёй, но асфальт старый, почти весь заросший травой. А дальше слишком высокий забор, метра три где-то, и наверху ему служит сетка из колючей проволоки.

Судя по карте это не главный выход, но легче не становится — через такой забор не сбегу. Высунувшись на секунду, бегло оценила обстановку, а затем крадучись вдоль стенки здания направилась на шум воды. Хотелось уйти как можно дальше от этой странной постройки, она напомнила больницу, даже в воздухе чудился химический привкус. Пригибаясь перед окнами, прошла под тем, где оставила незнакомца, внимательно прислушиваясь — не донесётся ли голос, не послышатся ли шаги, но всё тихо. Будто никого нет. Только я и тот парень. Надеюсь, он ещё не пришёл в себя.

Дойдя до конца стены, вновь осторожно заглянула за угол и тотчас отпрянула — там оказались люди. Человек пять, не меньше. Главный вход, а прямо напротив, почти рядом со мной, тот самый мост, ведущий на ту сторону реки.

У меня нет плана. Люди на улице заняты разгрузкой небольшого микроавтобуса, они тащат в здание коробки и если правильно разглядела, то с правой стороны есть выезд за пределы территории. Но не смогу туда добраться — на выходе пропускной пункт. Он, в отличие от здания, новый, из кирпича, там охрана, и вдоль забора скошена трава, негде спрятаться, всё на виду. Складывается впечатление, что сюда только-только заехали и работы по благоустройству в самом разгаре. Наверняка камеры повсюду: вот она я, ловите! Нужно скорее валить и единственный шанс уйти с территории — мост. Но до него бежать метров сто!

Дождавшись, когда большинство с коробками ушло внутрь, побежала к намеченной цели, слегка пригнувшись, понимая, что это не самый лучший выход. Однако никто не закричал, и я успела скрыться среди невысоких лиственных деревьев, подступавших вплотную к мосту. Прислонившись к одному из них, отдышалась, поглядывая сквозь листву на вход в здание. Манёвр остался незамеченным.

Грешным делом, понадеялась, что возле воды не будет забора или он будет попроще и смогу спуститься вниз. Но из-за расстояния не разглядела, насколько крут спуск. Сплошные камни, а я не скалолаз. Речка бурная, с порогами, через которую проходит невысокий мост. Деревянный с перилами, совсем новый, раньше его здесь не было. Протяжность — метров пятьдесят, и отсюда лучше видна усадьба, на которой заканчивали отделочные работы.

Подозрения укрепились — это новая резиденция Алхимика. Интересно, как много людей знает об этом месте? Смогут ли меня найти? И будут ли искать? А где Инга? Она в Москве или тоже здесь?

Я должна найти работающий телефон. А для этого нужно пересечь мост и добраться до усадьбы незамеченной. Один шанс из ста, но что ещё делать? Сдаться?..

Главная надежда на то, что со стороны полузаброшенного здания большую часть моста не видно, надеюсь, что и с той стороны та же картина. Встав на добротные сделанные доски, медленно пошла вперёд, готовясь в любой момент побежать. Чуть отделившись от конца, согнулась, чтобы максимально прикрыться деревянными перилами. Сейчас раннее утро, горы укутаны в серый туман, плохая видимость играет на руку.

Где-то на середине пути, увидела, как в сторону моста бегут люди. Обернувшись, поняла, что оказалась в ловушке, которую сама же себе и устроила. Стоило попробовать перелезть через забор, вернувшись в комнату за матрасом, или спуститься вниз по камням

возле начала моста, там не было колючки, и был шанс, но я пошла почти напролом.

Глупая я.

Глянув вниз, на бурную речку, перелезла через перила, обхватив их за спиной и закричала:

— Подойдёте — прыгну!

Повернув голову, увидела ту, кого меньше всего ожидала встретить. Шарли.

Её прекрасное лицо — почти зеркало моего лица. Точно такой же шрам спускался с правой стороны, рассекая бровь и едва касаясь губы. Я сделала его, когда Кай купил мне накладные когти, необычайно острые, чтобы проще калечить людей. Я на многих телах оставила свои следы, но на лице только у неё. И Шарли была счастлива от того, что удостоена такой части. Она и сейчас не скрывает отметины. Смотрит на меня, нерешительно улыбаясь, но в глазах видна печаль. Глубокая печаль, которую неон не смог вытравить. Она из первой партии неонизированных. Ранний вариант наркотика не обладал такой мощью, как нынешний. Шарли не смогла бы покончить с собой, как это сделала Жанна, но и не сопротивлялась бы, вздумай я тогда убить её.

— Елена, стой! — кричит она, замирая на месте и придерживая остальных.

— Где моя сестра?! — спрашиваю, перекрикивая шум воды.

— Её здесь нет, — отрицательно помотала головой девушка. — Елена, не делай этого! Ты разобьёшься! Разве ты хочешь умереть?! Я клянусь тебе — с тобой всё будет хорошо! Кай поза...

Она говорила убедительно, но глаза выдали замысел. Развернувшись, увидела, как неслышно ко мне подбирался мужчина, готовый схватить и вернуть обратно.

— Я не вернусь к нему! — закричала, отпуская руки и солдатиком падая в воду.

Последнее, что увидела — руки Шарли, тянущиеся вниз и людей, удерживающих её от падения следом за мной в воду. Затем тьма сомкнулась над головой и с невероятной скоростью потащила вперёд.

Рвущиеся потоки воды как волчьи пасти, из которых доносится злое ненасытное рычание. Кажется, что я в миллиметре от поверхности, что ещё чуть-чуть и доберусь до неё, руками молотя по воздуху, которого так не хватает лёгким. Но меня вновь тащит вниз, водоворот, огонь, обжигающий изнутри, а затем боль и тьма. Усилие на грани возможности — всплываю, делаю вдох, вижу вдалеке камни, а затем швыряет обратно под воду, сила буквально рвёт тело, острая боль, удар — и я теряюсь в темноте.

Сначала был звон.

Тонкий комариный звук, длинный как струна, натянутая на виолончель. Потом звук обрёл объём, форму и превратился в мелодию леса и воды. Хриплое дыхание притягивает крошечные капли воды ко рту, тело сотрясает дрожь, а вокруг такое спокойствие, такая дивная музыка леса.

Приподняв голову, вижу торопливое, но не яростное движение реки. Силюсь вспомнить, как удалось добраться до берега и пережить пороги — меня знатно протащило по каменистым буграм горной речки.

Лежу на мелких камнях почти полностью в воде, и каждая доходящая до берега волна касается губ. В бурных потоках лишилась обуви и частично одежды, а то, что осталось изорвано да изодрано в клочья. Тело сотрясает крупная дрожь, голод пробудил дичайшую головную боль, в ответ на которую чувствую невыносимое тянущееся растяжение в правом

плече. Перевернувшись на спину, зашипев от новой боли, попыталась пошевелить рукой, но не смогла. Кажется, вывихнула. Беглый осмотр добавил рассечённый лоб, разбитый затылок, тысячи порезов, кровоподтёков и ссадин по всему телу.

Я чудом выбралась. Сегодня мой второй день рождения. Усталость накатила тяжестью и сонливостью. Мысли путались, рождая в сознании причудливые узоры из облегчения, горьких чувств и воспоминаний.

В молочном небе пролетела незнакомая чёрная птица, поднялся лёгкий ветерок и на меня вновь накинута сильный приступ холода. Развернувшись, чтобы подняться, встретила взглядом с жёлтыми бесстрастными глазами.

Огромный волк замер, склонив голову, на небольшом плоском камне всего в паре метров от меня. Неподвижный, молчаливый, я не почувствовала агрессии, только внимание. Он изучал мои раны, принюхивался к моему запаху, словно размышляя стоит ли нападать, смогу ли защититься. А потом попятился, замотав головой, словно отгоняя мошек, легко спрыгнул на землю и скрылся среди деревьев.

Только после этого перевела дух, медленно поднимаясь из воды. Я была в шаге от смерти — мне нечего противопоставить матёрому хищнику. Удивительно, насколько он похож на того, что встретила в Санкт-Петербурге всего... два дня назад? Три? Сколько времени прошло с тех пор?

Рука безвольно висела вдоль туловища отдавая тупой болью в месте, где соединялась с телом, она онемела и опухла, а прикасаясь к ней, чувствовала лёгкое покалывание. От бессилия хотелось плакать, это действительно вывих плеча и вправить самостоятельно его не смогу. Я без понятия где нахожусь, у меня нет еды, медикаментов, одежда изодрана и вряд ли спасёт от холода. Сейчас май, но здесь, в горах, чувствуется, что градусов не больше десяти. Ночью точно будет минус, а я наверняка уже заболела. Из одной передрыги попала в другую — ещё более опасную.

Я сбежала только по одной причине — страх перед Каем оказался сильнее инстинкта самосохранения. Он не пощадит после того, что сделала. Он убьёт с особой жестокостью или вновь превратит в одну из своих марионеток. Оба варианта внушают ужас.

Поэтому решила действовать. С трудом, но удалось левой рукой распороть джинсы, сделав из остатков штанин полоски ткани, с помощью которых привязала правую руку к телу таким образом, чтобы при движении она оставалась неподвижной насколько это вообще возможно. Другую тряпку окунула в холодную воду и заправила за край футболки в месте, где образовалась опухоль, чтобы немножко снизить боль.

Теперь на мне короткие шорты и изодранная футболка, и я босая — не осталось ткани, чтобы обмотать ноги. Сколько смогу пройти в таком виде?..

Пошла вдоль ручья вниз по течению. Люди издревле строят города рядом с водой, это мой маленький шанс выжить, ведь не знаю ни ягод, ни трав, ни грибов, ничего. Не умею разводить костёр, строить шалаш и вообще ничего не знаю о выживании в лесу. «Тэрра инкогнита», неизвестная земля и чего ожидать — не знаю. Просто буду бороться столько, сколько смогу.

Смеркалось. В монотонном шуме воды слышала знакомый звук соприкосновения шин об асфальт. Только что, совсем рядом, проехала машина. От восторга закричала, а затем ринулась в лес, наплевав на бурелом, усталость, слабость и изрезанные ноги — меня манили отблески фар.

Я вылетела на твёрдую поверхность как чёртик из табакерки, споткнувшись и пропахав голыми коленками дорогу. Ссадины, грязь — всё равно — я выживу! После стольких часов по камням, по кромке леса, по колено в воде, совершенно одна и без шансов на выживание, кто бы мог подумать, что окажусь на дороге? Что она будет так близко от воды?

Меня ослепили фары машины, раздался громкий гудок, а затем мимо проехал огромный грузовик. Он даже и не подумал остановиться, не смотря на крики о помощи и жалкий вид. Острое разочарование выбило слёзы из глаз и я опять упала на землю. Голова разболелась с удвоенной силой, а плечо вновь напомнило о себе слабостью. Присмотревшись, увидела, что оно ещё больше распухло. Это не к добру.

Вновь поднявшись, пошла в ту сторону, откуда приехал грузовик. Надеюсь, направление выбрала правильно, иначе несдобровать — силы на исходе и вместо бодрой походки — еле плетусь. Поэтому, когда сзади послышался шум от очередной машины, смогла только чуть-чуть выставить руку. Машина проехала мимо, но почти сразу дала по тормозам и сдала назад. Это оказалась ярко-красная Кио Рио с ромашкой на капоте. Стекло опустилось вниз и я увидела водителя.

Молодой парень не старше двадцати пяти лет. Короткостриженный, с мощной квадратной челюстью и широкими тонкими губами, светловолосый, с открытым взглядом и сетью из едва наметившихся морщинок, говорящих о улыбчивой натуре незнакомца. Он походил на современного русского богатыря, с трудом уместившегося в такую маленькую машинку. Одетый по-простому — в свитер грубой вязки, штаны и расстёгнутое пальто, обеспокоенный, немного напряжённый, кажется, он задал вопрос, но от усталости прослушала, что сказал парень.

— Что с тобой случилось?! — повторил вопросительно, заметив отсутствующий взгляд. — Садись в машину, я отвезу в город! Тебе немедленно нужно показаться врачу! Ну же, садитесь! — он перегнулся через сидение и открыл передо мной дверь.

Тогда увидела его глаза и убедилась, что они не отсвечивают голубым. Незнакомец чист. Только после этого села в машину. Парень, разглядев как я выгляжу, удивлённо присвистнул, а затем, со словами: «Я сейчас!», выбрался из машины и достал из багажника плед, чтобы могла укутаться и быстрее согреться. Он включил печку на максимум, убрав на заднее сидение пальто.

— До города часа два езды, гнать не могу — дорога опасная, живности всякой много. Может скорую вызвать? Пересечёмся по пути, трасса ведь одна.

— Нет! — воскликнула непозволительно громко и хрипло, и сразу закашлялась. — Не надо скорую. Мне нужно позвонить. Пожалуйста!

Он удивился, ещё раз осмотрел с ног до головы, вздёрнул брови, покачал головой и лишь потом достал телефон и с сомнением протянул его мне.

Старая кнопочная Nokia с затёртым экраном. Набрал номер Армана, украдкой посматривала на парня, который мялся и так же украдкой смотрел на меня. В его взгляде читалось откровенное любопытство и настороженность. А у меня даже сил нет придумать правдоподобную историю о том, что со мной случилось и почему против больниц.

Никто не ответил. Набрала её раз и опять мимо. Тогда позвонила Лико. И ещё раз позвонила. И ещё. Напряжение в машине усилилось.

— Нужно ехать, — заявил парень. — Мы стоим на трассе уже минут двадцать, это не безопасно. Я отвезу тебя в больницу в город, хорошо? И всё-таки, что с тобой случилось?

— Последний звонок, ладно? Я постараюсь всё объяснить! — взмолилась, прижимая

телефон к груди.

— Сделаешь это по дороге. Смеркается, мало ли какой автомобиль поедет — так и до аварии недалеко, — заявил он, заводя машину и моментально трогаясь с места.

Переведя дух, набрала последний известный номер.

— Кто это? — раздался голос Эльзы из динамика.

— Елена, — молчание послужило ответом. — Я знаю, что всё... не так просто, но мне не к кому больше обратиться.

— А как же твоя триада? — едко спросила женщина. — Неужели они бросили тебя?

— Я не знаю, что с ними. Их телефоны молчат.

— А что с тобой?

Парень раскашлялся и я поняла: он слышит, что отвечает Эльза. Он весь разговор слышит.

— Я не могу сказать тебе всего. Но мне нужна твоя помощь. Я... — и тут сообразила, что понятия не имею, где я. — Сейчас!

— Не подскажешь, в какой город едем? — задаю вопрос водителю.

— Однако, — крикнул от удивления парень. — Здесь на многие километры только один город — Рябкино.

— Там есть аэропорт или железная дорога?

— Последнее, — кивнул он. — Мне всё больше интересно, откуда ты взялась.

— Кто с тобой? — раздался в телефоне голос Эльзы.

— Ты слышала? — спросила, сама не отвечая на вопрос. — Город Рябкино, там есть железная дорога, станция...

— Одноимённая, — правильно распознав интонации, сказал он.

— Пожалуйста, приезжай как можно скорее! — закончила я.

— Тебя будут искать, — безапелляционно заявила Эльза и тяжело вздохнула.

В голосе чувствовалась усталость. Как же я её достала.

— Поэтому и прошу приехать как можно скорее. Или прислать кого-нибудь!

Знаю, что только ради меня она ничего делать не будет. Я уже давно потеряла свою ценность. Поэтому есть только один козырь.

— Изначальный план останется в силе.

— Серьёзно?

Видя, с каким вниманием парень слушает разговор, очень тихо добавила:

— Да, я откажусь от них. И исчезну.

— Хорошо, — быстро и легко согласилась она, как будто заранее знала, что предложу. — Тебе придётся поиграть в прятки в не самом большом городе, если судить по карте. Встретимся возле общественных туалетов на станции. Приходи не раньше завтрашнего полудня. Раньше не успею добраться. И... постарайся не попасться, Елена. Я поняла, где ты и вытащить из... усадьбы, будет совсем нелёгким делом.

— Спасибо, — и я повесила трубку.

— Так значит ты из усадьбы, — утвердительно заключил парень.

— Послушай...

— Олег, — представился он. — Приятно познакомиться с тобой, Елена.

— Тебе не следует лезть не в своё дело! — обрубил его энтузиазм.

В ответ Олег рассмеялся. А потом ещё раз — увидев моё выражение лица.

— Я подобрал тебя на дороге, всю в ссадинах, синяках и порезах с вывихнутой рукой,

почти без одежды и без обуви. У тебя на лице огромный шрам и вид совершенно безумный. Ты ведёшь себя не как девушка, которая только что чудом спаслась из горной реки, а как та, у которой вся жизнь одна сплошная неприятность. Это как будто попасть в иную реальность. Чёрт, да ничего более интересного в моей жизни не происходило! — парень сам удивился своим словам. — Я журналист.

Вместо ответа выругалась. Нет, ну каковы шансы? В России проживает почти сто пятьдесят миллионов человек и из них всех встретила именно журналиста!

— И приехал сюда как раз ради отреставрированной усадьбы. Я хотел взять интервью, разузнать поподробнее о том, что планируют сделать с заброшенной психиатрической больницей, будет ли сама усадьба открыта для посетителей и так далее. Но на входе завернули со словами: «Не положено!» И тут ты.

— Просто забудь, — ответила ему. — Забудь всё, что видел или слышал, понял? Я премного благодарна за то, что подобрал и ещё более буду благодарна, если высадишь возле вокзала и уедешь из города. Это вместо спасибо за помощь, понимаешь? Не лезь в это и всё закончится хорошо.

— Подожди-подожди, — его голос стал тоньше и ещё более удивлённым. — Вот ты сейчас на полном серьёзе это всё сказала?

— Ну да, — отвечаю, слегка помассировав онемевшую руку.

— Та женщина по телефону сказала тебе затаиться до завтрашнего дня. Как ты планируешь это сделать в таком виде? Тебе нужен врач, нужно вправить руку, обработать раны, а вдруг сотрясение?

— Тебе **нужен** врач! — ещё раз сказал он, видя упрямство в моих глазах. — А ещё нужна новая одежда и обувь. Еда. Прямо сейчас залезь в бардачок, кажется там осталось несколько бутербродов.

Без раздумий сделала как он предложил и уже через мгновение лакомилась сочной булочкой с колбасой, сыром, маринованными огурчиками и помидорами. Съела всё до последней крошки, но так и осталась голодной.

— Хочешь знать, почему не хочу попасть в больницу? Там меня найдут те, от кого сбежала. Я не могу пойти в полицию, потому что они будут и там. Остался только один шанс выбраться отсюда — дожждаться подруги. Ясно?

— Я могу помочь, — заявил он.

За окном сумерки перешли в ночь, дождик, мелко накрапывающий почти с самого начала пути, перешёл в полноценный дождь и Олег включил дворники. Их звук забивал барабаниющую музыку за окном, и успокаивал напряжённую тишину, последовавшую за его словами.

— Это опасно, — сказала осторожно, подобрав слова. — Тебе могут навредить так, как и представить себе не можешь.

— Я твой единственный шанс, — на секунду отвлекшись от дороги и твёрдо посмотрев в глаза, заявил он. — Мы приедем в гостиницу ночью. Я накину на тебя толстовку и проведу мимо ресепшена. Никто не увидит, что с тобой. А в номере смогу вправить руку и обработать раны. Если ничего серьёзного, то до завтра точно протянешь. А ещё выспишься и у тебя будет одежда и обувь. Ты будешь не одна. Не думаю, что «преследователи» этого ожидают. Они будут искать измождённую и израненную одинокую девушку, но ты уже не будешь подходить под это описание. Шрам конечно помешает, но в толстовке с капюшоном его не так сильно видно.

— А что ты хочешь взамен?

Он так легко говорил, что поверила ему. А что ещё оставалось делать? У меня не было плана, я не знала, как самостоятельно выпутаться из этой ситуации.

— Ты расскажешь всё, что знаешь о новом хозяине усадьбы. И что с тобой произошло. Чувствую — за всем этим скрывается какая-то тайна.

— Это сложно для провинциального журналиста, — отвечаю жёстче, пытаюсь задеть.

— А ты попробуй. Вдруг удивишься!

— Чёрт с тобой — ладно! Поступим так — завтра утром на диктофон расскажу всё, что случилось. А потом ты отведёшь на станцию, где расстанемся навсегда. Ты не будешь искать меня, не будешь упоминать обо мне в расследовании. Предупреждаю — это **очень** опасно. И слишком невероятно. Каждое слово — фантастика и со страниц жёлтых газет. Сейчас думаешь, что справишься со всем, посмотрим, как завтра запоёшь!

— Я в себе уверен, — в глазах Олега застыло бескрайнее любопытство.

Он с восторгом поглядывал на меня, будто я золотой билет, который выпадает раз в жизни. «О, наивное летнее дитя!»

Дождь за окном усилился и в отдалении над горами замелькали вспышки молний. Я прислонилась головой к окну и закрыла глаза. Всё, о чём думала — сон. Так хотелось заснуть и проснуться дома рядом с родителями и сестрой. Но вместо этого перед глазами опять встаёт бушующая вода, мир схлопывается бесконечной тьмой.

Глава 15. Даунстрик

Ступая по тонкому льду,

Вижу розы, цветущие в снегу.

Их алый цвет и запах — мой дурман.

Я буду осторожна — ведь это твой обман.

Просыпаюсь и не могу поверить в то, что проснулась. Ночь не успела ещё отступить и фонари за окном оранжево-жёлтым цветом разбивают черноту и украшают стены номера причудливыми ломанными линиями — тени голых веток деревьев. Слышно, как мимо проезжают машины — отель рядом с дорогой. Тихо. Мирно. И по-людски.

Сон как продолжение вчерашней яви. Я всё ещё в лесу. Каждая палка, коряга или камень вонзается в голые ступни, а жухлая стылая листва и грязь по колено заляпали ноги. Сверху ветви царапают обнажённую кожу, волосы слиплись в сосульки и как же холодно! Куда иду?! Одна, совершенно одна...

Проснуться в тепле, сытой, с перевязанными, перебинтованными и залеченными ранами — живая! Настоящая. Человек. Не то существо, что теряло сознание, но держалось из последних сил, нет. Вновь смогла сбежать от Кая.

Я выжила.

Мы приехали в гостиницу к полуночи.

Надев на меня резиновые сапоги из багажника, нацепив толстовку, а поверх дождевик, Олег спокойно провёл ресепшена и сонная девушка даже слова не сказала, выдавая ключи. В таком месте и не к такому привыкли.

А потом пришло оцепенение. Так бывает если долго напрягаться, боясь всего и вся. Пока Олег ездил в супермаркет за продуктами, лекарствами, одеждой и обувью, лежала на покрывале в номере, боясь даже пошевелиться. Ведь каждое движение — боль. И она распустилась всеми лепестками, когда парень вернулся и вправил плечо. Затем пошли осиные укусы вместе с «дробью» и ожогами — прохладный душ казался огнём. Вымытая без слоя грязи представляла собой жалкое зрелище.

Особенно пострадали ноги. Мне сложно стоять, не говоря уже о том, чтобы ходить. В голове не укладывается, как до этого вообще могла двигаться?

Олег на руках отнёс в кровать. И смех, и слёзы: так обо мне никто ещё не заботился. Ни Лико, ни Арман. И в этом не было подтекста, просто он не мог иначе. И всё порывался отвезти в больницу.

Обработав антисептиком царапины и раны, забинтовав ступни до лодыжек, закрепив под грудью пострадавшую руку, наклеив лейкопластыри и смазав синяки и кровоподтёки мазью, Олег накормил бутербродами с горячим чаем, помог почистить зубы и умыться, и уложил спать.

Сейчас, рано утром, видела, как хмурится во сне уставший парень. И понимала, что

ничего не расскажу. Как могу подставить его ещё больше? Ведь кто знает, удастся ли мне пережить эту весну...

Заиграла музыка на телефоне — будильник, значит уже девять утра. От звонка Олег моментально проснулся, сонно моргая, наощупь выключая мелодию звонка.

— С добрым утром!

Натянув одеяло, подложила под спину подушку и прислонилась к стене. На удивление чувствовала себя просто отлично. Даже рука болела меньше, и никаких предпосылок к простуде.

— С добрым, — вяло отреагировал он, переворачиваясь на спину и глядя в потолок.

Кажется, парень всё ещё приходит в себя, вспоминая, что было вчера ночью. Думаю, его мысли полны вопросов и загадок. Не каждый день встречаешь полуобнажённую девушку на пустынной дороге в лесу.

Пока Олег принимал душ, осторожно размотала бинты на ногах, чтобы оценить масштаб катастрофы. Если не смогу дойти до машины, то как собираюсь незаметно покинуть город? Вряд ли здесь на каждом углу продают инвалидные кресла или костыли. Шрам и так выделяет из толпы, инвалидность привлечёт ещё больше внимания.

Увиденное повергло в состояние шока. Всё не могло так быстро зажить!

Вместо синяков — розовая кожа, царапины сошли, глубокие порезы почти полностью затянулись. Да, наступать неприятно, но терпимо. При желании могу даже бежать! Плечо всё ещё сильно травмировано. Олег вправил его, но это далеко не конец. Я не знаю, насколько опасен вывих: нужно показаться доктору. Сделать рентген, получить таблетки, нормально обездвижить руку.

Какая смешная! Мне бы просто выбраться из города, здесь даже стены давят, кажется, что люди Кая повсюду. Что они в любой момент придут. А я даже защититься не смогу! Конечно, благодаря Лико, раны заживают очень быстро. Просто супер-регенерация, но всё равно остаюсь уязвимой. Я не супермен и не волк, единственное, чему научилась у Армана: «Хочешь выжить — беги».

Пока Олег ходил за завтраком, приняла душ, почистила зубы, вымыла волосы. Удивительно, но удалось всё это сделать одной рукой. И к его приходу, уже сидела в постели, бездумно щёлкая каналы телевизора, нервно поглядывая на часы. Паранойя становится неизменной спутницей.

Еда оказался почти горячей. Олег нашёл неподалёку кафешку, где за небольшой процент упаковали всё с собой. Горький кофе в стаканчиках, сосиски, пюре, салаты. Всего понемногу, но достаточно, чтобы неплохо подкрепиться.

Во время завтрака, парень не задавал важных вопросов. Мы болтали о пустяках, вроде погоды, красивых видах, окружавших этот городок, вспоминали книги, фильмы, искали точки соприкосновения и находили их. Ему также нравились романы о путешественниках во времени и переселенцах, мы одинаково равнодушны к комиксам и футболу. Но хоккей — наше всё! Как и покорение космоса. И фильмы ужасов, именуемых «слешэрами». За два часа можно о многом поговорить, если не хочешь говорить о главном. За два часа можно узнать человека, если ты честен и открыт.

— Ты ведь сейчас солжёшь, ведь так? — совершенно обыденным голосом спросил Олег, убирая грязные пластмассовые тарелки со стола и выбрасывая в мусор.

— Не хочу подвергнуть ещё большей опасности, — я была готова к этому вопросу, поэтому ответила быстро и правдиво. — Я всю ночь пыталась придумать, что сказать, чтобы

ты поверил. И не искал правды. Не придумала. Просто пойми, они уже знают о тебе. Ты приехал в усадьбу, задавал вопросы, а ведь им есть что скрывать! Кто ты, откуда, почему приехал? Чудо, если они не станут разбираться, сочтя это праздным любопытством провинциального журналиста!

— Предлагаешь забыть о тебе? О том, что они с тобой сделали? — всерьёз возмутился парень, скрещивая руки на груди.

В этот момент открылась моя незащитность. Я что действительно похожа на ту, кого нужно всегда спасать? Невинная овечка с белоснежной шкуркой? Неужели он не видит, что меня не нужно трогать? А нужно держаться как можно дальше! Я приношу только боль. Я ядовитое растение и разрушаю всё, к чему прикасаюсь.

— Да. Если хочешь жить — оставь это, — заявила твёрдо, упрямо глядя в глаза. — Меня не нужно спасать. Станет хуже. Подумай о друзьях и близких. Если вздумаешь копать — они тронут не только тебя, но и их. Залезут в голову и выпотрошат как рыбу. Так что забудь. Есть люди, которые занимаются этим. И ты им не нужен.

Я постаралась дать ему максимально обтекаемую информацию, чтобы он понял — в это не стоит лезть. Если дурак — погонится за мечтой журналиста — влезет и это его убьёт. Если умный, то останется жив. Всё просто и я не мамочка, чтобы решать за него.

Олег смирился не сразу. Он спрашивал и спрашивал. Даже по моей внешности прошёлся. И от него не ускользнуло, как быстро затянулись раны. Не думаю, что он поверил словам о хорошей генетике.

Молчание давило, а шутки не разряжали обстановку. Всё тщетно — и в номере, и в машине, ни слова не сказала о том, с чем столкнулась два года назад. Я молчала, понимая, что правде он не поверит. А если столкнётся с Каем, даже воспоминания сослужат плохую службу. В неведении его спасение.

Мы сидим в машине неподалёку от станции почти рядом с условленным местом. Сейчас два часа дня, следующий поезд через двадцать минут. Эльзы нет, как и повода для паники — варианты маршрута из Санкт-Петербурга до этого города различны, так что она может приехать и в четыре, и в пять. Но в ожидании всё равно искусала губы и изгрызала ногти.

— Ты уверена? Почему не хочешь подождать в машине? Отсюда вся площадь как на ладони, не пропустишь подругу.

— Она мне не подруга, — нервно отвечаю, поглядывая на часы.

— Хорошо не подруга, — легко согласился парень. — Но тебе не кажется, что одинокая девушка в толстовке с капюшоном будет выглядеть значительно более подозрительно, чем машина?

— Здесь повсюду камеры. Я не хочу, чтобы потом тебя допрашивали, если до этого дойдёт!

Наивное дитя. О как же я наивна!

В окно со стороны водителя постучали. Человек в форме и в фуражке, немного полный, розовощёкий, с холодным взглядом, но без голубого отлива. Я поглубже натянула капюшон и постаралась притвориться спящей.

Когда Олег опустил стекло, полицейский представился, а затем сходу приказал выйти из машины.

— В чём дело? — удивился парень. — Я что-то нарушил?

— Разбудите девушку и оба выйдите из машины! — вновь последовал приказ, только

голос прозвучал в два раза строже.

— Что происходит? — спросила фальшиво-сонным голосом, оставаясь в тени.

— Пожалуйста, выйдите из машины. В городе проходят оперативно-розыскные мероприятия, — нехотя пояснил он.

Олег послушно вышел из машины, а я, действуя в два раза медленнее, напряжённо думала. Это несовпадение. Не может быть совпадением. Кай ищет меня, привлекая все силы. Как лучше найти девушку в толпе? Пройтись полицейской лапой. У меня примета на поллица и нет документов!

Выйдя из машины, краем глаза заметила напарника полицейского. Солнце в зените, но не обжигает, просто голова от волнения закружилась. Что делать? Повернуться и сдаться или?..

Я сорвалась с места.

— Держите её!

Раздался возмущённый окрик и я припустила ещё быстрее. Несмотря на боль и слабость, были шансы уйти. Эти товарищи не противники жирной пищи, спортзал не для них, так что моя задача — уйти с площади, а уж потеряться среди стоящих плотно друг к другу домов довольно просто.

Рука, прижатая к телу, мешала бежать, равновесие терялось, солнце слепило глаза, окрашивая всё в ярко-красные оттенки, но не сдавалась и продолжала наращивать скорость, пытаюсь не сбить дыхание. Я влетела в небольшую толпу, толочущуюся около базарных торгов, продающих овощи, цветы и фрукты. Распихивая людей, пробиралась вперёд, оскальзываясь о гнильё под ногами, активно работая локтями.

— Куда ты прёшь! — прямо в лицо плюнула старуха, отталкивая в сторону.

Чуть не упала, но выровнялась, оглянулась и, увидев, как близко подобрался один из полицейских, ускорила к выходу с импровизированного рынка.

Засада пришла откуда не ждала. Какой-то простецкий парень легко и непринуждённо сделал подсечку, и я рухнула, приложившись щекой о потёртый асфальт. Лицо обожгло, брызнули слёзы и в ушах зазвенело. Повреждённая рука заныла вновь — спал удерживающий бинт. Даже показалось, что заработала новый вывих. Только попыталась подняться, как налетел полицейский и довольно сильно коленом удержал в лежачей позиции.

— А ну не двигайся, стервь! — прошипел он, заламывая руки.

Я закричала — вывернутую руку прострелила острая боль и запульсировало плечо, эта пульсация волнами пошла по всему телу.

— У меня рука вывихнута! — отдышавшись, воскликнула, но мужик не обратил внимания, застёгивая на запястьях наручники.

— В участке разберёмся! — буркнул он, однако более деликатно поднял на ноги.

Вокруг собралась толпа любопытных. Разномастные лица, от мала до велика. Лузгающие семечки, ковыряющиеся в зубах и просто отупевшие, расхристанные, красные испитые люди. Или же это то, что вижу только я и только сейчас из-за того, что надо мной смыкается небо?

— Благодарю! — мрачно и кратко процедил полицейский довольноному пареньку и тот мигом заулыбался, шутливо отдавая честь и неприязненно глядя на меня.

Идя сквозь толпу, по сторонам слышала шёпот: «Лицедейка, небось!.. Воровка иль чё похуже!.. Ты видел её шрам?.. Точно тебе говорю — убийца!.. Я тут слышала, бабёнка приревновала мужика, свихнулась и зарубила его, а потом сбежала... Мож она это?..»

Полицейский вывел к дороге, куда тут же подъехал небольшой уазик. Водитель выскочил из машины, с интересом оглядел меня, удивлённо присвистнул, пониже натягивая кепку, оглаживая небольшую бородку.

— Вот так улов! — резюмировал он.

— Хороший день, — подтвердил толстяк, а затем толкнул меня в спину, вызвав очередное шипение и боль.

Начиналась мигрень и день на секунду выцвел до полной белизны. Проморгавшись, увидела перед собой открытую заднюю дверцу уазика.

— Полезай! — скомандовал мужик.

— Дядя, может не надо? Я ничего плохо не сделала, просто... — заканючила я, кося под простушку.

— Это в участке разберутся, — перебил он. — Моё дело доставить всех подозрительных. Так что не нервируй и полезай в кузов!

— Вы не имеете право! — раздался голос позади.

Обернувшись, увидела, как второй полицейский тащит, держа за плечи, упирающегося Олега.

— Да вы знаете кто я? И сколько законов нарушили?! Я вас засужу! — вопил он, а служителям закона побоку.

Только водитель, затушив сигарету о борт машины и скрестив руки на груди, принялся что-то насвистывать себе под нос.

Обречённо выдохнув, поставила ногу на небольшую подножку и с помощью полицейского залезла внутрь. Следом от совсем не почтительного пинка влетел Олег. И дверца захлопнулась, взревел мотор.

Самым удивительным было то, что в участке обработали новые раны и даже закрепили разрывшуюся руку. И камера, куда поместили, оказалась чистой и пустой, а точно в такую же разместили кипевшего от злости Олега. На этом плюсы закончились и пошли минусы.

Я в камере в городе рядом с усадьбой. Уверена, что ищут меня и что скоро придут **они**. Так надеялась, что не подставлю Олега, но парень здесь — напротив меня, пышущий гневом, нервно ходящий из угла в угол. Сколько шансов, что его не возьмут в оборот?..

— Эй, всё будет хорошо! — раздался голос за решёткой.

Олег подошёл и облокотился о перекладину, пропустив руки сквозь железные прутья. На запястьях заметила синяки от наручников. В душе хотелось, чтобы его слова оказались правдой, однако взгляд зелёных глаз выдавал истинные чувства — страх и непонимание. Господи, надеюсь это пройдёт по касательной и всё-таки не заденет парня. Он просто водитель, подобравший незнакомку на дороге в лесу. Он ничего не знает и ничего не узнает. Пусть будет так!

— У меня всё времени не было спросить, — я аналогично прислонилась к решётке, чтобы могли говорить в полголоса, — почему у тебя такая странная машина? Она такая маленькая, да ещё эта ромашка...

— Это машина матери, — ответил он, немного сбитый с толку неожиданно неуместным вопросом.

Потом широко улыбнулся:

— Отец подарил на годовщину свадьбы. Она только-только получила права и тут такой подарок! — его глаза потеплели от хороших воспоминаний. — Моя машина в вечном

ремонте после зимы, а я очень хотел съездить сюда. Мама и одолжила. Она верит в меня, — теперь он загрустил и уже я попыталась поддержать его:

— Всё будет хорошо! Скоро тебя отпустят и ты вернёшься домой. У них нет причин для задержания!

— А тебя есть? — с неожиданно неприятной интонацией спросил он. — Ты что-то сделала, поэтому тебя ищут? Поэтому нас задержали?

Для ответа не нашлось слов. Прикусив губу, отошла от прутьев вглубь камеры и присела на скамейку, осторожно погладив разнывшуюся руку. Бег не пошёл ей на пользу.

Олег прав — здесь оказались из-за меня. Я пыталась убить Кая, потом он пытался убить меня. Я сбежала, он поймал, снова сбежала и скоро он вновь поймает. Интересно, как много знают господа полицейские? У них ориентировка на меня или они просто ловят всех подозрительных/не местных? Я внимательно смотрела в глаза каждому, кого встретила и никого подозрительного не увидела. Здесь нет членов **семьи**. Так что вопрос остаётся открытым.

— Мне нечего сказать! Я просила оставить меня, ты не послушал. Бога ради, ты ещё выговаривал за внешний вид, а ведь мы сидели в красной машине с ромашкой на капоте! Просто живые мишени! — почти истерично воскликнула, поворачиваясь к нему лицом. — Да мы здесь из-за меня. И мне жаль, что впутала тебя, ведь ты ни в чём...

Из коридора раздались шаги и скоро напротив камеры встал суровый дяденька в форме. Темноволосый, крепкий и со смешными усами. Глаза выдавали. Городок хоть и маленький, но гадости случаются везде. И этот дядечка видел их всех.

— Ну что, Елена Викторовна, поговорим? — с прищуром спрашивает он.

Когда Олег попытался вставить хоть слово, дядечка одним жестом и взглядом обрубил новый запал парня. А затем добавил:

— Будешь плохо вести — оставлю на несколько дней, сразу присмиреешь! Тоже мне, журавль нашёлся!

Меня вывели из камеры и отвели в довольно уютный кабинет. Мебель старая, словно прямиком из советских времён, но ухоженная. На окнах занавески, по углам горшки с цветами, повсюду книги, документы, бумаги. Весь стол завален писаниной, рядом чистая пепельница, поодаль шарообразный кактус и две фотографии с рыбалки — на них старший следователь Снегов Валерий Иннокентиевич: довольный, в тельняшке и с огромными рыбинами в руках. Позади стола на стене портрет президента, а напротив лесной осенний пейзаж в золотистой рамке. Окно чуть приоткрыто, с улицы доносятся детские голоса и слышны гулкие удары по мячу. Воздух невообразимо свежий, живой, а кабинетные пыльные запахи напоминают о школе. Почему-то вспоминаю детство, вспоминаю то время, когда пальцы не дрожали, когда голова не болела, когда дышалось легко. Когда была обычным ребёнком.

А сейчас сижу на деревянном стульчике с потёртой и в заусенцах спинкой, в руках любезно предоставленная следователем сигарета, передо мной на столе горячий чай с шоколадной конфеткой. Валерий Иннокентиевич устраивается напротив, скрещивает руки на столе, улыбается сквозь густые почти карикатурные усы, а глаза ледяные, холодные, цепкие. Но не голубые, карие почти чёрные.

— Спасибо за заботу. Я могу идти?

Неприятна эта «добродушная» тишина, в ней открывается моя нервозность, а когда нервничаю, то могу сболтнуть что-то лишнее.

— Елена Викторовна, ну куда вы пойдёте в таком состоянии? — укоризненно воскликнул он, а затем, «пошуровав» среди папок, выудил одну и протянул мне.

Затушив недокуренную сигарету, открыла и уставилась на свою фотографию. Моё фото на паспорт. Боже, как давно это было! Тогда ещё жила с родителями и сестрой, была такой маленькой, невинной. Внезапно соображаю, что мне уже двадцать лет и нужно менять документы. Какая глупая бесполезная мысль. Такая простая вещь теперь просто невыполнима.

— Здесь написано, что я лежала в Психиатрической больнице № 8 в г. Москве, что меня перевели в лечебно-восстановительный центр Волкова «Мирасвет»... Что это за чушь?!

— Вы совершили побег, спрыгнув с моста в реку. Елена Викторовна, вы невероятно везучий человек! Наша речка отнюдь не тиха, вы чудом выжили! — мягко воскликнул он, добавляя в голос лёгкое неодобрение. — Я не знаю, в...

Пока он говорил, водила пальцем по выпискам из психиатрической больницы, через сухой канцелярский язык пытаюсь осознать, что скрывается между строк. С каждым предложением, сердце стучало быстрее и быстрее. И чуть не плакала, понимая, какую историю придумал для меня Кай, вздумай я пойти в полицию или к журналистам.

— Здесь написана неправда! Я не больна! Дистморфофобия, мания преследования, паранойя... Ни слова правды! Меня похитили, накачали снотворным и привезли туда! — голос сорвался в истерику и от этого ещё хуже. — Поймите, есть один человек, он...

— Успокойтесь, Елена Викторовна. Я всё понимаю. Стресс от переезда, глупый побег, а потом такое потрясение! Ничего, я уже отзвонился в усадьбу, поиски прекращены, скоро за вами приедут и всё будет хорошо! Я бы оставил вас в кабинете, но...

Перебивая, сорвала голос на крик:

— Вы не слышите, что говорю?! Меня похитили! Его зовут Кай, но в документах записано Григорий Волков, он...

— Учёный, меценат, под его началом была отреставрирована княжеская усадьба, а сейчас бывший санаторий превращается в прекрасный центр для детей и подростков, имеющих... сложности. Елена Викторовна, вам не кажется, что здесь есть связь? — укоряюще заговорил он, но уже слышалось и раздражение, и зарождающийся гнев. — У вас всё спуталось в голове. Судя по документам, в Москве с вами произошёл несчастный случай. Что-то связанное с наркотиками. Понимаю, девочка из маленького городка, вроде нашего, оказывается в столице со всеми её соблазнами, вот и... — кивком головы, как будто ясно без слов, закончил он. — Ваши родители позаботились о вас. Попасть в центр...

— Да вы хоть там были?! — не выдержав, заорала я, плача от бессилия.

Он предусмотрел всё. Боже, да в документах были даже подписи родителей о госпитализации после острого наркотического приступа. И дата — день, когда сбежала от Кая в первый раз. Только потом не спасли Лико с Эльзой, а откачали врачи и из-за того бреда, что якобы несла про волков, оборотней, наркотиков и прочего, меня поместили в психиатрическое отделение. А когда стало лучше — перевели сюда.

— Елена Викторовна! — оборвал мужик, сверкнув глазами и гулко ударив кулаком по столу. — Думаю, наша беседа окончена. Вы явно не в состоянии судить здраво. Ну ничего, в центре вам обязательно помогут!

И несмотря на отчаянные мольбы, просьбы о помощи, несмотря на всё, что ему говорила, под руки вывели из кабинета и вернули в камеру. Олег, увидев моё состояние, попыталась вытянуть хоть слово, но я сжалась на кровати в комочек боли, закрывая лицо

волосами, прячась от всех и невероятно остро понимая, насколько я маленькая в этом мире. Насколько легко меня превратили в сумасшедшую девчонку, болтающую жуткие сказки про оборотней.

— Елена, тише-тише.

Тёплые мужские руки опустились на плечи, легонько сжав их. Затем он обнял, прижимая к груди и мне почудился любимый аромат парфюма. Свежий, горный и как мороз.

Зажмурившись изо всех сил, цеплялась за него, как утопающая за соломинку: он — моё спасение, он — тот, кто не даёт сойти с ума.

— Тише, милая моя. Соберись, принцесса. Девочка моя, спрячь слёзы!

— Арман, я так больше не могу, — простионала едва слышно, чтобы не услышал Олег. — Я так устала бороться с ветряными мельницами!..

— Но ты должна, малышка, — мягко возразил он. — Что ты умеешь делать лучше всего?

— Выживать, — ответила тихо, отстраняясь. — Я умею выживать.

— Убери слёзы, Елена. Он идёт за тобой, дорогая. Он уже близко.

Резко открыв глаза, посмотрела на пустую постель, а затем обернулась. В коридоре послышались шаги и негромкое пение.

Глава 16. Пиковый король

Ты — мой господин и судья.

В твоих руках отныне судьба моя.

Вырви из сердца свободу воли,

Чтобы скорее привыкла к новой роли.

Встав напротив решётки, уставилась на встревоженного Олега. От него не укрылись мои метания, а принятая стойка: сжатые добела пальцы, напряжённый и испуганный взгляд, ещё сильнее усилили беспокойство парня. Он попытался задать вопрос, но я отрицательно покачала головой и жестом велела уйти вглубь камеры. Не дай бог, он обратит на себя внимание того, кто идёт.

Я почти год не видела Кая. Не слышала его обольстительный голос, не чувствовала его запах на своей коже, не просыпалась в его объятиях, не засыпала рядом с ним, не чувствовала его **внутри** себя. Когда-то он был центром моего мироздания. Когда-то он был моим персональным богом, я поклонялась ему, исполняя малейшие желания, предчувствуя, что он хочет. Я делала всё ради него. Даже была счастлива.

А теперь одна только мысль о нём внушает животный ужас. Всё вспоминаю окровавленную звериную морду, рвущую тела людей на куски, слышу их крики и его довольный рык. Неоновые голубые глаза долгие месяцы преследовали во снах, прежде чем встретила Армана и почувствовала себя в безопасности. Недавно кошмары вернулись, воплощаясь в реальность.

Сейчас встречусь со зверем лицом к лицу.

Если вдруг замучили тебя

Шорохи ночные в тишине

Лучше помолись, ведь это я,

Это я уже иду к тебе!

(Агата Кристи — Секрет)

Я узнала эту песню, услышав куплет прежде, чем он остановился напротив клетки. И сердце встало. Один вдох и дыхание замерло, перед глазами всё окрасилось в бесконечный голубой.

Он всё такой же. Его глаза как магниты, умные, внимательные к деталям, в них как будто бы есть и доброта, и мягкость, но на самом дне для самого внимательного зрителя скрывается правда — безумие живёт в этом мужчине.

Острая, ненасытная жажда прячется за стильной одеждой, аккуратной стрижкой, за

дорогими часами и приятным парфюмом. Она прячется в его излишне мягких движениях, в том, как улыбается, как наклоняет голову, как красиво говорит. О, его голос! Тёплый, домашний, низкий, вибрирующий. Он весь — сплошной соблазн. Кажется, что у Кая нет секретов, что он простой и открытый, что его легко обмануть и одурачить.

Как же наивны овцы. За обманчивой мягкостью скрывается звериное нутро. За его добротой прячется насилие. Он — тот, кто прячет в подвалах своих жертв. Тот, кто насаживает на клыки невинных, кто любит кровавыми рубинами крови, падающей с его когтей. Он — настоящее зло.

И с какой же любовью он смотрит на меня!

— Любишь, любишь, любишь или нет?.. Секрет?.. — растягивая последние слова песни, заканчивает он. — Здравствуй, Елена. Любовь моя, как же я по тебе соскучился!

Его слова оказались во сто крат хуже того, чем терзала себя долгими ночами. Мне виделись горящие голубые глаза, оскаленная морда: пасть, вооружённая сотнями клыками, и когти, цепляющиеся за шею, вспарывающие грудную клетку, вырывающие и давящие сердце. Предвидела тысячи вариаций мучительной смерти и ни в одной из них не было этих слов.

Я, теряясь, отступила назад и он улыбнулся.

— Что же ты, дорогая! Не поприветствуешь меня? — укоризненно воскликнул он.

За мужской спиной появился Олег. Между бровей парня пролегла глубокая вертикальная складка, он хмурился, переводя взгляд с меня на Кая, но пока молчал. Возможно помня, о чём предупреждала.

— Оставь меня, — нервно сглотнув, севшим голосом обратилась к волку.

— Кто вы такой? — напряжённо и непослушно задал вопрос Олег.

Кай резко обернулся, смерив взглядом парня с головы до ног.

— Вы тот молодой человек, который спас Елену? — вопросом на вопрос ответил Кай. — Вы спрашиваете, кто я? Я её муж. Григорий Волков.

— Что?! — голос зазвенел среди голых стен и всё внимание сосредоточилось на мне. — Это неправда! Ложь!

— Именно поэтому мы здесь, не так ли? — почти искренне и отчасти грустно заговорил Кай, искоса поглядывая на Олега. — Доктора гарантировали, что тебе станет лучше, но лучше не становится.

Он помассировал переносицу и, подмигнув мне, развернулся полностью к Олегу, рассказывая якобы достоверную историю.

В его рассказе, мы познакомились спустя месяц, как я перебралась в Москву. Начали встречаться и весной поженились. Медовый месяц провели вдвоём, отправившись в поход к уральским горам. Именно оттуда привезла идею об оборотнях. А потом выяснилось, что я употребляла этот новый наркотик неон. И в августе случился передоз, напала на своего новоиспечённого мужа, сильно порезала его, а после сбежала. На улице начались судороги, прохожие вызвали скорую и я попала в больницу. Из которой перевели в психиатрическую лечебницу, как только восстановили здоровье. Психика пострадала настолько, что я по-прежнему бросалась на мужа, утверждая, что он оборотень и сам разработал неон, чтобы поработить человечество.

Взгляд, которым смерил меня Олег, был настолько красноречив, что к щекам прилила кровь и я отвернулась. Не думала, что со стороны правда может быть настолько бредовой и фантастичной.

— Когда понял, что лечение в Москве не помогает, то решил создать удалённое место

специально для таких, как моя жена. К сожалению, система безопасности пока оставляет желать лучшего. Я и подумать не мог, что Елена решится прыгнуть в горную реку! — Кай печально покачал головой. — Чудо, что она выжила и ещё большее чудо, что вы увидели её и привезли в город. Конечно, нужно было сразу ехать в больницу...

— Елена просила не делать этого.

— Да, разумеется. Она очень убедительна во время эпизодов, — мягко подобрал замену отвратительному слову Кай. — Мне жаль, что в результате вы оказались здесь. Право, наша полиция нас бережёт иногда слишком тщательно. Я поговорю со следователем и вас обязательно сегодня же выпустят.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Олег, не сводя глаз с Кая.

Я видела, что Олег сильно сомневается в словах волка, но также понимала — нужно молчать. Это спасительный круг для молодого журналиста, а если буду упорствовать, он начнёт копать. Ведь хватило ума поверить мне вчера вечером!

— О размере моей благодарности поговорим позднее, — доброжелательно закончил Кай, вновь поворачиваясь ко мне.

— Ты готова вернуться домой, Елена? — вкрадчиво заговорил он, не улыбаясь, холодно смотря в глаза.

Прикусив нижнюю губу, попыталась заставить себя сделать хоть шаг, но не смогла сдвинуться с места. От одной мысли встать рядом с ним пробирала сухая дрожь. Я отрицательно покачала головой.

Кай разочарованно скривился.

— Не вынуждай, Елена, — голос всё ещё мягкий, но глаза засветились.

Он поднял к груди руки и я увидела, как вырастают когти. По взгляду волчьих глаз поняла, что Кай собирается сделать, если вздумаю сопротивляться. И тогда же почувствовала, как он положил руку на плечо и сжал его.

— Ты сильная, Елена. Ты справишься, — шепнул Арман.

Господи, как же его не хватает! Даже мысль о нём даёт силы бороться.

И я подхожу к двери клетки. Кай торжествующе улыбается, достаёт из кармана ключи, открывает решётку и обнимает за талию, не обращая внимания, как дёрнулась от его прикосновений. Прощальный взгляд на Олега, от которого вздрогнула, — он не поверил Каю. Моя мольба осталась не услышанной — парень будет искать правду. Надеюсь, не найдёт.

Мы выходим из здания, Кай сердечно благодарит Валерия Иннокентиевича за оперативность и бережность. Попросил выпустить Олега и тот обещал: «Как только, так сразу! Вы уж не сомневайтесь!»

Мы вышли на улицу как раз к закатному кровавому солнцу. Я зажмурилась: после тёмной камеры, даже вечерние лучи больно бьют по глазам. Полицейский участок стоит на пригорке, с лестницы открывается отличный вид на город, за которым виднеются горы и мрачные грозовые тучи, вновь собирающиеся обрушиться на землю майским ливнем.

Кай аккуратно повёл вниз по ступенькам к двум машинам представительного класса возле которых стояло несколько крупных почти одинаковых мужчин. Один из них открыл перед нами заднюю дверь автомобиля и Кай помог мне в неё залезть, а затем отдал приказ:

— Журналиста в питомник сразу как отсюда выйдет.

Только одна машина отъехала от участка.

Кай всё никак не отпускал мою руку, то сжимая, то поглаживая её, перебирая пальцы, обхватывая запястье. Мне хотелось высвободиться, но я даже дышала через раз, боясь, что он набросится, и только смотрела в окно на своё отражение, в котором виднелись деревья, сквозь которые проступали последние лучи солнца.

— Зачем? — спросила, набравшись смелости.

— Что именно, милая? — он посильнее сжал руку, вынуждая обернуться.

— Зачем тебе Олег?

От имени парня Кай скривился.

— Он журналист, Елена. Ты умеешь быть убедительной, когда захочешь. А парень умный благородный дурак. Поэтому пусть будет под присмотром.

— Ты дашь ему... неон? — выдавила из себя, отводя взгляд.

— Разумеется. Елена, да за это он будет боготворить тебя. Если бы ты не встретила, он бы вряд ли когда-нибудь получил его. Ну... не такой концентрации. Ты ведь уже знаешь, что сейчас есть несколько видов моего лекарства.

Я хотела возмутиться. Хотела плюнуть ему в лицо, крича и ругаясь. Проклиная, обвиняя. Но вместо этого просто выдернула руку и отвернулась обратно к окну. По ощущениям, казалось, что сижу в автомобиле рядом с заряженным ружьём, готовое в любой момент выстрелить.

— Ничего, любимая. Скоро всё изменится. И ты поймёшь, какое благо я создаю для людей.

Чем ближе подъезжали к усадьбе, тем сильнее билось сердце. На лбу выступила испарина, ладони мокрые, между лопаток, неприятно щекоча кожу, вниз спустилась капля пота. Словно в машине градусов тридцать, а то и больше. Вдалеке, над горами мелькали вспышки. Неторопливо надвигалась майская гроза. И я уже начинала ненавидеть дождь. Слишком громкий, слишком быстрый, из-за него слепнешь, гложнешь, путаешься. Никак сосредоточиться, никак не разобраться.

Искоса поглядывая на Кая, нервно растираю пальцы, срывая до крови кутикулы. А он, как ни в чём не бывало, с лёгкой улыбкой на лице, уткнулся в планшет, что-то сосредоточено набирая на виртуальной клавиатуре.

— Прекращай, — наконец, недовольно произнёс он, даже не смотря в мою сторону.

— Что?

— Ты раздражаешь, — отстранённо заявил он. — И оставь руки в покое. Посмотри, что ты с ними сделала!

Бесцеремонно схватил за руку и притянул её к себе, внимательно рассматривая пальцы.

— До крови, — зачарованно воскликнул он, а затем посмотрел глаза в глаза.

Молчание. Только шум касания шин об асфальт. А затем дождь забарабанил по стёклам. Кай поднёс мою руку ко рту, касаясь языком окровавленных пальцев. Я забыла, как дышать, не в силах оторваться от того, что он делает со мной. На губах мужчины капли крови, а в глазах вновь появился голубой огонёк, готовый превратиться в яркое пламя.

Мгновение разбилось, когда машина остановилась перед автоматическими воротами. Я вновь высвободилась, но теперь положила руки на джинсы, как примерная ученица. Отвернулась от него, склонила голову вперёд, чтобы волосы закрыли лицо. Он наклонился, забирая их за ухо, а затем прошептал, губами почти касаясь кожи:

— Ты будешь счастлива только со мной, — вкрадчиво произнёс он.

Машина тронулась с места.

Это здание совсем не походило на дом Армана. То было выполнено в греческом стиле, здесь же преобладала русская классика. Перепад этажей, высокие колонны, от ворот до главного входа старая дубовая аллея, а прямо перед усадьбой удивительной красоты скульптура — полуобнажённая девушка на вставшей на дыбы лошади, окружённая стаей волков. На её лице застыла обречённость, покорность судьбе. В сумерках подсвечивают лампы, расставленный таким образом, чтобы выделить фигуру: пятно света, вокруг которого — тьма.

Кай оставил на попечении двоих прислужников. Оба — из семьи. Молчаливая женщина и молодой парень с неприязненным взглядом. Эти двое вели себя подчёркнуто вежливо, но непреклонно. Они отвели в выделенные комнаты на третьем этаже.

Здесь всё сделано под меня. И то, что они соседствуют с комнатами Кая, не удивляло. Он всё спланировал, всё предусмотрел.

Шкафы набиты платьями и нижним бельём, которое нравится ему. Украшения, косметика, обувь — всё, что приводило в восторг всего год назад. И спальня с удобной решётчатой спинкой, и тот самый шкафчик, спрятанный в стене. Здесь всё новое, в воздухе ещё витает неуловимый запах только что купленных вещей и новой, с завода, мебели. Поверх свежести накладывается аромат свежих лилий, стоящих в вазах, расставленных по всем комнатам, но чудится железный запах крови. Я не хочу вспоминать, как он любил любить меня.

— Если вам что-нибудь понадобится, вот пульт для вызова горничной, госпожа, — влезла в мысли оставшаяся со мной женщина.

— Сколько ты уже в семье? — резко спросила, разворачиваясь к ней лицом.

— Скоро будет полгода, госпожа, — задрал подбородок, заявила она, холодно смерив взглядом.

— Ты счастлива?

— Разумеется, госпожа.

Ни единый мускул на лице женщины не дрогнул, а я уже дошла до точки из-за бесконечных повторов слова «госпожа»! Подойдя к шкафчику, по нажатию раздвинула дверцы, обнажая пока ещё скромную коллекцию плёток, наручников, ножей и резиновых игрушек. А затем достала стек с металлическим окончанием. Ухмыльнувшись, с прищуром посмотрела на неё.

— Когда была в семье, мне нравилось причинять боль, а Кай любил на это смотреть, — протянула задумчиво, наблюдая за её реакцией.

Не дождавшись ответа, фыркнула и подошла к ней.

— Кай будет очень рад, если ударю тебя. А если избыю до полусмерти, то будет счастлив. Мне избить тебя?

Члены семьи не роботы, как когда-то заявил один из лаборантов Эльзы. Я пыталась доказать обратное, но он был уверен, что все они подчиняются приказам Кая и не имеют свободы воли. Он не понимал, насколько глубока связь между волком и членами его семьи. Как этого не понимают и другие. Арман говорил, что за всем этим стоит король из его мира, и что у королей схожая власть над своими подданными. Я в этом сомневаюсь.

Ведь женщина уже стоит передо мной на коленях. Она поверила, зная, что это действительно может порадовать Кая.

Я отбросила стек в сторону и приказала ей подняться.

— Убирайся, — процедила сквозь зубы, а когда она не послушала, закричала: — Пошла вон!

Оставшись одна, уставилась в пустоту. Живот занял от голода, ему вторила голова и место вывиха. Я пока ещё жива. Я нужна Каю, иначе он не стал бы создавать эту комнату.

А вдруг он нашёл мне замену? Или же собирается вновь накачать неоном? А вдруг всё это чтобы просто успокоить? Вдруг?..

Я попыталась избавиться от пугающих мыслей и сосредоточиться на простых вещах. На мне мокрая одежда, нужно переодеться, найдя среди вещей что-то не унижительное, не вульгарное, не вызывающее. Нужно найти еду. А потом решить, что делать дальше.

Всё по очереди, по чуть-чуть. Простые вещи и простые мысли.

Чтобы не думать, что в любой момент он может войти в эту комнату и сделать со мной всё, что захочет.

Я проснулась посреди ночи от резкого искусственного надрыва сирены тревоги. Скрючившаяся, в ванной, с ножом в руках. Озираясь по сторонам, отметила вспышки прожекторов, отблески которых гуляли по стенам. Затёкшие конечности, боль в шее, но только в закрытой ванной комнате смогла заснуть и теперь, разбуженная непонятной суматохой, вновь пыталась сопротивляться цепким лапкам страха.

Выйдя в спальню, а затем в гостиную, подошла к широкому зарешёченному окну, пытаюсь разглядеть, куда нацелены столпы света. Но безрезультатно. Слишком далеко и темно. Без движения простояла, наверное, целую вечность, хмурясь и кусая губы. Сирена смолкла, свет потух и всё погрузилось в ночную тишину. Только шелест листьев, сбрасывающих на землю последние капли прошедшего ливня.

Опустив занавеску, без сил рухнула в постель и вырубилась.

— Кто здесь?

— Кто здесь?

— Кто здесь?!

Озираясь по сторонам, по нарастающей задаю вопрос и кричу. Боже, как же холодно!

В заснеженном, невероятно белом лесу, совершенно одна, в лёгком светлом платье, босая, окоченевшая. Пар вырывается изо рта, а пальцы немеют, не в силах разогнать по рукам кровь, как бы сильно не тёрла плечи. На ресницах — иней, сквозь него всё кажется расплывчатым. Озираюсь, прислушиваясь к зимним шорохам, к тому, как скрипит снег, как ветви роняют его на землю: где-то упала целая шапка, раздался хруст и треск, взлетели шустрые пичуги.

Солнце, отражаясь от снега, слепит глаза, но даёт возможность видеть, как кто-то быстрый пронесится между деревьями, будто играя со мной, то появляясь, то исчезая вновь.

— Уходи! — закричала как можно громче.

Слишком страшная игра, ведь я абсолютно беззащитна. На грани, скоро тело откажется бороться и станет жарко. Фальшивый жар спутает сознание, а затем придёт смерть. Какое уж время для игр!

Взгляд скользит по белоснежным шапкам, по бурелому, по веткам, деревьям, укрытым зимними шубами, по нетронутой снежной целине, по торчащим из снега сломанным палкам — все оттенки белого, а затем вижу его. Вижу жёлтые, яркие глаза, в них пылает безумие и этот контраст яркости гипнотизирует. Он шевельнулся и тогда увидела целиком. Огромный

белый, сливающийся со снегом, волчара с мощной грудной клеткой, широкой острой улыбающейся пастью. Он бесшумно выходит на поляну, наклоня голову, прижимаясь к земле.

— Елена, беги!

Среди деревьев показался Арман, в глазах мужчины впервые увидела ужас и беспомощность. Он бежит изо всех сил, но не успевает. Волк срывается с места и с рыком бросается на меня.

Сон оборвался и теперь вместо жёлтых глаз, на меня смотрят голубые. Не менее опасные глаза другого волка.

— Ты проснулась, любовь моя?

Я выхватываю из-под подушки нож, но он выбивает его из рук, обхватывая запястья и заводя их за голову. Извиваясь, пытаюсь ударить коленом, но он удерживает меня, даже не напрягаясь, возвышаясь надо мной, подавляя расслабленной улыбкой. Только глаза разгораются ярче. Он вставляет колено между ног, разводя их в стороны, перехватывает запястья левой рукой, а правой проводя по обнажившемуся животу, задирая майку ещё выше. Мои крики подстёгивают мужчину, он наклоняется к лицу, стремясь поцеловать, а когда попыталась отвернуться — ухватился за подбородок, «зафиксировал», впиваясь ненасытно в губы.

— Не сопротивляйся!

Кажется, Арман здесь в комнате, стоит возле постели, наблюдая за разворачивающейся драмой.

— Его это заводит, разве не видишь? Немедленно расслабься! Помнишь, о чём мы говорили?

В памяти тотчас всплыл ответ.

— Что ты сделаешь, если вновь попадёшь к Каю?

Солнце ранней весны оживляет оранжерею, лучами проходя сквозь разноцветные потолочные стёкла, добавляя тепла в зелёную гамму комнаты. За плетёными креслами у стеклянного столика только мы вдвоём. А ещё кофе и печенья, апельсины и орехи.

Я уже интересна Арману, ему хочется разговаривать со мной, но настоящая игра ещё не началась. Мы в преддверии её, только пробуем смотреть и слушать друг друга открыто. Он вертит между пальцев сорванную азалию, то подводя к губам, то вновь отрывая лепестки.

— Я убегу, — отвечаю просто, возвращая чашку с кофе обратно на тарелку. — К чему этот вопрос?

— Ты уже раньше думала о такой вероятности, не так ли? Думала, что он с тобой сделает, если вновь окажешься в его руках? — в словах Армана сквозит лукавство, но глаза серьёзные, холодные.

Конечно, раньше думала об этом. И прекрасно знала, что со мной сделает разозлённый неповиновением волк. Убьёт.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Ты понимаешь, что стала добычей. Ценным призом. Ты убежала от него. Это вызов. По глазам вижу — думаешь, он убьёт тебя. Но, Елена, это слишком легко, — с сожалением протянул Арман, сжимая в кулаке цветок. — Он захочет сломать тебя. Причинить боль, сильную боль. И только когда ты сломаешься — он, может быть, убьёт тебя.

— Тогда мне нельзя ломаться? — осторожно спросила его.

— Нет, наоборот. Ты не должна сопротивляться. Дай то, что он хочет. Покорись,

целиком и полностью. Научись играть покорность. Сначала немного сопротивления, чтобы был азарт, постепенно замещая отвращение — влечением. Он должен гордиться собой. В конце концов, все девушки, которые его окружают — неонезированны. Внутренне он хочет завладеть той, которая ему не подвластна. Это природа хищника — вызов и власть.

«Не возвращайся, пока не станешь нормальной!» — эхом отозвались слова Кая в воспоминаниях.

— А когда решит, что ты его — тогда бей. Бей изо всех сил, а потом беги, — жёстко закончил Арман.

— Но ты же этого не допустишь, не так ли? Ты не отдашь меня ему? — тихо спрашиваю, отводя взгляд в сторону.

— Не строй свою жизнь, ориентируясь на других. Не делай себя зависимой, Елена, иначе это сыграет с тобой злую шутку, — медленно и чётко выговорил он. — Не будь слабой, принцесса, — слабые не выживают.

И я расслабилась.

Глава 17. Тактика и стратегия

Твой голос держит меня над водой.

Я не умру, ведь ты же со мной?

Закрою глаза — и ты во плоти.

Криком зову: Приди и спаси!

Но вместо ответа лишь тишина.

На самом деле здесь я одна.

Кай сразу заметил перемену. Ещё минуту руки жадно касались тела, но затем мужчина остановился, внимательно посмотрел в глаза и отпустил. Слез с кровати, поправил сбившуюся рубашку и развернулся ко мне, демонстрируя непроницаемое выражение лица. Холодный и острый, как кромка льда.

— Рад, что не пыталась снова сбежать, — сухо высказался он, скрещивая руки на груди.

Нервно кашлянув, медленно подтянула одеяло, закрывая тело. Пальцы такие слабые, безвольные, непослушные — никак не удавалось полностью прикрыться, казалось, что ткань прозрачная и я обнажена до костей.

— Зачем бежать, ты всё равно поймаешь, — отвечаю тихо, пряча глаза, сильнее сминая руками простынь.

— Помни это, Елена, — удовлетворённо кивнул он.

— Сегодня ночью слышала сигнализацию.

Не задаю вопрос, ведь он их не любит. И успеваю заметить недовольную гримасу на лице прежде, чем оно вновь стало незыблемым. Ему сложнее, чем мне. По сути, перед ним незнакомка, он не знает, чего ожидать.

— Твой побег показал уязвимости в системе безопасности. Теперь она реагирует на любое движение. Даже белка не проскочит незамеченной.

— Так будет каждую ночь...

Вновь хожу по краю, но иначе не могу. Может Кай что-то недоговаривает? В моей ситуации важна любая мелочь. Сейчас он остановился, но что будет завтра? Рано или поздно волк возьмёт своё, а я не уверена, что смогу выдержать это снова. Не хочу больше быть бессловесной жертвой.

— Да, — подтвердил он, а затем резко переключился:

— Умойся. Сейчас вернётся горничная, она поможет одеться. Завтрак через час.

Кай направился к выходу из комнаты, когда окликнула:

— Что ты хочешь, Кай? Почему не убил?

Он замер на месте, развернулся и уставился с огромным искренним изумлением на лице. Даже рот приоткрыл, будто вопрос «из ряда вон выходящих».

— Почему решила, что хочу убить тебя?!

— Ты уже пытался сделать это, — я покраснела, тушуясь под его пронзительным взглядом. — Отравленная аконитом стрела — красноречивей любых слов. Но она попала в другого... человека.

— Запомни, Елена, если бы хотел убить — ты бы уже была мертва! — зло воскликнул он. — **Я никогда** не желал тебе смерти! Даже когда **ты** пыталась убить **меня!** — под конец Кай уже кричал.

Его глаза расширились, наружу выплеснулись все подавляемые эмоции, однако волку удалось сдержаться и голубой блеск вновь утих.

— Я хочу вернуть то, что было между нами. Чтобы всё стало, как раньше, — гораздо более спокойным тоном заявил он.

— Но ведь это была не я, — очень осторожно пытаюсь оспорить его слова. — Я была под воздействием твоего нарк... лекарства, — замолчала, оговорившись. — Ты ведь знаешь, как оно действует...

— Вот именно. Знаю, — ничуть не разозлившись, подтвердил он. — И знаю лучше, чем ты, Елена. Возможно сейчас тебе кажется, что наше прошлое — фальшивка и это была не ты, но я докажу, любимая, какая ты на самом деле. И как только поймёшь — всё вернётся.

Воодушевления в голосе мужчины хватило бы и на речь с трибуны перед армией солдат. Он искренне верит в свои слова и верит в меня. Кай не видит действительности и живёт своей фантазией. Боже, помоги мне! Зная вспыльчивость волка, его надолго не хватит.

— Играй, Елена, играй! Помни, на кон поставлена твоя жизнь! — далёким эхом доносятся слова Армана.

Девочке пора повзростеть.

Сомнений хватило бы на океан вопросов и дождь подозрений. Но играю по его правилам и призрак Армана, чудившийся повсюду, не давал сорваться — я послушна и тиха. За завтраком, обедом и ужином — сама кротость, а между ними мы порознь. Кай уходит через мост в лабораторию, я остаюсь под наблюдением молчаливой прислуги.

Из неожиданно приятных мелочей — рука перестала ныть. Некоторая слабость осталась, но я вновь здорова, как будто бы и не было майских купаний в горной речке. Это и радовало, и пугало. Я видела, как Кай посматривает на мою шею. Метка Лико — как язва на прекрасном женском теле. Взгляд магнитом тянется к нему. Что он в этот момент думает — неизвестно.

Вторую ночь провела в запертой ванной, оставив у порога спальни ловушку — небольшая ваза разобьётся, если дверь откроется. Но всё прошло тихо. Как и через день, и ещё, и ещё. На четвёртый в ванной исчезла задвижка, а глаза вечно занятого Кая полны лукавства. Меня пугает отстранённость мужчины. Он молчит, на вопросы не отвечает, кажется чего-то ждёт, но даже подумать боюсь, чего именно.

В этой усадьбе день стал совсем куцым. За мной по пятам следует горничная Вика, которая помогает одеваться и краситься по утрам, чтобы соответствовала запросам Кая. Она сопровождает в столовую, убирает в комнатах, освежая их новым цветом. От запаха лилий тошнит, но Вика продолжает таскать их, на протесты не обращая внимания.

Возвращаясь в комнаты, читаю книги из небольшого шкафчика в гостиной, — они все странные, наполненные чем-то тёмным, грубым, даже злым, но чтение увлекает, хотя, откладывая роман в сторону, сразу забываю о чём он.

Только на четвёртый день решилась выйти из комнаты — до этого мерещился синий

цвет бороды, словно Кай захочет наказать, если вздумаю изучать это место.

Стоило покинуть гостиную, как рядом материализовалась услужливая Вика. Она сопровождала всё время, что ходила из комнаты в комнату третьего этажа. И заговорила только когда захотела зайти в покои Кая, грудь встав передо мной:

— Вам туда нельзя, госпожа, — твёрдо заявила она и я отступила.

Нельзя так нельзя.

На следующий день спустилась на второй этаж и нашла обширную двухэтажную библиотеку. Судя по планировке, второй открытый этаж примыкает к комнатам Кая. С удивлением обнаружила множество книг на неизвестном языке. Более того, символика книг абсолютна чуждая, не похожая ни на семитские языки, ни на европейские, индийские, словом — это были точки. Странные крупные, мелкие точки, переходящие в извилистые линии, хаотично разбросанные по страницам. По качеству материала, ясно, что книги были напечатаны в типографии, но, кажется, их исходники рукописные.

Вопросов стало больше.

— Книга из другого мира, — раздался позади невыразительный голос.

От неожиданности, резко захлопнула талмуд и обернулась. На небольшом кожаном диване в углу, в тени, расположился молодой парень с толстой книгой на коленях. И как не заметила его, когда изучала комнату?

— Давно не виделась, Артём. — говорю холодно. — А ты изменился.

Парень повзрослел и раздался вширь. Юношеская угловатость сошла на нет, уступив место регулярным тренировкам и занятиям борьбой для поддержания отличной формы. От блондинистых волос остался острый ёжик, от мягкости — лишь губы и всё такие же небесные голубые глаза, сводившие с ума всех девчонок в университете. Всё остальное — чужое, недоброе, поливающее презрением и даже гадливостью.

— А ты нет. Как была..., так и осталась, — процедил он, откладывая недочитанный роман и вставая с дивана.

— Не надо оскорблений, Тёмочка. Ты знал, на что шёл, когда всадил иглу в сердце, — выпалила, разозлившись.

Горничная, замершая истуканом возле входа, тихо сделала замечание Артёму:

— Госпожу нельзя трогать.

И Артём остановился в нескольких метрах. Он весь — олицетворение злости. Как смотрит, как сжимает кулаки, как напрягает мышцы на лице и скрипит зубами! О да, парень в бешенстве, в отличие от меня.

— Вика, оставь нас.

— Госпожа...

— Я приказываю уйти! — выпалила, даже не смотря в её сторону и женщина подчинилась.

Мы смотрим только друг на друга, и, оба вспоминаем, с чего всё началось. Вся эта история завертелась в тот момент, когда в клубе он подошёл ко мне и позвал за собой. Теперь чертовски интересно, почему он это сделал.

— Я давно хотела спросить — почему ты выбрал меня в ту ночь? В клубе было полно красивых и по-настоящему роскошных девушек, но ты пошёл за мной. Ведь ты знал — мой шрам настоящий. Так почему?..

Напряжение повысило градус, парень не двигается, взглядом оценивает, взвешивает и просто ненавидит. Он действительно огрубел за этот год, и я не знаю, что именно заставило

его так сильно измениться.

— Ты пахла как **они**. Показалось, что ты одна из **них**. А когда понял, что это не так, захотел сделать тебя особенной. Знал, что ты понравишься Алхимику, ведь ты так похожа на женщину его вида.

— Почему ты так говоришь? — в горле запершило, в голове появились горькие ответы. Я всё ещё блуждаю во тьме или же разгадка лежит на поверхности?

— Как так? — передразнивая, говорит вопросом на вопрос.

— Будто всё ещё считаешь это хорошей идеей?

Он ухмыльнулся и разом расслабился.

— Потому что сам факт твоего существования приносит радость нашему господину. А теперь ты здесь и скоро всё станет как прежде.

— С чего ты взял?

Растираю пальцы, гася нервное напряжение, стараясь не смотреть в глаза — в них слишком много предвкушения.

Артём подходит ближе, кладёт руки на плечи, наклоняясь вперёд. Он стал выше, чем прежде, потому приходится задирать голову, чтобы увидеть, как голубые неонезированные глаза начинают светиться совсем как у Кая.

— Видишь ли в чём дело, Елена, Кай создал новый вариант неона. Лимитированный выпуск. Только для самых особенных и преданных последователей.

Краем глаза вижу, как утолщаются пальцы на руках парня, как темнеют, обрастая шерстью.

Он тяжело дышит и последние слова почти как рык, едва можно разобрать:

— И ты в списке на инъекцию.

— Отойди от неё.

В дверях появился напряжённый и злой Кай, а позади маячит Вика. Умная женщина. Артём, скрипя зубами, сильнее сжал плечи, царапая их когтями, упрямо смотря только на меня, не желая отпустить.

— Артём! — прикрикнул Кай и только тогда парень оттолкнул меня, падая на колени и тяжело дыша.

Тело сотрясают волны едва сдерживаемой трансформации, а в воздухе возник приторный и острый запах, напоминающий мускус. Мужчина подошёл к нему, также опустился вниз и положил руку на спину.

— Тише-тише. Глубокий вдох, медленный выдох.

Он ненадолго отвлёкся на Вику, кивком головы приказав вывести меня из комнаты.

Следуя за женщиной, не могу оторваться от происходящего. Алхимику удалось превратить человека в волка. И я по-новому посмотрела на Вику. Однако на вопросы женщина и бровью не повела. Доведя до комнат, она сухо попрощалась, плотно закрыв за собой дверь.

Следующий час измерила гостиную вдоль и поперёк, переваривая то, что увидела. Кай сделал невозможное. Но даже не это отпечаталось в памяти. Артём не сразу послушался его. О чём это говорит? Неужели о свободе воли?

Задумавшись, не сразу поняла, что уже давно не одна. Кай застыл у окна, волчьей неподвижностью наблюдая за моими метаниями. И только когда заметила его присутствие заговорил.

— Плохо, Елена, очень плохо, — с удручающими интонациями в голосе воскликнул он. — Это должен был быть сюрприз, но ты магнит для неприятностей, разве нет?

— Зачем тебе оборотни?

Голос слишком громкий для такого прямого вопроса. Слишком требовательный, настойчивый, непозволительный для меня в гостиной, рядом с открытыми дверями спальни.

— Я не уверен, что ты готова услышать ответ. Ты не одна из нас, Елена. Ты пыталась убить меня, пыталась разрушить всё, что создавал долгие годы. Нет, дорогая, я не дам тебе ответов, пока ты не будешь готова их принять.

Он оглядел с ног до головы, спровоцировав волну мурашек по всему телу, и я непроизвольно потёрла оголённые плечи, унимая дрожь. На мои действия мужчина усмехнулся.

— Ты боишься, — констатировал он. — Елена, которую знаю, ничего не боится.

— Но ты не знаешь меня. Это была не я, а проекция твоих желаний в моём теле!

Мой голос тих и осторожен. Ни жестом, ни движением руки, ничем не выдать своих чувств. Кая так легко спровоцировать.

— Не забывай дышать, любимая, — неожиданно рассердился он. — А то, того и глядишь, задохнёшься в своих страхах.

— Где моя сестра? — резко выпалила вопрос. — Все эти дни молчишь, ничего не давая, хотя обещал, что не тронешь её, если приду к тебе. Ты приказал той женщине умереть ради этого и что в итоге?

— Но у тебя нет сестры, — легко ответил он, понемногу сокращая расстояние между нами. — Разве не знала? Ты не Озёрова, у тебя с ними разная кровь.

Я не думала, что он знает об этом, поэтому мужчина легко считал мои эмоции.

— Ты знала! — заулыбался он. — Тогда почему называешь её сестрой?

— Потому что твои слова не важны. Мы разной крови, но росли вместе. Мы семья! — злобно выпалила ему. — Демагогия, не так ли, Кай? Как легко ввести в заблуждение, когда так любишь манипулировать! Вместо того, чтобы придерживаться слова, нашёл «лазейку» и солгал!

— Может я и подменил слова, поиграл со смыслом, но делал это с любовью! Я спас тебя! Вытащил из этой фальшивой триады, навязанных ценностей, лжи и коварства **Армана!** А Инга, девушка, которую называешь сестрой... знала бы как она тебя ненавидит! всю жизнь она прожила в твоей тени и только став частью семьи малышка обрела покой. Я дал ей цель и смысл жизни. Подарил свободу, любовь и настоящую семью. Как ты можешь считать это ложью?

Распаляясь, он подошёл совсем близко, взял за руки, сжав их и приложив к груди.

— Всё, что сделал, — сделал из любви к тебе, — проникновенно закончил он, а затем поцеловал мои пальцы.

Невыносимо остро захотелось оборвать его, накричать, доказывая обман, прячущийся в каждом слове, но вместо этого молчу, не двигаюсь, покорная и спокойная. Я чувствую, как Арман кладёт руки на плечи, напоминая об уговоре. Напоминая — есть только одна тропа, чтобы выбраться отсюда. И она скрывается в подчинении.

Поэтому, когда Кай притягивает к себе, не сопротивляюсь его поцелую, его ласке и его объятиям.

Время течёт, время тянется как нуга, невыносимо медленно и липко. Кай осторожен как

дьявол, а я слишком неопытная актриса, чтобы убедить его в своей слабости. Волк чувствует неискренность, но продолжает гнуть эту линию. Видимо нравится игра. В конце концов, в такую никогда не играли. Поэтому, за старательность, простительны ошибки.

В какой-то момент задаюсь вопросом: чего добивается на самом деле?

Раньше боялась его, а теперь в растерянности.

Чего он хочет? Почему не делает ничего из того, что может? Он даже не стал исследовать меня, чтобы понять, почему удалось избавиться от неона. Кай ждёт моего первого шага или же есть что-то ещё?..

Пытаюсь разгадать загадку, но кажется, что он просто хочет, чтобы я была рядом. Словно моё присутствие делает его счастливым... насколько это возможно, учитывая, кто он такой.

За завтраком Кай огорошил новостью — он уезжает. От неожиданных слов мужчины сильнее скользнула ножом по дну тарелки, выбив противный острый звук. Отложив столовые приборы, взяла стакан апельсинового сока, стараясь не смотреть на него, чтобы не выдать облегчения.

— Возникли неотложные дела, — ответил он на невысказанные вопросы. — Передать привет Инге? Ей нужна поддержка, сессия на носу, девушка много занимается.

— Как мило, что ты заботишься о ней, — заговорила хмуро. — Я-то из института вылетела в итоге. Спасибо, что лишил образования!

— Всё можно устроить, если есть желание.

Мне нравилась эта столовая, в изумрудных оттенках, просторная, с окнами в пол и летящими занавесками, за которыми скрывался выход на открытый балкон. В этом помещении легко дышится. Кажется, что отсюда легко сбежать.

Я смотрю на него через длинный вытянутый стол. Между нами чашки, чайнички, фрукты, десертные пирамиды и вазы с цветами — богатство и роскошь с золотым обрамлением. И хозяин под стать.

В тёмно-синем пиджаке, светло-серой, с небрежно расстёгнутыми пуговицами на груди, рубашке, на пальцах золотая печатка, золотом и запонки украшены. Каждое движение — лёгкое и естественное, почти царское, он гармонично сочетается с усадьбой, вычищенной, отреставрированной и переделанной под его волю. Как и я.

Мои волосы уложены и завиты крупными кудрями, волной спускающиеся по спине. Платье с округлой линией глубокого декольте на бретельках, с завышенной талией, очень короткое, едва прикрывающее бедра, светло-бежевое, невероятно нежное. Раньше ему нравилась грубая версия меня, теперь же влечёт нежность и невинность, которую он украл.

Всё, что вижу, — дорогое и чужое, но как же естественно он вписывается в это окружение! Аристократизм почти невозможно привить, нужно родиться в знатной семье, чтобы с детства уметь так подавать себя. Глядя на него, понимаю весьма чётко, что мир, в котором он рос, совсем иной.

— Это то, что ты хочешь от меня?.. Я так от этого устала! — обречённо говорю, откидываясь на спинку стула и опуская руки.

— От чего ты устала, Елена? — голос прозвучал одновременно и лукаво, и с издёвкой.

— Я устала быть не свободной, — отчеканила быстро, впервые с вызовом глядя на него. — Зачем я тебе? И не говори, что любишь — ты не умеешь любить!

— Это ты не знаешь, что такое любовь, Елена.

Он провёл белоснежной салфеткой по губам и отложил её в сторону. Холодный взгляд и то самое разочарование, что уже видела раньше.

— Если бы хотел обладать — нашёл бы тебя в два счёта, — и он щёлкнул пальцами, вставая из-за стола, вызывая очередную волну страха.

Как на иголках, пальцы вновь дрожат. **Армана рядом нет.** И никогда не было.

— Но я ждал, когда ты сама вернёшься. И вмешался только когда ты связалась с... — он скрипнул зубами, опираясь кулаками о стол.

Самообладание вернулось не скоро.

— Я терпелив, Елена, — спокойно заговорил он. — Не лезу в душу, не допрашиваю, как это делаешь ты, не пытаюсь изменить. Я хочу, чтобы ты успокоилась, расслабилась и позволила себе вспомнить всё хорошее, что было между нами.

— Хорошее?! — ошарашенно восклицаю, также вставая из-за стола и делая несколько шагов назад, натываясь спиной на стол с цветами. — Меня похитили, накачали наркотиком, а потом притащили к тебе, где я избивала ни в чём не повинную девушку, желая угодить тебе! Почти год исполняла, предугадывала все твои прихоти! Чёрт, да я помогала тебе убивать людей! Мне до сих пор кошмары снятся, ты бешеный...

На последних словах, он словно переместился в пространстве и оказался, сжав моё горло, грубо обрывая слова. Отдалённо послышался звон — одна из ваз пошатнулась, задетая рукой, и рухнула на пол, разлив в воздухе тяжёлый запах ненавистных лилий.

— Не лги себе, Елена — ты наслаждалась всем, что давал тебе! Никакой ответственности, никаких последствий, ты выпустила **своего** зверя, показав, что мы родственные души! Вспомни, Артём так и не смог никого убить — в нём этого нет, а в тебе есть! Не обманывайся, Елена — ты такая же, как и я!

Я действовала инстинктивно, не думая о последствиях. Одним быстрым движением бью коленом между ног — он сразу отпускает и получает удар по ушам. Вырвавшись, бегу из комнаты, уворачиваясь от рук нерасторопного официанта. Позади слышится вопль гнева, но даже не запнулась, сбегая по лестнице на первый этаж. За последние две недели хорошо изучила усадьбу и отлично разобралась, какая здесь охрана — мой путь ведёт всё к той же реке, только через неё можно покинуть это место, защищённое как неприступная крепость.

Но я слишком медленная и слишком импульсивная. Волк сбивает с ног — носом ударяюсь о паркетный пол. Во рту моментально появляется медный привкус. Кай переворачивает меня, и я вижу частичную трансформацию, эхом напоминающую о прошлом. У них даже глаза похожие — голубые, яркие, злые.

От испуга и боли выступили слёзы, а кровь из носа попала в рот. Одной рукой Кай придавил к полу, другой сильно сжал между ног, выдавив из меня болезненные всхлипы.

— Ещё раз провернёшь подобное — отправлю в питомник, поняла? — зарычал он.

Не дождавшись реакции, ещё раз сжал и тогда закричала:

— Да-да, я поняла! Пожалуйста отпусти!

Сквозь красную пелену, увидела и почувствовала его желание. Прямо сейчас он был готов взять меня. Задранное платье и глубокий вырез провоцировали, и по его глазам видно, как быстро сменяется злость на похоть.

От ужаса замерла, позволяя ему то сжимать, то разжимать пальцы вниз, пытаюсь приласкать. Кай хотел вызвать ответную реакцию, но я только сильнее сжималась, «деревенела», почти не дыша. Тогда, сквозь трусики, он проник внутрь, но и это не вызвало ответных чувств.

— Всё могло быть по-другому, если бы ты этого захотела, — прошептал он, наклонившись.

От его близости зажмурилась. Волк лизнул лицо, жадно забирая кровь, а затем провёл пальцами по шраму, остановившись на линии окровавленных разбитых губ.

— Тот, кто оставил этот шрам, такой же, как я. Ты знала? — очень тихо спрашивает он. — Не отвечай!

Кай покрывает невесомыми поцелуями шрам, постепенно спускаясь к губам, чтобы накрыть их жарким, жадным, ненасытным прикосновением. И я теряюсь в его жажде обладания, словно частичка меня хочет этого, хочет, чтобы он продолжал. Чтобы он взял меня, как сломанную куклу.

Боже, как же сильно хочу сдать и перестать что-либо решать!

подавив слабость, отстраняюсь и тогда слышу печальный вздох. Молча Кай провёл рукой по лицу, а затем отпустил.

Ещё несколько секунд не двигалась, боясь и предвкушая, что он набросится и всё-таки довершит то, что начал, однако, открыв глаза, обнаружила, что осталась одна.

Глава 18. Манёвр дамы трэф

Беги, девочка, беги.

Сотри ножки до крови.

Солью изрежь их, болью умой,

Только не падай, только не стой...

Ведь за тобой следует кое-кто злой.

Изо рта вырывается колючее облачко пара. Осиный холод до ожогов морозит голую кожу. Но как-то отдалённо, затем резко и близко, волнами то приближаясь, то отдаляясь вновь. Запрокинув голову наблюдаю за кроваво-красным необычайно ярким северным сиянием, загораживающим небесное звёздное полотно. На его фоне деревья совершенно чёрные, и только снег фиолетовых оттенков, переливается подобно миллиардам драгоценных камней. Деревья скрипят, деревья дышат во власти ночных суровых ветров и это единственная песнь ночи. Она завораживает — пальцы непроизвольно перебирают невидимые клавиши. Такое неподвижное обнажённое безмолвие.

Послышался далёкий женский крик, а затем разъярённый дикий вой, стрельба и вот уже несколько волков продолжают начатую мелодию звериной ярости.

— Уходи отсюда, Елена, — раздаётся позади голос Армана. — Слишком рано, это погубит тебя.

— Я здесь уже была?

От звука собственного голоса разболелась голова. Крепко зажмурившись, попыталась унять мушки перед глазами, но только слёзы выступили на ресницах, моментально замерзая на холоде.

Вновь в белом платье, босая, почти синяя от мороза. Но в этот раз всё иначе. Ведь я знаю, что сплю. Обернувшись, вижу Армана: безупречный, стильный, во всём чёрном, не испытывающий холода, любящий, даже добрый. Раньше он никогда не смотрел с такой теплотой! Под его взглядом зимняя стужа отступает, а звуки бойни стихают. В морозной тишине слышится только наше дыхание, только биение сердец.

Несмело дотрагиваюсь до его щеки, а затем убираю руку, прижимая её к груди.

— Почему вижу тебя? Почему ты, а не Лико? Почему чувствую **именно** тебя?

— Столько вопросов. Ты не меняешься, Елена, — с мягкой укоризной в голосе отвечает он, а глаза смеются. — Потому что с Лико ты на равных. Потому что Лико не делает тебя сильнее. Потому что ты не доверишься ему так, как мне.

— Но я чувствую тепло, просто думая о нём! Мне достаточно знать, что он есть, чтобы быть... спокойной. Разве этого недостаточно?

В моём вопросе двойное дно и мы оба понимаем, о чём спрашиваю на самом деле. Арман подходит совсем близко, берёт онемевшие руки в свои, растирает их, целует, а затем целует в лоб, покровительственно, почти как в детстве целовал отец.

— Есть разная любовь, Елена. В мире волков у триад привязанность имеет границы, где каждый избирает себе свою линию любви. Страстная, резкая, тёплая, нежная, изрезанная, печальная — на любой вкус — как подскажет сердце. Но вы оба родились в этом мире и не знаете, как любить нескольких. Вам больно, вы запутались. Но рано или поздно всё встанет на свои места, — он отпустил руки, а затем заправил непослушную прядку моих волос за ухо и щёлкнул по носу, улыбаясь, почти смеясь.

Здесь он такой открытый. В реальности никогда не видела его таким живым и счастливым. Влюблённым.

— Откуда я это знаю? Тебя здесь нет, ты — это моё подсознание. Моя внутренняя защита, — терпеливо спрашиваю его, поражаясь своим вопросам и своим же ответам.

— Не думай об этом, — посерьёзnel он, а затем перевёл взгляд за мою спину. — Они идут, тебе нужно бежать.

— Кто идёт? — непонимающе спрашиваю, оглядываясь по сторонам.

Ветер усилился, разбивая кокон безмолвия, забираясь в наш уютный мирок. Трещат деревья, падают ветви, стонет земля под порывами разгорающейся бури. Сияние усилилось, стало светло почти как днём. Кроваво-красным днём. Тогда же вижу чёрные фигуры в чаще леса, они медленно, но уверенно движутся в нашу сторону, постепенно ускоряя шаг, срываясь на бег.

Арман обхватил плечи, развернул к себе лицом, почти сталкиваясь носами. Он побелел, выцвел и только глаза, яркие янтарные глаза, неотрывно, с тревогой смотрят на меня.

— Беги, Елена, беги! — кричит он, и всё отдаляется, опять через вату, а в ушах нарастает звон.

Волк притягивает к себе и с силой, до крови целует в губы и отдалённость схлынула, рассыпавшись звонкими снежинками, вернув обратно в зимний северный лес. Как будто проснулась, а он взял и исчез.

Оглянувшись, увидела: стая почти здесь. Сорвалась с места, оставляя за собой кровавые следы — порезы от острого снега. Я бегу так быстро, как могу, разрывая платье, цепляясь волосами за ветви деревьев, царапая лицо, когда они хлестали меня, мешая бежать изо всех сил. Падаю и поднимаюсь вновь, но словно бегу на одном месте, а волки всё ближе и ближе, чувствую их разгорячённое дыхание, смрад кровавых пиршеств, ненасытный волчий голод.

Впереди показался слабый, но постепенно увеличивающийся огонёк. Он как маяк тащит к себе — последний рывок и я падаю на колени, а мимо на большой скорости проезжает автомобиль по занесённому снегом шоссе. И стая вырывается следом из леса, бросается на машину. Визг, как острый, непрекращающийся крик, водитель выкручивает руль вправо и влетает через небольшой овраг в массивное дерево, полностью сминая капот. Негромкий хлопок, в воздух взвилась дымная струйка, быстро превращаясь в плотный, чёрный дым.

Волки подбираются ближе и тогда открывается задняя дверца.

Я не могу оторвать взгляд от происходящего. Сон кажется воспоминанием. Мне знакома эта машина и я предчувствую, кто выйдет из неё. Вдруг раздаётся невыносимо громкий противный звук со стороны водительского кресла — клаксон автомобиля. Он всё набирал и набирал громкость, слепя, заволакивая сон в белёсую паутину.

Тянусь рукой к машине, словно пытаюсь разогнать туман, чтобы увидеть, что было дальше, но вместо этого открываю глаза. То, что приняла за автомобильный гудок, — охранный сигнал.

На усадьбу напали.

Открывается нараспашку, со звонким ударом о стену, входная дверь в спальню и на пороге возникает взъерошенный Артём, впуская в комнату слабый свет из коридора. По его лицу скользнула непередаваемая гамма чувств — от облегчения до недовольства. словно в чём-то опять перед ним провинилась.

— Одевайся! — приказал парень, входя в комнату и подходя к окну.

Слегка отдёрнув занавеску, уставился на деревья с такой ненавистью будто там враги, злодеи и все неприятели мира.

Я потянулась к прикроватной лампе, но громкий окрик остановил:

— Не смей! Быстро одевайся, мы уходим!

— Да что происходит?! — не выдержав, спрашиваю его, выбираясь из постели.

— На лабораторию напали, — сухо ответил он. — Если ты сейчас же не оденешься, пойдёшь как есть!

Поджав губы, пересекла комнату и достала из комода удобную одежду. От нарастающего, а затем стихающего воя сирены, постоянно сбивалась. С трудом натянула джинсы и чуть не надела майку на выворот, а дрожащими пальцами едва-едва смогла зашнуровать кроссовки. Пристальный нервирующий взгляд Артёма не помогал. Когда закончила, он уже стоял рядом и буквально дышал в затылок.

— Идём! — скомандовал он и для ускорения подхватил под локоть, быстро таща на выход.

— Куда мы идём? — попыталась задать вопрос на лестнице, но он лишь сильнее дёрнул, ничего не говоря в ответ.

Достигнув первого этажа, столкнулись с группой вооружённой охраны, рассредоточившихся у окон и входной двери. Неожиданно смолкла сигнализация. Артём отпустил, что-то приказав на ухо главе охраны, кивком головы указав в мою сторону. Тот согласно кивнул и Артём, даже не обернувшись, покинул здание.

— Госпожа, вам необходимо идти с нами.

Ко мне подошёл поджарый дядька с голубым блеском в глазах, говоривший с Артёмом. Участие, тревога и даже злость, но ясно: моя защита превыше всего.

— Куда мы идём? — вновь повторила вопрос, спускаясь с лестницы и следуя за ним.

— Мы выведем вас из усадьбы в безопасное место, — твёрдо ответил мужчина. — Я прошу вас беспрекословно следовать моим указаниям, чтобы мы могли обеспечить вашу безопасность.

В ответ кивнула, и они повели в правое крыло усадьбы, к одному из выходов, рядом со вторым гаражом. Тишина, следовавшая за смолкшей сигнализацией, пугала до чёртиков — ни единого выстрела, крика или вспышки. Ничего. Понять, что происходит невозможно — неизвестность всегда пугает больше.

Ради охраны отключены, мы отрезаны от происходящего на той стороне моста. Аккуратное продвижение по комнатам, наблюдение за окнами и никого. Я задалась вопросом, где же слуги, но голос не подала, понимая, что лучше молчать.

Кто напал? Волки? Люди? Это за мной? Может конкуренты Кая? Враги? Досадно ничего не знать.

От быстрого пульса, биение которого звучало в висках, разболелась голова, но я и подумать не могла о том, чтобы показать испуг.

Сначала на улицу вышло всего несколько человек. Дождавшись отклика, последовали за

ними остальные включая меня.

Улица встретила ночной тишиной. Фонари вокруг усадьбы не горят, только несколько и те в глубине дубовой аллеи и возле виднеющихся вдалеке ворот. Со стороны лаборатории, видны мощные прожекторы, исследующие территорию, но по-прежнему ни единого подозрительного звука.

Никак не получалось распознать, кто надрывается в лесу — цикады, кузнечики или кто ещё? Стрёкот перебивал только шорох гравия под ногами и от этого хотелось встать на мысочки — так громко!

Один из охранников взял за плечо и повёл в сторону гаража, чтобы не потерялась в темноте. Несколько человек отделились, углубившись в парковую зону. Уже подходя к машинам, услышали работающий двигатель — один из охранников вывел внедорожник из гаража и развернул его к выезду с территории усадьбы. Меня быстро повели к ней и в тот момент, когда оказалась рядом с автомобилем, раздался взрыв и ночь на миг окрасилась в белый цвет.

Я даже не закричала. Слабая волна опрокинула на спину, отчего приложилась затылком о землю. Ничего не слышно, ничего не видно, перед глазами прыгают белые точки, превращающиеся во вспышки. Усиливающийся/падающий вниз почти комариный звон и биение сердца — так жутко ничего не слышать кроме этого. Быть абсолютно беззащитной!

Медленно подползаю к колёсам машины, пытаюсь подняться. Рядом возник сурового вида водитель. Он потянулся ко мне, чтобы помочь встать, когда в его голове появилась крупная дырка, и перед глазами всё потемнело от бурой жидкости, слепившей ресницы. Возвращение звуков сопровождалось криками и автоматной очередью. Попыталась залезть под машину, чтобы спрятаться, когда что-то потащило назад.

Брыкаясь, пыталась попасть в чёрного человека, а он вздёрнул меня за грудки, прислоняя к машине. На нём военный шлем, бронежилет и автомат, перекинутый через плечо. Я видела, как он шевелит губами, что-то втолковывая, но всё ещё была в прострации и не понимала, что говорит незнакомец.

Тогда он отбросил шлем в сторону и я увидела разъярённую Эльзу, которая кричала:
— Ты умеешь водить машину?!

Быстро закивала головой и тогда она толкнула в сторону распахнутой водительской двери, а сама развернулась лицом к усадьбе, направляя на неё автомат и выпуская длинную очередь, из-за чего моё сердце пустилось в ещё более быстрый пляс.

— Залезай! — закричала она, обходя машину.

Стартанув с места, вывела автомобиль в сторону ворот, а Эльза, выудив пистолет, принялась менять магазин.

— На таран, поняла? И прибавь скорость, не на пикник едем! — охрипшим голосом выдала женщина, а затем наполовину высунулась через окно автомобиля и направила оружие на пост охраны.

Прибавив скорости, внезапно додумалась — все, кто вёл меня, мертвы. Эльза убила шестерых охранников.

— Давай! — закричала она.

Мысль промелькнула и ушла. Покрепче вцепившись в руль, порадовалась, что успела пристегнуться, а затем переключила передачу и мы пошли напролом, сквозь закрывающиеся ворота.

Столкновение, удар, противный визг соприкоснувшегося капота с металлическими воротами, а затем уже почти привычные выстрелы и протестующие крики. Эльза чуть не вылетела из машины, но вовремя вернулась внутрь. Позади разбилось стекло, окропив волосы осколками, а на переднем появились глубокие трещины — следы от пуль. Внезапно заиграло радио:

Sunshine, sunshine reggae,

Don't worry, don't hurry,

Take it easy.

Sunshine, sunshine reggae

Let the good vibes get a long stronger...

(Laid Back — Sunshine Reggae)

Эльза, выругавшись, вырубилла музыку, а затем напряжённо уставила в боковое зеркало. — Куда ехать? — задала вопрос, порадовавшись, что смогла сказать это внятно, но она не успела ответить.

Что-то толкнуло машину в бок и Эльза закричала:

— Что за чёрт?!

Тогда увидела в отражении яркие голубые глаза на огромной волчьей морде. Сдали нервы — засмеялась в голос, выравнивая траекторию машины. Не знаю как, но догадалась, кто это.

— Познакомься, Эльза, — это Артём. И он новообращённый волк.

Машины вновь повело в сторону, Эльза зло воскликнула:

— Держи ровнее!

— Я пытаюсь! — заорала в ответ, пытаюсь удержать руль от очередной попытки Артёма сбить машину.

Скоро впереди появится серия крутых поворотов — спуск с горы. Придётся сбросить скорость и тогда волк точно собьёт нас. Эльза что-то задумала, она перебралась на заднее сидение, копошась в огромной чёрной сумке. В зеркале увидела, как женщина очищает какими-то тряпками пространство за сидениями от осколков разбитого стекла.

Пришлось увеличить скорость, чтобы немного оторваться от упорного волка, но это временная мера. Чёрное пятно с яркими неоновыми глазами вновь появилось с правой стороны, готовое опять ударить в бок.

— Сбавляй скорость! А как скажу — ускорься, поняла?! — громко воскликнула женщина, а затем пустила в волка серию пуль.

От громких выстрелов затошнило, в ушах отразился давешний звон, поэтому постаралась полностью сосредоточиться на своей части задания. Скорость падает, слышу, как открывается задняя дверь.

— Что ты делаешь?! — кричу Эльзе, оборачиваясь.

Она наполовину свесилась вниз, чтобы оказаться на одном уровне с немного отставшим

зверем. От открытой дверцы усилился шум шин и звук мотора, выстрелы раздаются тише, но чаще. Развернувшись обратно лицом к дороге, краем глаза наблюдала за тем, как Эльза пытается попасть в него. А потом что-то мелькнуло, выпало из машины, и женщина резко втянула себя обратно, закрывая дверь и крича:

— Давай!

Педадь в пол, и автомобиль резво набирает обороты. Позади вспыхнуло, раздался взрыв, а затем невероятно громкий крик. В зеркале заднего вида объятый пламенем волк сбегает с дороги, вертясь, кувыркаясь, пытаясь сбить огонь, а затем скрывается между деревьями.

— Смотри за дорогой! — воскликнула Эльза.

Посильнее сжала руль, резко сбавляя скорость и попадая в первый крутой поворот. Потребовались все силы, чтобы ровно вписаться — никогда не водила такую резвую машину, поэтому все повороты проехали молча — в темноте да без опознавательных знаков — я не такой крутой ездок! Только когда дорога стала более-менее ровной, а дыхание спокойным, задала совершенно дурацкий вопрос:

— Ты убила его?

— Надеюсь, — мрачно ответила она, а потом зашипела.

В зеркало увидела, как Эльза, морщась, закрывает правое плечо.

— Что с тобой?

— Осколками задело, — раздражённо буркнула женщина.

Она откинулась на заднее сидение и запрокинула голову.

— Можешь не гнать, погоня будет не раньше, чем через час, я уничтожила мост, так что пока они во всём разберутся, будем уже далеко. Держи навигатор, в него вбит маршрут. Как устанешь — скажи, сразу подменю.

Эльза протянула миниатюрный планшет с чёткой зелёной линией дороги. Положив его рядом с рулём на специальную подставку, разглядела приблизительное время в пути — почти двадцать часов. Отдалив маршрут и дойдя до финишной точки, поняла, что в итоге окажемся посреди леса, далеко от населённых пунктов.

— Куда мы едем?

— В безопасное место, — ответила она, тяжело дыша. — Твои мальчики будут там чуть позже. Но сначала поменяем машину. Эта наверняка с отслеживающим маячком. У подножия горы увидишь заросший травой съезд, там будет неприметная машинка.

— Подожди-подожди... — заговорила медленно, собираясь с мыслями. — Мальчики? Машина? Я решила, что ты...

— Наш план накрылся медным тазом после того, как ты вновь попала к Каю, — почти зло перебила она. — Пришлось импровизировать! Арман лучше знает, как думает такой, как Кай. Он на них охотился в своём мире. Они с Лико выманили оборотня из усадьбы в Москву, а я, благодаря речке и хреновой охране, нашла тебя. А что сделала ты? Ныла и страдала, пока мы жопу рвали, вытаскивая тебя?

Я не нашла, что ответить. Даже не решилась посмотреть на неё. А когда попыталась поблагодарить, она осуждающе фыркнула, добив новыми обвинениями:

— Журналист теперь под неонам. Как и Инга. Ты ходячая проблема, из-за тебя страдают невинные люди!

Мне дико захотелось остановить машину, наорать на неё, ударить, оскорбить, сказать что-нибудь такое же уничижительное. Но она сто раз права и могла не помогать мне. Они все могли оставить меня, ведь я никчёмный кусок дерьма, из-за которого ломаются люди.

Лучше бы сдохла в тот день, когда пыталась убить Кая.

— А сейчас ты проклинаешь себя! Боже мой, да ты и правда жалкая! — язвительно проговорила она. — Ничего нового.

— Тогда зачем ты здесь?! — закричала с надрывом.

В горле запершило от слёз, что-то горячее и острое подкатило к горлу, меняя тембр голоса, и я порадовалась, что ещё ночь и не видны мокрые от слёз глаза.

— Вы могли оставить меня ему! Всё равно я бесполезна! Без меня все будут счастливы!

— Хрен тебе, — негромко рассмеялась она. — В тебе определённо что-то есть. Что-то особенное. Что-то, что так сильно манит всех оборотней, которых ты встречаешь. А ведь ты не волчица, не правда ли? Твои родители люди, и сестра человек. Так кто же ты такая?!

— Меня удочерили.

На заднем сидении стало очень тихо. А я-то думала, что Эльза знает всё.

— Моя настоящая мать умерла в больнице от ран, полученных в результате столкновения с омегой. Перед смертью она умоляла врача спрятать ребёнка, утверждая, что меня попытается убить родной отец. На следующий день пришёл странный мужчина, разыскивающий молодую женщину с маленькой девочкой. Его звали Лука Горике. Врач сказал, что они обе мертвы. А сам подменил документы, удочерил и перевёз девочку подальше от тех мест.

— Ты говорила об этом кому-нибудь ещё? — очень тихо спросила она.

— Нет. Я...

Оборвав себя, не найдя нужных слов, нервно сглотнула, посмотрев в отражении на Эльзу. Женщина хмурилась, плотно сжав губы и что-то напряжённо обдумывая.

— Я ведь не могу быть волчицей, разве нет? — не выдержав тишины, спросила у неё.

— Любой волк сразу понял бы это. Они чувствуют друг друга, истинную суть невозможно скрыть. Да, женщины не могут принимать полную звериную форму, но некоторая трансформация им доступна. Однако для этого необходимо оказаться на родине. В мире волков. Но есть одна проблема. Будь ты волчицей, то уже сошла бы с ума, потому что без инициации, волчья часть начала бы рвать тебя на куски изнутри. Кошмары, жуткие видения, одержимость сексом, болью, противоречивые эмоции, потом галлюцинации, а затем всё — зверь в человеческом облики. И это произошло бы лет в четырнадцать-шестнадцать. В период полового созревания у волков.

— Но со мной и правда происходят странные вещи! — воскликнула отчаянно, а затем вывалила на неё потоком всё, что снилось, виделось, слышалось.

Рассказала, как на несколько дней примерно раз в месяц, иногда реже, иногда чаще, становлюсь агрессивной, одержимой сексом и исполнением своих желаний. Рассказала всё, а она рассмеялась.

— И ты решила, что родилась волчицей? Тебе не говорили, что от ран омеги человек умирает? Заражение крови, потом мучительная смерть? Но иногда, если раны неглубокие, человек не умирает, но в нём остаётся нечто звериное. Ты говоришь, что несколько дней в месяц ведёшь себя по-другому? Свободной от предрассудков? В такие дни омеги расцветают! Как в фильмах про оборотней. Только вот влияет на вас луна **другого** мира. Даже не одна. В мире волков троелуние.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Если бы ты действительно разговаривала с Арманом, то давным-давно получила бы ответы на свои вопросы. Кстати, возможно именно из-за шрама, ты смогла избавиться от

влияния неона. Поздравляю!

После нашего разговора, осталось странное послевкусие. С одной стороны, хорошо, что я не волчица — иначе сошла бы с ума. Но с другой стороны... я разочарована? Словно мечту отобрали, хотя никогда не... мечтала об этом? Получается я счастливица — пережила нападение омеги, выжила, а потом смогла противостоять неону.

Но наша триада никогда не будет такой, как в сказке — и жили они долго и счастливо.

Я не заслуживаю их. Я не такая, как они. Я обычный слабый человек, который случайно попал в передрягу.

И как же больно понимать, что я никто.

Глава 19. Капкан для дурака

Погрешности судеб, ошибки богов.

За прошлое судят, увы, не того.

Как верить вам, стоя на эшафоте,

Ведь вы никогда меня не спасёте!

Новая машина — серая неприметная Honda с искусно заляпанными номерами — вроде и видно, но сразу не разобрать. Внутри аптечка, небольшой запас продуктов, деньги, оружие, даже сменная одежда вроде толстовки с глубоким капюшоном, которую тотчас же натянула на себя — от прошедших событий колотила крупная дрожь и жар от печки не спасал.

Вытащила из сумки один шоколадный батончики, съела его пока Эльза занималась своими ранами. Особенно плохо дела обстояли с левой рукой — глубокий и широкий порез пришлось зашивать. В этот момент вспомнилось то, что делала вместе с Арманом в маленькой дурно-пахнущей комнате. Это было давно, но кажется, что вчера.

Закрыв брезентом предыдущую машину, тронулись с места. Эльза свернулась под одеялом на заднем сидении, наказав не трогать её, пока она сама не проснётся.

Я ей не нравилась. Женщина относилась ко мне как к обузе. Перспективный проект, оказавшийся пшиком. Но избавиться от меня не так-то просто — я живучая и умею приспособливаться. Делаю всё, как учил Арман.

Ночь тянется вереницей дорог. Время застыло, только шум колёс, ухабистое полотно мелькает под светом фар, а вокруг деревья, деревья, деревья... Погрузившись в мысли не сразу поняла, что одна из лампочек как-то странно мигает.

Не сразу дошло, что бензин на исходе и нужна заправка, которая, как по заказу, появилась за поворотом, перемигиваясь сотнями огоньков и приветливой жёлтой ракушкой на крыше здания.

Эльза всё ещё спала на заднем сидении. Не решилась будить её, поэтому сама занялась заправкой. Выйдя из машины, вставила пистолет в бак и направилась на кассу, плотнее натягивая капюшон.

Я сильно нервничала, хотя умом понимала, что мы далеко удалились от усадьбы, а Эльза устроила такой погром, что пока они сообщат, что к чему, пока объявят в розыск, время есть.

Подойдя к кассе и не смотря прямо в глаза сонному кассиру, сообщила где, что и сколько. И только потом посмотрела на неё, когда пауза затянулась.

У неё были красивые большие голубые глаза, мягкий женственный ротик, белокурые волосы, спрятанные под фирменной кепкой, красивая фигура и тот самый неоновый блеск, разгорающийся всё ярче, когда она уставилась на едва видный шрам на моём лице.

— Это ты, — прошептала она.

И в тот же момент я сделала шаг назад, роняя деньги на пол. Мгновение дрогнуло, время сдвинулось, а девушка бросилась вперёд, легко, как гимнастка, перескочив через стол, едва

задев кроссовками моего живота, отчего повело в сторону на полки, с которых на пол посыпались снеки, орешки, шоколад и прочая ерунда.

Оттолкнувшись развернулась на выход, только сделала шаг, как она схватила за плечо, с силой развернула к себе и ударила по лицу довершая разворот — я вновь падаю на стойку, хватаясь за неё руками, чтобы не приложиться о верхний ряд. Девушка так быстра, что просто не успеваю среагировать — она вновь хватается за плечи, отчего слетает капюшон, и толкает на полки напротив да так сильно, что они с грохотом падают, ломая плитку, а я падаю на них.

Увернувшись от очередного удара, как можно быстро переворачиваюсь в сторону, вскакиваю на ноги и бью подлетевшую девушку в ответ. А она хватается за волосы и толкает с почти звериным криком на пол, я разбиваю локти, пытаюсь приподняться, когда она оседлала меня. Накрутив волосы на кулак, бьёт о плитку до звона в ушах, приподнимается, переворачивая меня под собой. Сквозь кровавую пелену вижу ссадину на её лице, гнев в её глазах и предвкушающую улыбку на устах. Она облизнула губы, рассматривая меня, а затем наклонилась и прошептала:

— Так рада, что это буду я! Он говорил, что это может случиться, но я и подумать не могла, что это случится именно со мной! Не зря готовилась! — она медленно провела рукой по моему шраму, как будто он драгоценный. — Ты особенная, Елена. Твоё имя, как и его имя, знают все. И тебе пора вернуться в семью!

От её ударов саднило всё тело, а во рту сладко и солёно от крови, но я всё ещё жива. Вцепилась ей в шею, пытаюсь задушить, завертелась, пытаюсь сбросить, подмять под себя, а она, хищно улыбнувшись, вновь схватила за голову и принялась бить о пол:

— Не сопротивляйся! — хрипло закричала она, а затем с лёгкостью убрала мои руки от своей шеи, когда поняла, что слабею.

Я почти ничего не видела перед собой — от острой невыносимой затылочной боли словно ослепла, всё вокруг погружалось во тьму — видела только её, молодую красивую девушку с ангельской внешностью и рабской душой. Неон в её глазах сиял особенно ярко, когда она достала из небольшого нагрудного кармашка инсулиновый шприц. Я знаю, на этот раз в нём не снотворное.

Из последних сил пытаюсь сбросить её, пытаюсь сопротивляться, молю не делать этого, но она обрывает жалкие потуги, убирает волосы с шеи, раскрывая её, чтобы лучше были видны вены, а затем делает укол.

Мгновение вновь рождается в абсолютной тишине. Она лучезарно смотрит на меня, неотрывно, с такой невыносимой радостью, когда в груди расцветает красный цветок и её, не прозревшую, отбрасывает назад.

Надо мной возвышается злая Эльза. Она что-то говорит, а затем вновь стреляет в девушку. Слышу своё имя, но не понимаю, что женщина говорит. Лёд медленно распространяется по телу, заволакивая голубой дымкой и я вновь слышу, как сталкиваются айсберги, с каким шумом откалываются льдины, как поют океаны, закованные в ледяные оковы на краю света, где яркий голубой смешивается с угольно-чёрным и белым. Мне кажется, что изо рта выходит пар, что мир вокруг покрывается инеем, что кроме льда нет ничего.

Последнее, что вижу, перед тем как лёд сменяется огненным вихрем, — Эльза с трудом подхватывает меня на руки. А затем пришла агония.

— Лена, Инга, ну-ка быстро за стол! И не забудьте помыть руки!

— Сейчас! — кричу, продолжая рыться в вещах.

Куда он запропастился? Я всегда кладу дневник в одно и то же место! Третий раз перерываю полки, но ничего нет, его забрали!

— Не это ищешь? — голос за спиной донельзя зловредный, а хозяйка под стать.

Улыбается ехидно, листая блокнот с гордой надписью: «Дневник Елены», окружённой плеядой разноцветных сердечек. Инга подмигивает, а затем зачитывает:

— Дорогой дневник! Сегодня опять столкнулась с ним в коридоре, он извинился и помог поднять учебники. Кажется, я всё-таки влю...

— Отдай! — кричу испуганно, подлетая к сестре и пытаюсь вырвать дневник из рук.

Она с лёгкостью изворачивается, смеётся, а потом говорит:

— Вот это страсти по Колесникову! Я завтра всем в классе расскажу! Ну ты посмотри на себя, уро...

— Инга!

Мы с сестрой замираем на месте от грозного окрика отца, появившегося в дверях нашей комнаты.

— Как смеешь так разговаривать с сестрой?!

У девушки не нашлось ответа и она молчит. И также молча позволяет вытащить из рук дневник.

— Она мне не сестра! — неожиданно закричала Инга, когда он неодобрительно покачал головой. — Папа, ну ты посмотри на неё! Она же уродина, её все ненавидят! А ещё по ночам она постоянно орёт и стонет жутко! Я не...

— Молчать! — прикрикнул он, а я заплакала.

Мне всего десять лет, Инга на год младше, раньше она никогда так себя не вела — никогда не обзывалась, не дразнилась, как другие. Мне больно и обидно. А ещё больно от того, что папа бьёт её по попе, а мама в наказание лишила Ингу обеда и ужина.

Я принесла хлеб с маслом и солью, когда родители ушли на вечернюю дойку. Инга до крошек всё съела, а потом заплакала.

Мы сидим, обнявшись, и она, роняя крупные слёзы, шепчет, извиняясь за нехорошие слова и обещая, что больше так не будет:

— Мы одна семья! — громким шёпотом говорит она, а затем отодвигается и смотрит с улыбкой. — Ведь правда? — её глаза загораются неоновым светом.

— Ведь правда, Лен?..

Всё теряется в голубой дымке.

Поднимаюсь резко, с глубоким вдохом и невыносимо медленным выдохом. Рёбра и затылок болят ярко и остро, но я жива. И в своём рассудке!

Ещё не успев осознать где нахожусь, вспоминаю тягостный сон. На самом деле Инга тогда не извинилась и не приняла хлеб с солью, а надулась как индюк и извинения принесла на следующий день из-под палки, так как родители от неё не отставали. Больше она в открытую не гадила, а, повзрослев, перестала гадить и втихую. Мы стали проще относиться друг к другу, но так ли это?.. Правдивы ли слова Кая или он всё ещё играет со мной? Сестра всю жизнь ненавидела меня или же это была обычная детская ревность? Где правда?

— Ты очнулась, — в голосе Эльзы было полно «радости». — Как себя чувствуешь?

— Как будто попала под поезд, — простионала в ответ, а затем потянулась рукой к

голове и обнаружила, что прикована наручниками к двери машины. — Что за чёрт?

Она обернулась, смерила скептическим взглядом, а затем ответила.

— Та девка всадила полную дозу неона.

Параллельно Эльза припарковала автомобиль у дороги и принялась рыться в бардачке.

— Сейчас посмотрим, что в итоге получилось.

— Ты о чём?

— Нашла! — воскликнула она, доставая пузырёк с красными таблетками. — Прими две штуки и мы узнаем, осталась ли ты собой.

— Ты думаешь, я... под контролем? — спрашиваю осторожно. — Как эти таблетки помогут?

Зло прошипев что-то неразборчивое, всё равно протянула их, доставая бутылку с водой.

— Мы не можем опираться на тебя, Елена. Нужны незаметные способы определять неонизированных. Если больна, от них станет плохо: тошнота, головокружение и носовое кровотечение. А если нет, то ничего не произойдёт.

Я нерешительно взяла таблетки, пока она очень пристально, даже напряжённо наблюдала за моими действиями. Насколько могу доверять этой женщине? Она неоднократно спасала мне жизнь, но... Всегда есть какое-то но.

Заглотив таблетки, позволила напоить меня водой, после чего Эльза завела машину и мы тронулись с места.

Пока была без сознания, ночь сменил ясный безоблачный день, а мы всё дальше забирались на север, подальше от крупных и средних городов, двигаясь по направлению к самой глуши. Дорога становилась хуже, машин всё меньше и меньше, а лес вокруг гуще.

Чувствовала себя плохо, ничего общего с обещанными симптомами, просто последствия избиения. Через час Эльза отдала ключ и я смогла отстегнуть наручники и расслабиться на заднем сидении.

Из сумки выудила несколько запакованных холодных бутербродов, сладкий чай в пластиковой бутылке, шоколад и яблоки. И принялась методично уничтожать запасы пищи. Я была голодна. Я была очень и очень голодна, поэтому съела всё подчистую, и всё равно испытывала слабый голод. Это последствия пережитого. Прошлая ночь и день были чересчур... насыщенными. Стычка с Каем, жуткий сон, побег из усадьбы, столкновение с девушкой на заправке, потом сон-воспоминание...

Всё это словно жизнь сбесилась и слетела с катушек. Или как брыкающаяся лошадь, то затишье, то буря бурей. Я готова сорваться на крик от любой мелочи. От любой фразы накроет истерика. Да даже мысли об этом уже вызывают слёзы.

Я попыталась поспать, укрывшись пледом и зарывшись в него, чтобы не видеть, как Эльза с презрением поглядывает на меня. Но сон никак не идёт, а рёбра болят, голова раскалывается и всё мерещится кровавый привкус на разбитых, искусанных губах.

Когда дорога потеряла всякую связь с асфальтом, сменилась отвратительной колеёй, уже смеркалось и сквозь деревья на нас падали кроваво-красные закатные лучи.

Я давно выбралась из-под пледа, бездумно уставившись в окно, теряя время в наблюдениях за меняющимся, но таким однообразным лесным пейзажем. Эльза всю дорогу провела в молчании, лишь изредка прикладываясь к бутылке с водой да один раз остановившись и съев свою заначку из бутербродов и сока.

Но теперь дорога подошла к концу. Автомобиль вырвал на небольшую поляну перед

старым заброшенным домом с покосившейся крышей и заколоченными окнами. Эльза сделала круг, развернув машину обратно лицом к дороге, заглушила мотор и вынула ключ из зажигания.

На нас упала лесная тишина. Я и подумать не могла, что так устала от шума автомобиля. Через зеркало вижу, как устало в никуда смотрит Эльза. Женщина провела за рулём весь день и часть ночи, по глазам видно, как зверски она устала.

— Они здесь? — вопрос прозвучал очень громко и хрипло.

Эльза помотала головой.

— Машины нет, — тихо ответила она. — Значит приедут позже. Пойду поищу ключи от входной двери, если надо в туалет, то будка за домом.

Благодарно кивнув, вылезла из машины, разминаясь от долгого сидения на одном месте. Поёжившись от вечерней прохлады, достала изрядно помятую с пятнами крови толстовку. Накинув капюшон, взяла фонарик и отправилась за дом, пока Эльза обшаривала открытую веранду в поисках ключей.

Меня не покидает странное чувство будто это место какое-то неправильное. Откуда взялся дом посреди леса в глуши, где на многие километры ничего нет? Это охотничья заимка? Откуда Эльза знает об этом месте, ведь видно, что дом разваливается и за ним никто не следит.

Чем дальше нахожусь здесь, тем острее чувствую страх. Звуки кажутся нереальными, чужими. А на грани слуха кажется, как что-то скрипит. В почти полной темноте эти звуки пугали до чёртиков.

Выйдя из маленького туалета, огляделась, прислушиваясь к этой пугающей тишине. Не сразу, но почувствовала лёгкое дуновение ветра, принёсшее тухлый смрадный запах. Я навожу фонарь в сторону леса, а затем иду, пригнувшись, хмурясь, пытаюсь определить, что это такое. Мне не пришлось далеко ходить. Буквально через двадцать-тридцать метров, вышла к небольшому оврагу, из которого шло такое амбре, что меня затошнило и заслезилась глаза от острого запаха.

Наведя фонарик вниз, пошатнулась от ужаса и ухватилась за ствол дерева, чтобы не упасть вниз. Передо мной возникла жуткая картина, нечто ирреальное, невозможное, невыносимое.

Я увидела останки невероятно огромного существа, местами изглоданного до костей. Земля в овраге влажная, отчего запах имел оттенок гнили, но не было мух и личинок. Не сразу смогла увидеть картину целиком. Из-за темноты и слабого фонарика, видела лишь фрагменты существа, следы когтей на остатках шкуры, сломанный изогнутый бивень, крупную продолговатую голову. Это, чёрт бы его побрал, мамонт. Дохлый недавно съеденный мамонт!

От осознания закружилась голова, но я собрала себя по кусочкам и рванула обратно к дому. Откуда бы он не взялся, я не хотела встречаться с тем, кто его убил.

— Эльза! Нам нужно убираться отсюда! — негромко закричала, огибая дом и возвращаясь на поляну.

Женщина стояла рядом с открытой дверцей со стороны водительского места. Работающий двигатель, включённые фары, пистолет в руках и холод в глазах.

— Эльза? — спрашиваю, резко остановившись, когда она навела на меня пистолет.

— Не двигайся! — приказала женщина. — Зайди в дом и оставайся в нём, пока я не уеду.

— Что?..

Эльза грязно выругалась, а затем истерично рассмеялась, отчего пистолет немного повело в сторону.

— Как же ты дура, Елена! — воскликнула она. — Ты всё время пыталась довериться мне, даже не понимая, как я старалась избавиться от тебя! С той самой минуты, как увидела шрам от укуса Лико! Я даже пыталась убить тебя, но пострадал он! Ты виновата во всём, дрянь подзаборная! — закричала Эльза под конец, а затем сняла пистолет с предохранителя. — Мне сказали, что если привезу тебя сюда, то больше никогда не увижу. Вот и отлично! Надеюсь, ты сдохнешь и больше не будешь моей головной болью!

Не стало звуков, мыслей, чувств. Я подумаю об этом завтра, так говорила одна девушка из книги. Это то, что нужно мне. Резко набросился острый страх. Сиюминутное чувство опасности и обречённости заставило выпалить единственное, что волновало в данный момент:

— Что это за место?! Куда ты меня привезла?!

— Без понятия. Мне дали навигатор и приказали привезти до того, как сядет солнце, — пожав плечами и зло улыбаясь заявила она. — Судя по твоим крикам здесь и правда есть что-то жуткое. Надеюсь оно тебя сожрёт.

— За что, Эльза? За что ты хочешь моей смерти? Это всё из-за Лико? Мы же договаривались — я исче...

— Это невозможно, дура ты набитая! Стой на месте! — вновь закричала она, выравнивая пистолет. — Думаешь, не вижу, как ты пытаешься заговорить меня?!

— Эльза...

— Просто знай, смерть не будет напрасной. Кое-кто заключил со мной сделку — твоя жизнь в обмен на то, что поможет уничтожить неон. Я без понятия, кому ещё ты насолила, но дико рада, что так всё обернулось. Так что... наслаждайся последними лучами солнца, скоро ты умрёшь. А теперь иди в дом и дай мне уехать! — приказала она.

Я не могла пошевелиться. Глубоко внутри просыпалось то самое чувство, которое толкало на безумства. То, что делало меня особенной, моя вторая ипостась.

И вместе с ней мир вокруг словно менялся, потянуло зимним холодом.

Эльза бросила взгляд на часы на запястье, поджала губы, а затем приказала сквозь зубы:

— Не двигайся! — а затем быстро села в машину и захлопнула дверь.

Я сорвалась с места: успеваю несколько раз ударить кулаками по стеклу, пытаюсь докричаться до неё, умоляя не бросать, но Эльза нажала на газ и машина тронулась с места, подскакивая на ухабах, ломая подвеску.

— Не уезжай! — кричу ей вслед, пытаюсь догнать, но боль в рёбрах, боль в голове, усталость, отчаяние, лишаящее сил, вырубил буквально через несколько минут и я упала в грязь, обречённо наблюдая за тем, как скрываются среди деревьев красные задние огни.

Всё смолкло, только тишина кругом да странно-знакомый скрип, раздающийся со всех сторон. Нет пения птиц и шелеста их крыльев, деревья умолкли, полный штиль. Солнце полностью скрылось за горизонтом, погрузив лес в черноту, которую не решилась разбить фонариком.

Я осталась одна, а где-то поблизости бродит то, что убило мамонта. Эльза бросила меня по чьей-то указке, а я даже не знаю, что делать.

— Арман, — всхлипнула очень тихо, зажмурившись, пытаюсь вызвать его, но ничего не изменилось.

Он не пришёл ко мне. Открыв глаза, увидела вдалеке красные и жёлтые точки.

— Эльза! — вздох облегчения, встаю с колен, с улыбкой смотря на дорогу.

Но улыбка сползает, когда до меня доходит, что огни слишком мелкие и их слишком много. Над лесом проносится протяжный волчий вой.

— Нет-нет-нет! — зашептала негромко, лицо исказила гримаса ужаса.

Развернувшись, хотела бежать к домику, но его там не было. Его там не было!

— Не может быть! — вырвалось непроизвольно и я зажала рот руками.

Обернувшись, увидела, что пар глаз стало больше, они приближаются, и скоро будут здесь.

Я сорвалась с места. Усталость и боль исчезли под мощным выбросом адреналина. Бегу в никуда, но не могу не бежать. За мной следуют волки и это не сон, как и снег, падающий с небес, как и сугробы, замещающие траву, как и белые шапки вместо листвы, укрывающие деревья. Из рта вырывается пар, ледяной ветер набросился на меня, роняя в глубокий сугроб, лишая возможности продолжить бежать.

Запрокинув голову, вижу звёздное небо. И вижу нереальное, немислимое, невозможное. Вижу три луны на небосводе.

Я попала в мир волков.

Больше книг на сайте - Knigoed.net